

ОПТИНСКИЙ АЛЬМАНАХ

«Добродетель ангелов»

Введенский ставропигиальный
мужской монастырь Оптиная пустынь

2016

УДК 271.22-36
ББК 86.372
О-62

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-610-0426*

Настоящий номер альманаха включает в себя богословские статьи, материалы по истории Оптиной пустыни, жизнеописания подвижников благочестия и других лиц, имеющих отношение к обители. Публикуются документы и фотографии из архива Оптиной пустыни, а также из других отечественных музейных и архивных собраний.

ISBN 978-5-86594-217-7

© Составление, оформление.
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина пустынь, 2016

Содержание

Монашество — наука из наук

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)
«Добродетель ангелов» 5

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)
Моисей был кротчайший из людей.
Немного о сущности старчества 9

Е. М. Аксененко
Игумен Антоний (Бочков) и Оптиная пустынь.
О судьбах русского монашества в XIX веке 16

Испытание верности Богу

В. Н. Торопова
«Дело созидания душевного спасения».
К 130-летию со дня рождения С. Н. Дурылина 33

Оптинский некрополь

М. А. Можарова
Они служили Отечеству.
К истории некрополя Оптиной пустыни 63

История Оптиной пустыни в документах

Иеромонах Платон (Рожков)
**История Оптиной пустыни от возникновения
до конца XVIII века** 76

С преподобными преподобен будещи

И. А. Виноградов
**Почитание преподобного Серафима Саровского
в ближайшем окружении Н. В. Гоголя: Москва
и Оптиная пустынь** 86

Святые под судом

В. А. Десятников

Свет добрых дел.

Козельский краевед Василий Сорокин 94

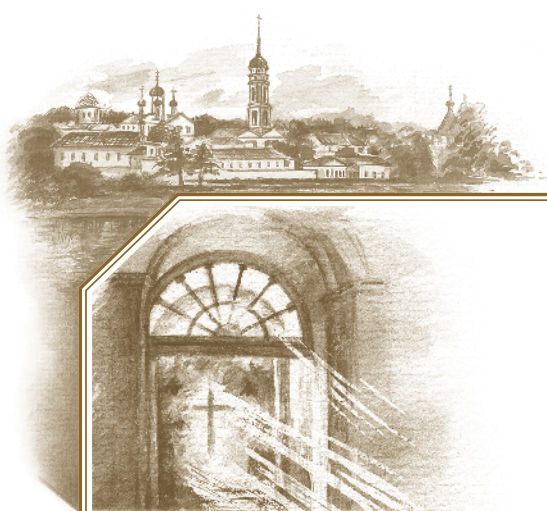
Церковь и государство

Иеромонах Платон (Рожков)

**Некоторые аспекты изучения материалов судебно-
следственных дел в контексте прославления святых.. 107**

Источники и литература..... 117

Список сокращений 119

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)

«Добродетель ангелов»¹

От редакции

Схиархимандрит Гавриил (Бунге) – настоятель Крестовоздвиженского скита в с. Ровередо (Швейцария), клирик Корсунской епархии Русской Православной Церкви Московской Патриархии, богослов и патролог с мировым именем.

Будучи сегодня гостем в России, в одном из интервью он признался, что ему всегда было «как-то неудобно говорить о таких вещах, как аскетика, аскетическая жизнь...» Подобная неловкость возникает лишь тогда, когда предмет разговора является уже не просто областью научной специализации, но сокровенным достоянием личного опыта, дыханием собственной жизни.

Знаток древних языков и творений ранних отцов Церкви, отец Гавриил с 1980 года встает на путь строгой пустынножизни в Швейцарских Альпах. Предмет его научных интересов – аскетика – подвигла узеного посвятить всего себя без остатка служению Богу. За более чем тридцатилетнее пребывание в скиту Святого Креста в кантоне Тигино отец Гавриил становится автором ряда замечательных книг, посвященных аскетике и борьбе со страстями, – все они переведены сегодня на многие европейские языки, доступны и нашему читателю. По словам другого выдающегося узеного, нашего соотечественника С. С. Аверинцева, в книгах отца Гавриила самым ценным является именно то, что они не содержат ничего, «чему бы автор не научился прежде всего сам... не освоил на собственном опыте».

В 2010 году, уже семидесятилетним, отец Гавриил присоединяется к Православию. Он посещает святые уголки нашей страны, знакомится с жизнью древних русских монастырей. Оптина пустынь, с исключительным духовным наследием ее великих старцев, не могла не стать для отца Гавриила местом неоднократного паломничества.

Мы предлагаем вниманию читателей две небольшие статьи известного узеного и подвижника, написанные автором специально для нашего альманаха. Его излюбленной темой остается исследовательский интерес к духовному узению древних отцов, а также размышления о феномене монашества, в частности – монашества русского, исторический путь которого не оставляет отца Гавриила равнодушным.

Схиархимандрит Гавриил.
Май 2012 года. Фотография
А. Рыбакова

¹ Пер. с фр. священника Димитрия Агеева.

В этой краткой статье нам хотелось бы поделиться своими размышлениями о духовном учении одного из самых известных отцов-пустынников, который оказал влияние на многие последующие поколения монахов, – Евагрия Понтийского (345–399).

Евагрий получил богословское образование в школе у святого Василия Великого, который постриг его во чтеца и принял в свой клир. После смерти святителя Евагрий отправился в Константинополь, где пребывал в послушании у святителя Григория Богослова¹, а затем удалился в египетскую пустыню и стал сотаинником святого Макария Великого. В «Житии святого Евагрия», составленном его учеником – святителем Палладием, епископом Еленопольским, автор так излагает учение старца: «Он имел обычай говорить, что *кротость*² ведет ум к истинному ведению, возводит его к горнему. Ибо сказано: *наугит кротких путем Своим* (Пс. 24, 9). Воистину это есть добродетель ангелов»³.

Палладий говорит, что и само «учение Евагрия было очень *кротким*». Это и привлекало к нему множество людей, уязвленных различными «болезнями души».

Кротость («praotes»), согласно Евагрию, есть прежде всего проявление подлинной христианской любви («agare»). Эта любовь – характерная черта ангелов, служителей Бога и человек, непрестанно пребывающих, согласно Промыслу домостроительства Божия, в «служении сострадания и любви»⁴.

¹ Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцев. М., 2014. С. 165.

² Здесь и далее курсив без ссылки на Священное Писание автора. – *Примеч. ред.*

³ Житие Евагрия см.: Bunge G., Vogüé A. de. Quatre ermites égyptiens d'après les fragments coptes de l'Histoire Lausiaque. Bellefontaine, 1994. (Spiritualité Orientale; 69).

⁴ Евагрий. Слово о духовном делании, или Монах. Ст. 76 // Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. статья и коммент. А. И. Сидорова. М., 1994.

Авва Евагрий называет *кротость* «матерью познания», потому что, как мы прочитали выше, только *кротких* научает путям Своим Тот, кто Сам есть сама Кротость. «Пути Господни» – это познание вещей и смыслов, получивших свое бытие в творческом акте воли Божией.

Ангелы же, которые *на небесах всегда видят лицо Отца... Небесного* (Мф. 18, 10), отличаются тем, что в преизбытке владеют *ведением земных вещей* (2 Цар. 14, 20), и только Ангелу свойственно такое познание, когда не ускользает от него ничего из того, что есть на земле.⁵

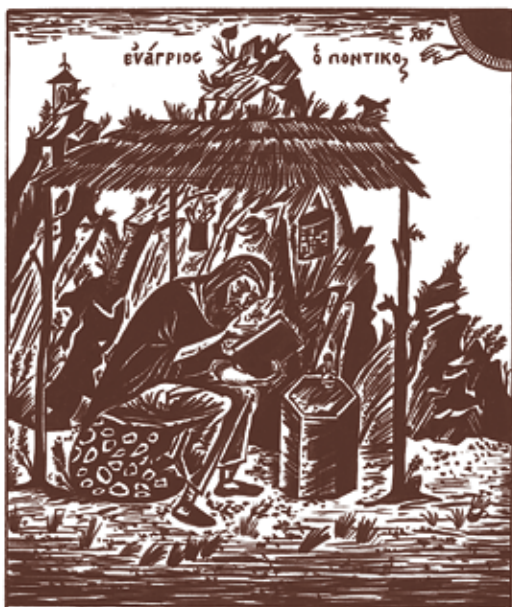
Из сказанного выше можно заключить, что *кротость* делает человека «ангелом на земле», в то время как противоположность этой добродетели (гнев) исключает его из чинов ангельских.⁶ Гнев в своих многочисленных проявлениях, как-то: зависть, клевета, ненависть, злопамятность и т. д., – начиная управлять человеком, в итоге превращает его в демона, ибо сказано, что *завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24), и, одержимый этими страстями, он продолжает *клеветать пред Богом на братьев наших день и ночь* (ср.: Откр. 12, 10) до Страшного Суда.

Подобает монаху хранить себя постоянно от власти гнева и всеми силами стараться стяжать *кротость и смирение сердца*, которые присущи Самому Господу нашему Иисусу Христу и которым мы все призваны Им научиться (ср.: Мф. 11, 29). Посему гнев ослепляет наш дух, предавая его диаволу и отстраняя от познания Бога⁷, а *кротость* сотворяет его

⁵ Евагрий. Умозритель, или К тому, кто удостоился ведения. Ст. 16 // Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994.

⁶ Les six Centuries des «Képhalaia gnostica» d'Évagre le Pontique. (Patrologia Orientalis; 28). IV, 38.

⁷ Évagre. Scholia in Psalmos. Ch. 4. 6, 8. Автор пользуется выверенным манускриптом Vaticanus graecus 754. См. также: Rondeau M.-J. Le commentaire sur les Psaumes d'Évagre le Pontique // OCP. 1960. Vol. 26. P. 307–348.

Евагрий Понтийский.
Рисунок с гравюры середины XX века

(дух) созерцателем, познающим Божественные тайны¹.

Стяжав кротость, монах становится «ангелом во плоти» или, как говорили о преподобном Макарии Великом, «земным богом»: «Об авве Макарии Великом утверждали, что он был, как сказано в Писании, „бог земной“, потому что как Бог покрывает мир, так и авва Макарий прикрывал согрешения, которые он, и видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал»².

Как Сам Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 4), так, напротив, демоны всеми средствами стараются этому помешать³.

¹ *Évagre*. Lettre 27, 4.

² Иоанн Мосх, блж. Луг духовный: достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. № 31; Игнатий (Брянганинов), свт. Отечник. № 11.

³ См. *Évagre*. Scholia in Psalmos. Ch. 15. 67, 24. Евагрий опирается на Ин. 6, 56, подразумеваемая практика частого Причащения Святых Христовых Таин, что было в уставе общин отцов-пустынников, согласно правилам прп. Макария Великого. Отказ от Причастия рассматривался старцем как верный признак того, что брат, пораженный гордостью, впал в прелесть. В «Лавсаике» свт. Палладий приводит множество подобных историй из монашеской жизни.

Мы знаем, что каждый христианин, отринувший в таинстве Святого Крещения «ветхого человека» и «облекшийся во Христа», становится «новым человеком», которому предстоит в надлежащее время стать *равным Ангелам... будужи сыном воскресения* (Лк. 20, 36). Но монах, который уже облачен в «одежду ангельскую», призван предвосхитить и исполнить уже в своей земной жизни все то, что надлежит всем нам преодолеть, дабы достигнуть преобразенного состояния (ср.: Мф. 19, 28 и Тит. 3, 5)!

Постараемся понять точнее – что же есть *кротость*? Мы уже говорили о том, что авва Евагрий определяет кротость прежде всего как *любовь*, которая является отличительным качеством подлинного ученика Христова. Ибо Сам Христос сказал, что «самая большая любовь» присуща тому, кто *отдает свою жизнь за друзей своих* (Ин. 15, 13). Так поступил Он Сам, и именно в этой божественной любви Христос научает пребывать всех нас (ср.: Ин. 15, 9–10).

Для объяснения того, как *любовь-кротость* проявляется конкретно, Евагрий многократно в своих творениях прибегает к примеру личности пророка Моисея.

В Священном Писании есть только три персонажа, которые называются «кроткими»: пророк Моисей⁴, царь Давид⁵ и Сам Господь наш Иисус Христос. Совершенно очевидно, что *любовь-кротость* не есть добродетель слабых, но добродетель в высшей степени «аристократическая», в первоначальном смысле этого слова: добродетель «лучших из лучших»! На примере личности пророка Моисея мы видим, как это «совершенство» проявляется в земном человеке конкретным образом.

Когда народ Израиля отвернулся от Бога, создав себе рукотворного кумира и бога, которому легче и понятнее поклоняться – золотого тельца, Бог решил

⁴ Чис. 12, 3.

⁵ Пс. 131, 1.

его (народ) уничтожить: и сказал Господь Моисею: *поспеши сойти [отсюда], ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской <...> итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя* (Исх. 32, 7–10). И Моисей, *самый кроткий из людей*, встал между виновниками и Богом и сказал: *прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал* (Исх. 32, 32). Чтобы не наказывать Моисея, который не был виновен в этом грехе, Бог прощает весь народ...

Авва Евагрий заключает: «Необходимо помнить, что даже один святой способен повернуть от целого народа гнев Божий, который довлеет на нем»¹. Но Моисей посвятил свою жизнь народу Израильскому, как позже сделает и царь Давид², но лишь один Христос отдал Свою жизнь для искупления всего человечества.

---

¹ *Évagre. Scholia in Psalmos. Ch. 11. 105, 23.*

² См. о нем: Цар., Пар.

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)

Моисей был кротчайший из людей¹

Немного о сущности старчества²

Предисловие

Толчком к рассуждению о сущности монашества стал феномен русского монашеского возрождения после 70 лет атеистического режима. Коммунистический режим разрушил институт монашества, повергнув в руины большинство монастырей. Накануне перестройки из более чем тысячи старых монастырей на громадной территории СССР уцелело лишь восемнадцать.

Иноческая жизнь в рамках нескольких обителей, не закрытых из пропагандистских соображений, казалось, свелась к почти музейному существованию. Но на сегодняшний день монастырей вновь более восьмисот, монахов и монахинь тысячи, а этот достойный удивления факт Западу практически неизвестен.

Этот феномен, похоже, не имеет прецедентов; ничего подобного не случалось со времен Французской революции: тогда традиционную монашескую жизнь пришлось возрождать заново, причем не монахам, а белому духовенству. Поняв оригинальность происходящего в России, я – и сам вот уже 50 лет как монах – задался вопросом: чем вызвано это поразительное возрождение?

Дальнейшие раздумья были неокончательны и недостаточны. Они преследовали чисто практическую цель: полнее осознать то, как лучше сохранить подлинную монашескую жизнь мне самому и помочь другим сделать это в мире, все

более и более светском и неприязненно относящемся к Церкви.

Монашество и Церковь

По своей сугубо евангельской природе монашество как явление не отделено от жизни Церкви, оно – ее истинное сердце, и в Православии всегда остается таковым. Традиционное монашество уходит корнями в незапамятные времена: к монахам можно отнести такие личности, как святые пророк Илия или Иоанн Креститель. Что до «общежительного жития», то до наших дней прообраз для него ищут в жизни древней Иерусалимской Церкви, парадоксальным образом вдохновлявшей даже «первого из отшельников» (по Евагрию) преподобного Антония Великого, устремившегося к жизни «по Евангелию».

Абба — «икона монаха»

У истоков монашества монастырский идеал находил свое совершеннейшее воплощение – свою «икону» – в личности *аввы*³ (отца) или *геронды* (старца)⁴. В Патерике отцов-пустынников, как и в «Постановлениях» преподобного Иоанна

¹ Чис. 12, 3.

² Пер. с фр. Е. Иванюк.

³ Здесь и далее курсив автора. – *Примеч. ред.*

⁴ По-новогречески *γέρωντας*, pl. *γέρωντες*, по-русски *старец*, мн. *старцы*. Отсюда происходит понятие *старчество*, по-русски так называют практику осуществляемого старцем духовного отцовства. – *Примеч. авт.*

*Прп. Антоний Великий.
Фрагмент росписи прп. Андрея Рублева
из Успенского собора во Владимире. 1408 год.
Фотография 2016 года*

Кассиана Римлянина, в центре внимания оказываются *живые иконы*, воплотившие первоначальный монастырский идеал.

Внимательно прочитав житие преподобного Антония Великого, «первого из отшельников», приходишь к странному и немного удивительному на первый взгляд выводу: *монашество родилось одновременно со старчеством!*

Не являлся ли в этом смысле святой Антоний «иконой» идеального монаха, а значит, и идеальным образцом Аввы? Да и о его ученике, преподобном Макарии Великом, перенявшем его дух, и ученике Макария Евагрии Понтийском можно сказать то же самое.

Мой ключевой вывод таков: «икона» идеального монаха воплощается в кон-

кретной личности, а не в букве текста или устава! Лишь в качестве вспомогательного образ монаха переносится в тексты – часто принадлежащие непосредственно отцам, – где он и засвидетельствован.

Монах действительно стремится – да и не может иначе – быть подлинным христианином, жить по-монашески.

В личности геронды, или старца, фигура *аввы* со времен зарождения монашества продолжает жить в Православной Церкви, несмотря на грозные времена, которых не избежала монашеская история. Для уразумения, в какой мере образ *аввы* запечатлен в религиозном сознании православных людей, нужно привести живой пример – для отклика недостаточно просто слов. У меня есть возможность сделать здесь краткое отступление, описав собственный опыт.

Прежде чем самому стать иноком, я сталкивался с образом монаха только в литературе, изучая изречения преподобного Антония из его жития, сочинения святого Кассиана и классические труды Игоря Смолича, такие, как *Leben und Lehren der Starzen* («Жизнь и учение старцев»). Да и подобных текстов в 1950-е годы было еще немного.

Осенью 1961 года – тогда я еще изучал богословие в Боннском университете, – отправившись в путешествие по Греции, два месяца я провел на острове Лесбос. Я планировал просто провести каникулы в компании коллег, но Бог все обращает на пользу. Во время моих вылазок – все время по бездорожью! – в лице почтенного архимандрита Серафима, досточтимого аввы монастыря Ипсилю, мне, наконец, представился случай познакомиться со знаменитым духовным отцом (πνευματικός πατήρ)!

Так как мой новогреческий был слишком скуден для полноценной беседы, общение между сим благообразным старцем и молоденьким студентом – католическим богословом – происходило в основном на невербальном уровне. Мне достаточно было его *видеть*, чтобы

понять: это настоящий *Авва*. Ведь я сразу понял, что я стою перед «иконой монаха», ранее мне знакомой лишь по моим штудиям.

Спустя десятки лет, уже монашествуя и не один год живя отшельником, я нашел еще одно воплощение того же первоначального монашеского идеала в лице отца Клеопы¹ из румынского монастыря Сихастрия. Этот почтенный старец, несомненно, был самым известным румынским духовником начала XX века.

Отец Клеопа, старец и настоятель монастыря, подвергавшийся гонениям при атеистическом режиме, 10 лет провел в пещере, а затем вернулся в обитель. В дальнейшем он жил на покое возле главного монастырского корпуса, в маленькой келье, где ему сподручней было принимать бесчисленных посетителей.

Для безопасности посетителей, просяживающих на скамейках в дождь и зной, над входом пристроили пластиковый навес. Временами отец Клеопа выходил из своего затвора и вступал с паломниками в беседу. Он посвятил себя одному: *молитве*. У меня возникло ощущение, будто я оказался в IV веке и стою в преддверии пещеры преподобного Иоанна Ликопольского, столь живо описанного Палладием, лично посетившим знаменитого прозорливца Фиваиды.

Спасибо переводчику – общение на этот раз сдвинулось с невербального уровня. Так я сумел понять, в чем именно состоит *отцовство* аввы. Отец Клеопа отказался говорить о монашеском подвижничестве, когда я смиренно задал ему этот вопрос, ибо, – сказал он, – на таком уровне каждый рассчитывает собственные силы. Видя, что он, бесспорно, наделен внутренним зрением, я не нуждался в большем, он же настоял на краткой беседе о *молитве*. Мне невольно вспомнился Евагрий Понтийский, удостоившийся – как и его друг Аммо-

¹ Архимандрит Клеопа (Илие; 1912–1998), известный румынский старец, почитаемый подвижник. – *Примеч. ред.*

*Прп. Макарий Великий.
Фрагмент росписи прп. Андрея Рублева из
Успенского собора во Владимире. 1408 год.
Фотография 2016 года*

ний – обсуждения сего возвышенного предмета с преподобным Иоанном Прозорливым.

Подробности разговора я опускаю, так как наставления отца Клеопы были очень самобытны. Скажем так: я был изумлен, потому что никогда не слышал подобного. Однако благодаря изучению текстов Евагрия я извлек из его наставлений сокровище. Ведь они укладывались в жесткие рамки доктрины понтийского монаха, с которой отец Клеопа явно никогда не был знаком (разве что с сочинениями, приписываемыми Нилу Анкирскому).

Сомнений не оставалось: отец Клеопа из Сихастрия – подлинный старец, «духовный отец» в духе Евагрия – тот самый редчайший пример Аввы, который

описан в письмах последнего: «что же до духовных отцов, то „отцами“ мы зовем их не за то, что они стоят во главе (ἀρχοντες) множества – иначе так можно было бы называть и трибунов. Нет, они – „отцы“, ибо осенены духовной благодатью, способной произвести множество в добродетели и в познании Бога»¹.

Словом, истинный авва не только безмолвная икона, образ, но духовный наставник, способный и других на практике вести за собой к познанию Бога. *Опосредованное*, косвенное зрение в лике старца Божественного отражения со временем по милости Божьей обращается в *непосредственное* (лицом к лицу)².

Авва способен к этому, не только будучи собственно воплощением сущности монашеского жития, но и благодаря личному пути, пройденному к Царству Небесному. Помимо этого, он должен стяжать «духовную благодать» (χαρίν πνευματικὴν), каковая единственно «способна породить множество учеников в добродетели и познании Бога».

Кстати, никто не может «рукоположить» в старца, даже Патриарх или епископ! Старчество не институт, а дар Святого Духа. Но пастыри Церкви все-таки должны подтвердить подлинность божественной благодати, харизмы, дабы уберечь верных от лжестарцев, каковые, очевидно, тоже существуют.

И Евагрий – просвещеннейший человек, ученик святителей Василия Великого и Григория Назианина, а позднее, в египетской пустыне, преподобного Макария Великого, – как и отец Клеопа, в глазах обывателя – невежда, не прошедший университетского курса (впрочем, как и святой Антоний Великий), прибегал также

¹ *Евагрий*. Письма, 57, 2 (греческий и сирийский текст). – *Примеч. авт.*

² *Теперь же мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же* [когда настанет Совершенное] *лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12). Старец, являясь отражением Небесного света, может привести послушника, по благодати Божией, к непосредственному лицезрению Божественного. – *Примеч. ред.*

к *письменному глаголу*. Другие духовные отцы ограничивались лишь *живым словом*. Но в итоге все же Господь – Святым Духом – рождает духовных детей. Духовный отец – всего-навсего послушное Ему орудие. Однако справедливо и то, что духовные чада *обретают Божественное Отцовство через общение со своим духовным отцом – человеком*.

Примечательно, что так же смотрят на вещи и пахомиты и киновиты³. Взаимосвязь между *Божественным Отцовством* и *отцовством человеческим*, прообразом которой они считают отношения апостола Павла и произведенных им чад, в их глазах – оправдание того, что они называли Пахомия Великого⁴, то есть человека, Аввой (несмотря на запрет Христа называть «Отцом» кого-либо на земле).

Для понимания того, сколь загадочно возрождение русского монашества, следует вспомнить один первостепенный исторический факт. У истоков монашества связи между «иконой монаха» – аввой – и существованием *институализированного монашества* с его обителями, письменными уставами и настоятелями не было.

По сути преподобные Антоний и Макарий Великие, Евагрий Понтийский и многочисленные «отцы-пустынники» (Палладий) не являлись частью монастырской структуры! Иначе говоря, *сущность монашества не связана с существованием институализированного монашества!*

Поэтому «икона монаха» [образ подлинного, идеального инока. – *Примеч. ред.*] встречается главным образом среди *отшельников*, чьи кельи имели только самое необходимое – защиту от зноя и холода – и чьим своеобразным уставом в ту эпоху был личный пример «*предше-*

³ Ср. с нашей книгой *Geistliche Vaterschaft*. – *Примеч. авт.*

⁴ Имеются в виду общежительные (киновийные) монахи. Прп. Пахомий Великий († ок. 348), память 15/28 мая, основатель общежительного монашества. – *Примеч. ред.*

ствующих нам в добре» (Евагрий) – еще не ставшая каноном живая традиция.

В России атеистическому режиму, длившемуся 70 лет, конечно же, удалось разрушить монашеские институты и сами здания монастырей, но не удалось добиться уничтожения «иконы монаха», так как старцы не были привязаны ни к какой-либо институции, ни к определенному месту! Они «практиковали» где душа пожелает.

Само собой, большинство старцев до революции жили в крупных обителях или были к ним прикреплены. Когда те закрылись или оказались разрушены, многим пришлось исповедовать свою веру в лагерях, тюрьмах или на поселении на задворках советской империи. Так как многие пережили гонения, тюрьмы и лагеря, их справедливо считают исповедниками веры.

Старцы превозмогли все испытания, ибо оставались живым идеалом носителей Духа (πνευματόφοροι)¹ времен зарождения монашества. Словом, «Дух, идеже хоцет, дышет»². Никакому атеистическому режиму не истребить Дух. Невероятно, чтобы христиане позабыли Бога!³ Пережившие великую бурю старцы позднее ушли в полуподполье, причем часто они селились в малолюдных местах. Их благодать, должно быть, проявилась ярче прежнего, ибо теперь они возвратились к изначальной форме жития аввы. Многие «новые монахи» застали в живых и общались с кем-либо из старцев, возможно, известных лишь в узком кругу, но тем менее олицетворявших суть монашеской жизни.

Эта (относительная) по сравнению с институциями, в том числе церковными, независимость приводит нас к другому ключевому аспекту. Издревле Церкви как

¹ Ср.: Пахомий Великий, *прп.* Паралипомена (Paralipomena 26 (Lefort, 153, 19)) (о монахах в целом); Палладий, *еп. Еленопольский*. Лавсаик (Historia Lausiaca 11: Butler 34, 11) (о Евагрии).

² Ин. 3, 8.

³ Ср.: 1 Тим. 5, 19.

институту угрожала секуляризация, то есть опасность волей или неволей скомпрометировать себя контактами с «миром» и сильными мира сего и тоже превратиться во что-то «мирское». Вместе с ней этому соблазну подвергалось и монашество как институт. Вдобавок над ним всегда висела угроза сузить свои горизонты до «современности» и, как следствие, утратить свое эсхатологическое и собственно духовное измерение.

Старец же, даже в стенах крупной обители до известной степени не связанный ограничениями, налагаемыми на церковные и монашеские институты, подвержен этим соблазнам куда меньше. Да и геронда – необязательно настоятель, как это часто случается на Афоне. Так же, впрочем, дело обстояло в Египте во времена первых монашествующих.

Институция в рамках своей компетенции, бесспорно, сыграла важную роль: она благоволила и покровительствовала реорганизации. Нечто подобное представляла собой, к примеру, первая реорганизация русского монашества в XIX веке под покровительством митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова). Любопытно, что его келейник Феофан окормлялся у молдавских старцев и продолжал тесно с ними контактировать. Когда митрополит должен был назначить нового авву, он не нашел, к кому обратиться, кроме как к своему келейнику, самому подходящему, чтобы нести это бремя⁴.

Освежим память о древних!

Посещая Россию, я часто слышу, в том числе из уст собратьев-монахов, горькие сетования, что-де «традиция прервалась», современное монашество – несовершенно, и – особенно – что перевелись древние иноки и так далее и

⁴ Архимандрит Феофан (Соколов; † 1832). С 1791 г. настоятель Моденского монастыря Новгородской епархии, затем Кирилло-Новоезерского монастыря. – *Примеч. ред.*

Оптина пустынь. Внутренний вид Введенского собора

тому подобное. У современного русского монашества есть, бесспорно, свои недостатки, но не они суть проблемы.

Масса виднейших монахов стремится устранить недостатки, прибегая для этого к непрерывной традиции насчитывающего тысячу лет *афонского монашества*. Это, разумеется, здоровая реакция, которая даст плоды. За ней стоит внутреннее убеждение, что *традицию не изобретают*, а лишь поддерживают.

Признавая это, не следует, однако, пренебрегать уроками новейшей русской истории, а именно верностью, явленной в советскую эпоху бесчисленным числом монахов и монахинь! Этот пример ничем не уступает подвигам древних иноков, отцов-пустынников и их последователей.

Каждый старец воплощает именно *определенную разновидность изначального и вечно идеала*, среди них не найдется и двух похожих. Разумеется, о подражании нет здесь и речи – во всех один и тот же идеал проявляется по-своему! Значит, по

праву и в полном согласии с внутренним чутьем Русская Церковь печется о канонизации одного за другим этих воплотителей и облегчении верующим доступа к их святыням.

Для меня очевидно, что нынешним русским монахам достаточно повнимательней почитать *жития* и труды *старцев* советской эпохи, каковых была целая плеяда, чтобы понять, в чем *сущность монашества* и как вести себя перед лицом современной *секуляризации*, грозящей теперь даже очень консервативным по своей натуре афонским монахам. Эта секуляризация внедряется исподволь: через новейшие средства связи, интернет и т. д.

Причину, отчего современные русские монахи недоверчиво – чересчур недоверчиво – относятся к собственной традиции, я вижу в том, что они преувеличивают значение несомненного *институционального разрыва* и странным образом упускают из виду *духовную преемственность*, может, и не столь явную, но все же более чем реальную.

Мой многократный опыт заставляет меня верить в будущее православного монашества и русского монашества в частности: монахи продолжают *задавать правильные вопросы*, а значит, бесспорно, они – нередко не отдавая себе в этом отчета – *находятся на верном пути*. Красноречивый пример – мой личный опыт на Валааме («Северном Афоне»).

Эта славная обитель – старинный форпост русского монашества. Обитель заняла несколько островов Ладожского озера. Валаамский архипелаг огромен: чтобы добраться из одного места или острова куда-нибудь еще, требуется транспорт – автомобиль или лодка.

Как-то раз, чтобы посетить скит во имя Всех Святых, где тогда полным ходом шли реставрационные работы, мне пришлось взять машину. Наш водитель, молодой послушник Игорь, судя по всему, недавно покинувший мир (у него были проколоты оба уха!), не замедлил воспользоваться выпавшей ему удачей, благо справа от него сидел престарелый седобородый монах.

Без ложной застенчивости он обратился ко мне: «Могу я кое о чем вас спросить?» – «Разумеется!» – «*Какая в монахе величайшая добродетель? И как обрести дар молитвы?*» Игорь, похоже, еще не прочел святого Кассиана, поставившего перед монахом такую «цель» (*finis*): «*Так вот, цель монаха – совершенствовать сердце в непрерывной и усердной молитве и, насколько позволяют ему теловещеские слабости, в стремлении к непоколебимому спокойствию духа и везной густоте*»¹.

Так как эти два вопроса – Игорь ни о чем больше не спрашивал – попали в самую точку, мне, надеюсь, удалось ответить ему по существу. В любом случае он остался доволен. Хотел бы я знать, что случилось с этим юным дичком, которого Господь осенил милостью и который сейчас в поисках своего пути наверняка предоставлен сам себе.

Да так ли уж отличалось его состояние от моего собственного на пороге монашеской жизни? Монахи моего по-

коления уже не знали *старцев*. Мы были полностью предоставлены себе. У меня – благодарение Богу – до ухода в монастырь была возможность самостоятельно получить знания из базовых текстов о раннем монашестве. Но этих *литературных* познаний недостало бы, чтобы навести меня на путь достижения абстрактного идеала, не распознай я его в личности архимандрита Серафима, как я говорил выше, живой «иконы монаха». Не сомневаюсь, что благодаря этому юношескому опыту впоследствии я сумел извлечь духовную пользу.

Однажды молодой оптинский послушник пожаловался мне с грустью в глазах: «Нет больше отцов, старцев... здесь одни мощи². Как же быть?» Хотя это не совсем так: в числе своих насельников Оптина может гордиться знаменитым старцем Илием, а я познакомился там с другими выдающимися монахами.

Всё же я вдруг ответил ему: «Иметь под рукой живого *старца* – роскошь! Мы не вправе этого требовать. Так ведь старцы, как видишь, *умершие плотью*, по-прежнему *живы духом*! Читай их *жития* и изучай их *согинения*. Если хочешь спастись, пробуй применить на практике собственные выводы».

Скит Воздвижения Креста Господня.
Eremo Santa Croce
CH 6967 Roveredo.
2015 год

¹ Преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина Собеседования египетских отцов. Собеседования IX, II.

² Мы познакомились в одной из церквей, где хранятся раки святых старцев!

Е. М. Аксененко

Игумен Антоний (Бочков) и Оптиная пустынь

О судьбах русского монашества в XIX веке

Имя игумена Антония (в миру Алексея Поликарповича Бочкова, 1803–1872), подвижника благочестия, поэта, писателя, публициста, настоятеля Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря Санкт-Петербургской епархии, сравнительно недавно вызвано из забвения.¹ Причины позднего возвращения отечественной истории имени собеседника и корреспондента выдающихся деятелей Русской Православной Церкви XIX века – святителя Игнатия (Брянчанинова), преподобных оптинских старцев Леониды (в схиме Льва, Наголкина) и Макария (Иванова), иеросхимонаха Сергия (Веснина) Святогорца, – а также таких литераторов, как И. В. Киреевский, А. П. Ба-

шущий, монахиня Мария (Шахова), кроются и в драматичных судьбах нашей истории, и в особенностях личности игумена Антония, определивших его непростой путь в монашестве, и в том, что литературное наследие этого духовного писателя (за малым исключением) не было опубликовано².

Весь монашеский путь игумена Антония – от рясофорного пострига до последних дней – был освещен любовью к отцу Льву Оптинскому, духовным наставлениям которого он стремился неукоснительно следовать всю жизнь. Прочное основание этой связи было положено святителем Игнатием (Брянчаниновым). Именно он познакомил Алексея Бочкова с учением святых отцов Православной Церкви. О духовном тяготении будущего настоятеля Череме-

¹ Единственный обстоятельный биографический очерк об А. П. Бочкове написал эстонский литературовед С. Г. Исаков (1931–2013). См.: Исаков С. Г. Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней // Оптиная пустынь: Монастырь и русская культура. М., 1993. Вып. 1. С. 227–269. Очерк был републикован в издании: Игнатий (Брянчанинов), свт. Полн. собр. творений. М., 2002. Т. 4. С. 564–596. К сожалению, в издании допущены досадные ошибки: указана преждевременная дата смерти автора очерка и вместо портрета игум. Антония помещен портрет другого лица. Через несколько лет в отредактированном варианте очерк вошел в состав сборника исследований и публикаций «Дон-Кихот русского монашества. Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова)». СПб., 2010. С. 15–63, который издан по материалам первых Антониевских чтений, организованных Пушкинским Домом и прошедших в 2007 г. на месте упокоения о. Антония в подмосковном Николо-Угрешском монастыре.

² Из прижизненных изданий духовных произведений игум. Антония увидели свет только два: подписанные криптонимом «И. А.» стихотворение «Св. Иоанн Богослов» (Домашняя беседа. 1866. № 3. С. 73) и очерк «Черемнецкий Богословский монастырь» (Там же. 1866. № 7. С. 187). Несколько работ было опубликовано после смерти о. Антония: Антоний (Богков), игум. Русские поклонники в Иерусалиме // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1874. Кн. 4. С. I–IX, 1–99. Оттиск: М., 1875; также воспоминания о иеросхим. Льве (Наголкине), вошедшие в жизнеописания старцев Оптиной, и описание ее скита; предисловие к публикации писем иеросхим. Сергия (Веснина) Святогорца; переписка со свт. Игнатием; письма к мон. Марии (Шаховой), ссылки на которые будут даны ниже.

нецкого монастыря к Оптиной пустыни говорят и его неоднократные посещения обители (сначала рясофорным послушником Алексеем, а затем уже иеромонахом Антонием); и его письма, и сближение с духовенством и мирянами, тяготевшими к духовному миру Оптиной; и то, что сердцу его были близки монастыри, имеющие связи с обителью, в одном из которых – Николо-Угрешском – он просил себя похоронить.

Родился Алексей Поликарпович Бочков в семье богатого петербургского купца и благотворителя, владельца знаменитых Бочковских бань. Закончив один из лучших в Петербурге иностранных пансионов, он готовился посвятить себя литературной деятельности, к которой имел очевидное расположение. С женитьбы на дочери крупного сахарозаводчика П. И. Пономарева, Анне Прокопьевне (1805–1827), счастливо началась семейная жизнь Бочкова, а существовавший в родственном кругу Пономаревых литературный салон открыл для него возможность войти в столичный литературный круг.

Современник так охарактеризовал начинающего литератора, уже заявившего о себе в журналах и альманахах середины 1820-х годов¹: «Лучшая образованность и все возможные таланты: музыка, живопись, глубокий и многосторонний взгляд, увлекательный дар слова, редкая способность легко владеть возвышенным пером в прозе и в стихах; добрая, строго-честная и высокая душа, лучший друг и родной, прекрасная наружность, умное, кроткое и привлекательное выражение глаз и лица; изящный тон и манеры и вместе всегда щегольская одежда, радушное гостеприимство, независимое состояние – все, все так щедро было соединено в нем природою и фортуною. С его светлым, возвышенным умом, с его

¹ О раннем творчестве А. П. Бочкова см.: *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830 гг. // Ученые записки Тартуского университета. 1960. Вып. 98. С. 158–170.

чистою и теплою душою, он не мог не быть христианином».²

В 1824 году в семье Бочковых родился сын Петр, а в 1827 году от чахотки умерла Анна Прокопьевна. Алексей Поликарпович, впечатлительный и восприимчивый по своему душевному устройению, после этого трагического события заболел тяжелой душевной болезнью, в продолжение которой пережил глубокий духовный кризис. Первый биограф игумена Антония, послушник Николо-Угрешского монастыря Д. Д. Благово (впоследствии архим. Пимен), сблизившийся с ним в последний год его жизни, писал, что во время своего выздоровления Алексей Поликарпович «произнес мысленно обет, что ежели он совершенно выздоровеет, то пойдет в монашество».³ Оправившись от болезни, Бочков поручил своего сына тестю и как паломник начал посещать разные монастыри, «присматривался к монашеской жизни и к монастырскому строю <...>. Он искренно любил монашество и составил себе о нем понятие по сказанию древних подвижников, а потому и не находил нигде осуществления созданного его мыслию первообраза»⁴.

Как уже отмечалось, воплощение своих чаяний Бочков нашел у архимандрита Игнатия (Брянчанинова) в Троице-Сергиевой пустыни. Будущий святитель в управляемом им монастыре тайно совершил рясофорный постриг Алексея. Так в 1837 году, на 35-м году жизни, А. П. Бочков стал послушником. Осмысляя значение этого события в своей жизни спустя тридцать лет, уже после кончины святителя, игумен Антоний вспоминал: «И потом, как конфирмация⁵ после кроваво-сердечного

² *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин 21-го и 23-го апреля 1823 г. // Русская старина. 1874. № 2. С. 395.

³ [Благово Д. Д.]. Вместо предисловия // *Антоний (Богков)*, игум. Русские поклонники в Иерусалиме. С. III. (Подпись в изд. ***).

⁴ Там же.

⁵ Конфирмация (от лат. confirmatio – утверждение) – название таинства миропомазания

Крещения, как помазание Св. Духа – знакомство с пр<еосвященным> Игнатием и св. отцами, до того мне вовсе неизвестными. Из пребывания моего в Сергиев<ой> пустыни шесть недель были подвигом вышеестественного послушания».¹

Но вскоре религиозный максимализм новоявленного послушника привел к изменению его душевного состояния: «...разные крючья врага стащили меня с неба послушания, – там же писал игумен Антоний, – на которое восшел я как во сне и был на нем во сне. Пробудившись, увидел себя не в V, а в XIX веке, не в Лавре св. Саввы Освященного², а в Сергиевой пустыни»³. Следствием этой перемены стало то, что А. П. Бочков «испытал тогда некую „мистическую“ обиду на святителя Игнатия за то, что тот не воплотил высокие монашеские идеалы в подначальной ему Пустыни и не стал исповедником идеального

в латинском обряде католической церкви. В данном случае игумен Антоний использует это понятие образно, очевидно, имея в виду изначальный смысл слова, т. е. утверждение высшей властью чего-либо, напр., постановления, указа и др.

¹ Два письма игумена Антония (Бочкова) монахине Марии (Шаховой), написанные по кончине епископа Игнатия (Брянчанинова) // Вступ. статья Е. М. Аксененко, публ. и коммент. Е. М. Аксененко и иерод. Антония (Козина) // Дон-Кихот русского монашества. С. 250–251.

² Савва Освященный (438–532), прп., основатель палестинской Лавры, впоследствии названной его именем, одного из центров монашества того времени, автор Иерусалимского церковного устава.

³ Дон-Кихот русского монашества. С. 251. О своем настоятельстве в Троице-Сергиевой Приморской пустыни под Петербургом сам святитель отзывался так: «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему не соответствующею моим целям духовным. <...> Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; <...> здесь я увидел врагов, дышащих непримиримую злобою и жаждою погибели моей; здесь милосердый Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души». *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. ПСТ. Т. I. С. 527.

монашества»⁴. Сильное разочарование привело Бочкова-послушника, который был старше настоятеля на четыре года, к «размолвке» с ним.

В дальнейшем игумен Антоний считал святителя своим «духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни»⁵. По точному наблюдению протоиерея Геннадия (Беловолова): «святитель Игнатий стал своего рода точкой духовного отсчета для игумена Антония, <...> своего рода alter ego – „другим я“, в котором тот видел себя, узнавал себя, спорил с собою. <...> Безусловно, святитель Игнатий всегда присутствовал в сознании своего духовного собрата».⁶ Но в конце 1830-х годов пережитый Алексеем Поликарповичем в Сергиевой пустыни духовный кризис вновь повлек его в паломничество по монастырям. Летом 1838 года проездом из Киева Бочков посетил Оптину пустынь и «расположился духом к скитской жизни». Приписанный к Троице-Сергиевой пустыни, он съездил в Петербург и получил от архимандрита Игнатия благословение вернуться в Оптину, ведь именно встреча со старцем Леонидом (Наголкиным) десять лет назад определила жизненный путь будущего святителя, до конца жизни признававшего духовное устройство обители близким себе по духу.⁷

---

⁴ Беловолов Г., прот. Игумен Антоний Бочков и святитель Игнатий Брянчанинов. (К истории взаимоотношений) // Дон-Кихот русского монашества. С. 91.

⁵ Из письма иером. Антония (Бочкова) к Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому) от 13 марта 1861 г. См.: Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым) (1843–1867) // *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. ПСТ. Т. IV. С. 529.

⁶ Беловолов Г., прот. Игумен Антоний Бочков и святитель Игнатий Брянчанинов // Дон-Кихот русского монашества. С. 83.

⁷ О связях свт. Игнатия с Оптиной пустыней см.: *Шафранова О. И.* Святитель Игнатий (Брянчанинов) и благословенная Оптина Пустынь // *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем

Во время настоятельства в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий не раз направлял в Оптину начинающих монахов. Он считал, что в ней весьма многое оказывало душеспасительное действие на тело, ум и сердце душевно «слабых» послушников: «пустынное место, благоустроенный климат, благоустроенная обитель, душеполезные советы», а позднее рекомендовал столичным жителям Оптину пустынь, будучи убежденным, что в первые годы монашества «надо быть вдали от родных и знакомых».¹

Получив от архимандрита Игнатия направление в духовном окормлении, Алексей Поликарпович искал того же и у отца Леонида, о чем последний сообщал в письме к настоятелю Сергиевой пустыни. По мнению старца, послушник Алексей, испытывая благодарность к архимандриту, имел «благое произволение ко спасению» и свои «умственные слабости» успешно врачевал твердой верой и исповеданием помыслов. Отец Леонид считал, что причина отъезда Бочкова из Сергиевой пустыни «не принадлежит к духовной стороне, но относится более ко внешним обстоятельствам».² Вскоре Бочков стал одним из близких учеников отца Леонида.³

лем свт. Игнатия. М., 2001. С. 3–53. В частности, в письме к о. Макарию (Иванову) в янв. 1857 г. архим. Игнатий писал: «<...> живя телом вдали от Вас, духом весьма близок к Вам, сорадуюсь Вашему жительству и Вашим плодам». *Игнатий (Брянганинов), свт.* Странствие ко вратам вечности. С. 107.

¹ Письма святителя Игнатия преподобному Макарию (Иванову) // *Игнатий (Брянганинов), свт.* Странствие ко вратам вечности. С. 58 (письмо от 4 мая 1842 г.); С. 108 (письмо от янв. 1857 г.).

² Письма преподобного Леонида святителю Игнатию и святителю Филарету, митрополиту Московскому // *Игнатий (Брянганинов), свт.* Странствие ко вратам вечности. С. 137–138 (письмо от 19 дек. 1839 г.).

³ Важным источником сведений о жизни старца в обители и его отношениях с послушниками служат написанные Бочковым в 1845 г., через четыре года после смерти о. Леонида, воспомина-

*Архимандрит Игнатий (Брянганинов).
Портрет середины XIX века*

Духовное устройство послушника Алексея во время этого, наиболее длительного, пребывания в Оптиной раскрывается в заданных им отцу Леониду вопросах и ответах на них старца.⁴ Последний определил состояние своего ученика так: «<...> ты еще не монах, а мимоходящий, еще не оторвался от мира».⁵ Очевидно, предвидя нелегкий путь Бочкова в монашестве, старец вопрошал: «Когда-то Господь и тебя освободит от мира?» и выражал надежду: «Может быть, и ты возлюбишь ближнего своего, яко сам себя».⁶

ния, которые вошли практически во все изданные жизнеописания старца. Подробнее об этом см.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006. С. 364–369.

⁴ Впервые «Ответы старца о. Леонида на вопросы Алексея Поликарповича Бочкова, впоследствии Антония, игумена Черемнецкого монастыря» были опубликованы после смерти игум. Антония в качестве приложения к изданию: *Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва) / [Сост. Климент (Зедеггольм), иером.]*. М., 1876. Ниже цитируется по изд.: *Преподобный Лев. (Жития Оптинских Старцев)*. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2006.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Там же.

*Вид Оптиной пустыни. Литография с тоном по рисунку Д. М. Струкова.
Последняя треть XIX века*

Указывая своему ученику наиболее уязвимое место в его душевном устроении – чрезмерную впечатлительность и чувствительность, – отец Леонид завершил «интервью» пожеланием: «Не желаю тебе и после того Тавифина устроения», имея в виду монахиню Борисовской девичьей пустыни Курской губернии Тавифу, которой было свойственно восторженное настроение духа и которая настойчиво искала высокого в духовной жизни.¹ Здесь же он дал ответ на вопрос послушника Алексея: как лично ему легче спастись? Путем, ближайшим ко спасению и привлекающим благодать Божию, по словам старца, являлись «непритворство, нековарство, откровенность души».² Как уже отмечалось, впоследствии игумен Антоний старался тщательно соблюдать заповеди своего учителя и наставника в личном монашеском подвиге. Летом 1839 года Алексей Поликарпович из Оптиной был направлен отцом Леонидом в возрожда-

ющуюся Калужскую Тихонову пустынь, но и там оставался недолго и «вскоре и оттуда выбыл в другую обитель в Северной России».³

В конце 1844 года, будучи приписанным к Троицкому Густыньскому монастырю Полтавской епархии, Бочков принял мантийный постриг с именем Антония в честь преподобного Антония Сийского, который совершил епископ (позже архиепископ) Полтавский Гедеон (Вишневский). В этом же году состоялось его рукоположение во иеродиакона и иеромонаха.⁴ В дневнике этого времени иеромонах Антоний так определял идеал духовной жизни, к которому стремилась его душа: «Восстановление монашества, благолепия церковного и внутренних светильников – вот что бы видеть хотел я до кончины своей: мантиями покрытых Ангелов и таинства Неба в дольных храмах! Утреню тихую, молитвенную и

¹ Преподобный Лев. С. 209.

² Там же. С. 208.

³ Запись из «Летописи скита» Оптиной пустыни цит. по изд.: Исаков С. Г. Игумен Антоний (Бочков). Жизнь и творчество // Дон-Кихот русского монашества. С. 27.

⁴ [Благово Д. Д.]. Вместо предисловия. С. VI.

полудень светлый, Св. литургию и Вечер церковный, покаянный, умиленный, не грешный. И паки исшествие на глас Жениха, и паки угощение ко гробу. Как вещественные занятия и попечения о теле отторгают человека от храмов Божиих! Нельзя ли и самое малое дело освятить молитвою, молчанием, умным деланием? Об этом пеклись преподобные отцы наши. За молитвы их, Господи, помилуй мя, вразуми, исправи и спаси мя, грешнаго!»¹

После пострига, во второй половине 1840-х–1850-е годы Бочков посетил Афон, Валаам, несколько раз был в Святой Земле и неоднократно посещал Оптиную пустынь. В 1848 году он стал насельником Старо-Ладожского Николаевского монастыря, с чем архимандрит Игнатий поздравлял своего ученика: «Очень рад, что Старо-Ладожский край, нравившийся Вам и прежде, снова привлек к себе Ваши взоры. От души желаю, чтоб Вы обрели в нем покой по душе и по телу. Столько Вы странствовали! столько видели и испытали! Теперь – время рассмотреть виденное и испытанное, извлечь правильные результаты, полезные для Вас, полезные для тех, которые будут просить у Вас слова на пользу».²

На протяжении всего монашеского пути игумена Антония глубоко волновали судьбы православия в России. Так, летом 1848 года он писал настоятелю Оптиной пустыни игумену Моисею (Путилову): «<...> Революция во Франции не есть частное зло <...>. Теперь страшен нам уже не раскол, а общее европейское безбожие. <...> Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям. <...> Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот – Россию, то чего нам ждать – посудите!.. Я не смею угадывать, но только

прошу милосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы».³

Поиски отцом Антонием «идеального» монастыря неизбежно вызвали его критическое отношение к современному монашеству, что проявлялось уже в период рясофорного послушничества будущего игумена. Не случайно отец Леонид, часто дававший своим воспитанникам прозвища, шутя называл Бочкова «последним римлянином». По мнению отца Агапита (Беловидова), составителя одного из жизнеописаний старца Леонида, послушник «выражал такое мнение, что мы переживаем последние времена монашества, падающего, по его <А. П. Бочкова. – Е. А.> словам, от тех же причин, которыми доведена была до падения и Римская империя: от роскоши, изнеженности и человекоугодия».⁴

Сам старец тоже замечал перемены, происходящие в монашестве и в православном народе. Так, обращаясь к послушнику Александру, впоследствии иеросхимонаху Антонию (Медведеву), духовнику Киево-Печерской обители, он говорил: «Какой же ты чудак! <...> посмотри-ка, как слабости усиливаются в монашестве. Да и в миру уже той простоты не стало, что была прежде. А в наше время и народ-то мирской был покрепче».⁵ Но сам он являл собой «неприступный для мирского духа остров, мимо которого текли реки мира сего, не колебля его нисколько».⁶

В начале 1850-х годов после посещения Афона у отца Антония завязалась переписка с иеросхимонахом Сергием (Весниным), выступавшим в печати под псевдонимом Святогорец, письма которого были изданы уже по кончине обоих корреспондентов.⁷ В первом ответном

³ Нилус С. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2006. Т. 3. Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. С. 21–22.

⁴ Преподобный Лев. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Несколько писем иеросхимонаха Сергия, известного под именем Святогорца, и других

¹ [Благово Д. Д.]. Вместо предисловия. С. III–IV. Цитируемый дневник не сохранился.

² Игнатий (Брянганинов), свт. ПСТ. Т. IV. С. 527.

письме от 20 декабря 1851 года отец Сергий писал, что насельники Пантелеимонова монастыря «искренне привязались» к отцу Антонию: «Ваше имя теперь входит в состав прочих при исключительных молитвах нашей церкви. Вы теперь наши».¹ По ответам отца Сергия можно увидеть, что отец Антоний со свойственной ему «откровенностью души» делился со Святогорцем своими размышлениями о возможных последствиях «политических переворотов», о несоответствии афонского «хорального пения» древним образцам, о замеченном им ослаблении святости и монашеских подвигов на Святой Горе, о том, что «после отца Макария (имеется в виду оптинский старец Макарий (Иванов. – Е. А.) не останется старцев». Развешивая одну за другой «мрачные мысли» своего корреспондента в письме от 16 октября 1852 года, афонский схимонах, в частности, писал: «<...> и на Афоне, и в России чрезвычайно много есть потаенных любимцев Божиих, неведомых нам, потому, что взгляд наш душевный еще не так хорошо очищен, чтоб видеть их во всей красоте их внутреннего достоинства. Надобно много учиться и изучать характер подвижнической жизни, чтоб иметь чистый взгляд и верные суждения о тех, кто стоит близко к небу и таит уже в своем сердце радости Царствия Божия».²

Близким к взглядам отца Сергия был и ответ отца Макария в письме к отцу Антонию от 7 ноября 1859 года: «Замечание Ваше о нынешнем образе жизни монашества хоть и справедливо, но хотящему спастись истинно ничего не воспрепятствует идти путем, указанным от Отцев: терпением, и смирением, и памятью смертного часа».³

к Игумену Антонию Бочкову. Публ. Д. Д. Благово // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 235–252; *Бочков Антоний*. Предисловие // Там же. С. 234–235. Отд. изд.: М., 1874.

¹ Преподобный Лев. С. 236.

² Там же. С. 248.

³ Там же. С. 252.

В 1850-х годах служебные передвижения иеромонаха Антония были связаны с Санкт-Петербургской епархией: в 1852 году он стал духовником Старо-Ладожского Николаевского монастыря, затем перешел в Тихвинский Богородице-Успенский Большой монастырь, с 1857 года вновь нес послушание духовника того же Николаевского монастыря; в марте 1861 года был назначен настоятелем Введенского Островского Оятского монастыря Новолadoжского уезда. Переходы отца Антония из монастыря в монастырь закончились тогда, когда при участии святителя Игнатия он был возведен в 1861 году в сан игумена и в марте 1862 года определен настоятелем в заштатный Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь Лужского уезда, в котором пробыл без малого десять лет. К этому времени игумен Антоний стал «одним из самых авторитетных монашествующих священнослужителей епархии».⁴

В период настоятельства игумена Антония в Черемнецком монастыре с 1862 по 1868 год наступил расцвет его творческой деятельности как духовного писателя. Здесь после длительного перерыва отец Антоний (оставивший свое «сочинительство» еще до рясофорного пострига и в 1840-е–1850-е годы возвращавшийся к нему лишь эпизодически)⁵ вновь начинает писать. Помимо литературного творчества (стихов и поэм)⁶ он

⁴ *Берташ А., свящ.* Игумен Антоний (Бочков) и Черемнецкий монастырь // Дон-Кихот русского монашества. С. 115.

⁵ Игум. Антоний признавался в письме к м. Марии (Шаховой) от 8 апр. 1864 г.: «До 1848-го года и даже до 1850-го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836-го года». Письма игумена Антония. С. 350.

⁶ О поэтическом творчестве игум. Антония этого времени см.: *Исаков С. Г.* Игумен Антоний (Бочков). Жизнь и творчество // Дон-Кихот русского монашества. С. 53–63; Поэтический диалог игумена Антония (Бочкова) и монахини Марии (Шаховой) / Вступ. статья, публ. и коммент. Е. М. Аксененко // Дон-Кихот русского монашества. С. 139–241.

Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. Литография. 1856 год

ведет регулярную переписку со святителем Игнатием¹, монахиней-поэтессой Марией (Шаховой)², писателем А. П. Башуцким, его женой-иконописицей Марией Андреевной³ и другими, пишет статьи на исторические, богословские темы, мемуарные и биографические статьи, занимается иконописью. Отец Антоний следил за периодикой и откликался не только в письмах, но и в публицистических статьях на текущие события рус-

ской жизни, связанные с начавшимися в ту пору реформами.⁴ В своих эпистолярных, поэтических и публицистических работах этого времени он касался различных сторон современного состояния русского монашества.

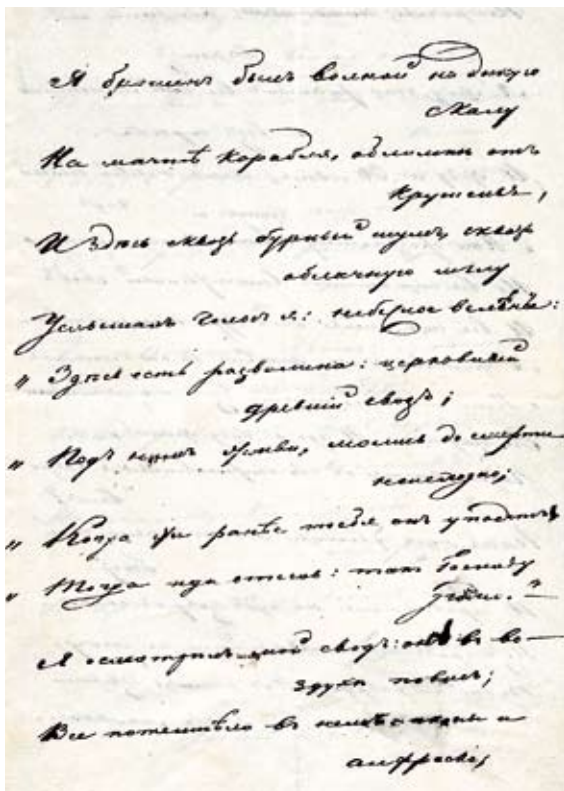
Взгляды игумена Антония в это время во многом совпадали с мнением святителя Игнатия. Очевидно, игумен Антоний первым коснулся волнующей обеих тем в переписке со святителем: «Монашество наше стремится, елико можно и где можно, подражать миру в манерах, словах, обычаях, забывая, что эта внешность часто прикрывает пустоту и бесхарактерность, — делился отец Антоний своими наблюдениями в 1861 году. — Это направление я видел повсюду, а там, куда еще не достигло оно, вместо древнего благочестия стоит одна древняя грубость и

¹ Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым) (1843–1867) // *Игнатий (Брянчанинов)*, *свт.* ПСТ. Т. IV. С. 526–563.

² «...И дружба сохранит немногие листки: (Письма игумена Антония (Бочкова) к монашине Марии (Шаховой)) 1862–1864 гг. / Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009 (далее: Письма игумена Антония). Неопубликованная часть писем хранится: РО ИРЛИ. 3589.

³ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 15; РО ИРЛИ. 3577, 3589.

⁴ Публицистические статьи игум. Антония не опубликованы и хранятся в РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5, 12.

Игумен Антоний (Божков). «Я брошен был волной на дикую скалу». Стихотворение. 25 июня 1867 года. Автограф. ИРЛИ. Сигнат. 3577. Л. 11.

мертвая буквальность. Едва-едва и кое-где найдется человек, ищущий спасения».¹

«Мнение Ваше о монастырях вполне разделяю, – писал святитель игумену Антонию в письме от 3 января 1863 года. – Положение их подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода; она съест снег при первой вспомогательной атмосферической перемене».² Главную причину того, что монастыри «уничтожились сами в себе», святитель видел в повсеместном прекращении среди монашествующих духовного подвига, основанного «на телесном подвиге в разуме». Обращаясь к опыту своего корреспондента, он в письме от 21 февраля

¹ Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым) (1843–1867) // *Игнатий (Брянчанинов), свт.* ПСТ. Т. IV. С. 534.

² Там же. С. 546.

1864 года просил игумена Антония указать людей, проходящих правильно подвиг «внутреннего делания», и сам с горечью отвечал на свой вопрос: «Их нет».³ Сокрушаясь о потере правильного понятия об «умном делании», святитель отказывал даже Оптиной пустыни в его существовании, и, признавая то, что старец Макарий Оптинский «был лучшим наставником монашества», преосвященный все же видел в его учении «одно телесное исполнение заповедей». Но, по мнению святителя Игнатия, в монастырях даже и «наружное благочинное поведение, какое введено было <...> отцом Леонидом и Макарием, почти всюду оставлено».⁴

Продолжая обсуждение этой насущной темы с монахиней Марией (Шаховой), игумен Антоний писал ей в середине 1864 года о своем желании видеть обновление монашества, «Паисия⁵ наших

³ Там же. С. 547.

⁴ Там же. С. 549 (письмо от 21 апр. 1864 г.). Следующее разъяснение этого мнения свт. Игнатия дает канд. богосл., преп. Николо-Угрешской духовной семинарии В. Духанан: «При многом общем, что наблюдается у святителя Игнатия и старцев Оптиной пустыни, различие, на наш взгляд, заключалось в следующем. Старцы Оптинские предлагали более деятельное благочестие, тогда как святитель Игнатий – сокровенное умное делание со всеми тонкими особенностями внутренней жизни. Старцы Оптинские постоянно принимали народ, наставляя его высокой нравственности, а святитель всю жизнь искал безмолвия по образу древних подвижников и обучал, как стяжать мир сердца и безмолвие внутреннее. Поэтому и основные сочинения старцев Оптинских – письма с назиданием вопрошавших на самые разные темы, а творения святителя Игнатия – это обобщение аскетического опыта предшествовавших святых отцов касательно внутреннего служения человека Богу, проверенного святителем на собственном опыте» (*Духанан В. Жизнь святителя Игнатия (Брянчанинова). Часть 1.* Источник: <http://www.pravoslavie.ru/put/30373/htm#ftnref9>. Дата обращения: 1 нояб. 2015 г.).

⁵ Паисий (Величковский; 1722–1794), архим., прп., настоятель Нямецкого Вознесенского монастыря, который под его руководством достиг подлинного расцвета. Являлся деятельным сторонником устройства монашеской жизни на основе святоотеческих писаний, продолжателем прак-

времен», и горестно восклицал: «<...> но уже и Нямец теперь в разорении», — имея в виду упадок духовной жизни Нямецкого Вознесенского монастыря, последовавший после кончины преподобного Паисия (Величковского), — «и последние ветви молдавского винограда засохли в Оптиной пустыни».¹

Одну из причин наступающего упадка монашества отец Антоний усматривал во влиянии петровских церковных реформ, и в частности деятельности Феофана Прокоповича. «И Вас страшат регламентами, — писал он монахине Марии, — этот милый кодекс Феофана Прокоповича, царского шута, написан в духе Петра Великого. До сего дня он невидимо царит над монахами, опутывая их (кого лентами, кого шнурами — т. е. орденские ленты и шнуры консисторских книг)».² В поэтической форме он развивал эту тему в своем большом сатирическом стихотворении «Мы, кажется, живем под Римом...», где в частности писал:

*«В бумагах наших консисторий
Я вижу адское перо.
Монахи связаны шнурами,
На всех подземная пегать».*

тически утерянной к XVIII в. в России традиции старчества, воспитал плеяду последователей.

¹ Письма игумена Антония. С. 362. Прибегая к христианской образности, игум. Антоний имел в виду переселенных в царствование императора Александра I, по приглашению первого митрополита С.-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова; 1730–1801), из Молдавии в Россию последователей архим. Паисия (Величковского), среди которых были такие выдающиеся носители традиции старчества, как схим. Феодор (Ползиков; 1756–1822), иеросхим. Клеопа (Антонов; 1749–1816) и иеросхим. Лев (Наголкин; 1768–1841).

² Письма игумена Антония. С. 326. Игум. Антоний имел в виду «Духовный регламент», написанный Феофаном Прокоповичем, который представлял собой своеобразный комментарий к закону Петра I о новом церковном управлении, он обосновывал отмену патриаршества и определял главенствующую роль Синода как государственного учреждения в духовной жизни, был проникнут мыслью о рабском служении Русской Православной Церкви государственному абсолютизму.

*И все у нас под нумерами —
Листок, не только это тетрадь».*³

Посылая отрывок из этого стихотворения монахине Марии в феврале 1864 года, отец Антоний комментирует его: «<...> горькие эти шутки показывают мне, что сделала с монашеством духовность Феофана Прокоповича. Теперь, по совести сказать, почти невозможно жить нам по древним правилам с этими формальностями, которые необходимо связывают нас с оставленным миром. Древняя и святая простота, которая еще живет в Афоне, навсегда изгнана из России».⁴

Игумен Антоний скорбел о «перерождении» монашествующих, произошедшем с петровского времени в процессе секуляризации Церкви, о псевдоморфозе духовенства, которое все более превращалось в чиновничество: «Монах-послушник с чистою совестью, с откровением помыслов старцу, с верою в будущее воздаяние подобен нашему святому и праведному праотцу Адаму, ходившему в раю: рай послушника — невинная его душа. Но и Адаму захотелось быть Богом, и послушнику Христом, представлять хотя на время на феатроне⁵ Церкви Владыку, Помазанника, раздаятеля дарований и благословений. И вот он жрец и священник. А что приобрел? Ризу и епитрахиль. Приобрел ли нецененный бисер евангельский? Горе нам! Мы, снявши куколь⁶ незлобия, надели наглавник⁷ честолюбия

³ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 94–94 об. В работе без заглавия середины 1860-х гг., посвященной состоянию современных монастырей, которую игум. Антоний, очевидно, готовил к публикации, он писал: «Мы <...> подаем формуляры и в 5-ти экземплярах о нашем поведении, нам даются паспорта с 7-ю печатями». РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38.

⁴ Письма игумена Антония. С. 338.

⁵ Т. е. театре.

⁶ Куколь — древний монашеский головной убор, символизирующий младенческое незлобие.

⁷ Наглавник, наглавие — то же, что кидар или митра — царский и первосвященнический головной убор в ветхозаветной Церкви.

Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. Рисунок игумена Антония.
1864 год

с его ненасытными желаниями и всосали в себя яд познания добра и зла. А в послушничестве были на рубеже райском, близкими ко ангелам верным».¹ Эти мысли отца Антония нашли воплощение в одном из его стихотворений:

*«О юность! юность! ты с надеждой,
С любовью, с верой к нам идешь.
И мыслишь, что с иной одеждой
И ты иную жизнь нагнешь?
Что с мантией крилѣ дадутся
И с покрывалом – небеса;
Что страсти так же остригутся,
Как постригают волоса.
Что, взявши шерстяные гетки,
Молитва будет на устах;
Что с игом легким будем кротки,
Когда параман на плечах.
При обувении сандалий
Мы не преткнемся никогда;
Что скроет нас широкий паллий
И от греха, и от стыда.
Что с препоясанием этим
Избавимся греховных уз,
Что со свежою мы засветим
И внидем к Ангелам в союз.
Увы! я плагу и стенаю,
Что, знаки духа полугив,
Я духу плоть не покоряю,*

¹ Два письма игумена Антония (Бочкова) монахине Марии (Шаховой)... // Дон-Кихот русско-го монашества. С. 255.

*По-прежнему миролюбив.
Ужели, взявши крест священный,
Всей мыслию не возлюблю?
И душу, этот дар бесценный,
Дар Божий, вечно погублю?»²*

Свой монашеский путь игумен Антоний не отделял от всеобщего: «Господь свергнул меня <...> в обыкновенную жизнь, в которой и донныне кипеть должен я на малом огне и в общем котле».³

Игумен Антоний сожалел о безмолвии преосвященного Игнатия во время благоприятное для церковной реформы, считая его архипастырское слово способным, «при государе добром», освободить монашество «от всех мирских указных введений и возвратить ему древнюю простоту. Ведь черный народ освободили же: почему наш черный народ⁴ не освобождают от крепостной зависимости? Наши архиереи и каста их, живущая милостями Двора, никогда не осмелятся стать за монашество, потому что боятся этим прогневать и царя, и прогрессистов, жаждущих теперь все уничтожить. Они доселе кланяются этим кумирам: мнению человеческому и царской воле».⁵ Преосвященный, развеивая эти надежды отца Антония, призывал его не жалеть о своем уклонении от общественного служения, в котором, по его мнению, не мог принести пользу. «По духу моему, – писал он, – я решительно чужд духа времени».⁶

И все-таки мнение игумена Антония о современном монашестве, так однозначно выражаемое в общении с близкими по духу людьми, не было окончательным. Неопубликованные статьи, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, раскрывают

² РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 64–64 об.

³ Два письма игумена Антония (Бочкова) монахине Марии (Шаховой)... С. 253.

⁴ Т. е. монашествующих.

⁵ Письма игумена Антония. С. 338.

⁶ Переписка святителя Игнатия. С. 548.

новые стороны его оценки состояния русского монашества.

Одна из интересующих нас работ (без названия), условно датируемая концом 1865 – началом 1866 года, представляет собой ответ игумена Антония на статью, помещенную в редактируемой И. С. Аксаковым газете «День» осенью 1865 года под названием «Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства» и подписанную литерами «ZZZ».¹

Автор этой статьи давал подробный очерк устройства монашеской жизни в первые века христианства, показывал путь его падения при вмешательстве в монастырскую жизнь, по его мнению, неизбежного поиска земных выгод в избранном ими звании. Это вело к постепенному упадку монашества, дальнейшая история которого, по мысли автора статьи, доказывала обоснованность его взгляда и на возможное «падение» монашества в будущем. ZZZ приводил примеры нестроений в жизни монастырей, показывающих, что монашество из подвижничества стало карьерой, и предлагал ряд мер, способных изменить существующее положение вещей, главной из которых, по его убеждению, должна была стать передача права на занятие епископских мест исключительно белому духовенству.

В ответной статье отец Антоний решительно встал на защиту современного монашества. Он противопоставил основной мысли «сочинителя», который стремился своей статьей доказать, что «судьба России зависит от монашеской рефор-

¹ ZZZ. Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства // День. 1865. № 35. С. 830–835; № 36. С. 855–862. Газета, издаваемая И. С. Аксаковым с 1861 г., к середине 1860-х гг. приобрела широкую известность благодаря публицистическому таланту ее редактора, поднимавшего на страницах издания важные славянские вопросы, вопросы, касающиеся крестьянской, земельной и судебной реформ и др. В настоящее время автора статьи, скрывшегося под криптонимом «ZZZ», установить не удалось.

*Игумен Антоний (Богков).
Фрагмент групповой фотографии.
1860-е годы*

мы», и не хотел «видеть ничего доброго в нашем монашестве», основополагающее святоотеческое положение: «судьбы царств и Церкви в руках Божиих и <...> они нам неисповедимы».² По глубокому убеждению игумена Антония, предлагаемая ZZZ реформа института монашества уже совершается постепенно, без переломов, с помощью Божиею, о чем свидетельствует сам факт появления статьи в газете «День», невозможный еще лет 50 или 30 назад.

Игумен Антоний отмечает положительные стороны изложенного автором материала: видно «возвращение к св. отцам, указание на их светлую жизнь, желание, чтоб мы возвратились на их предподобные пути, очерк истории древнего монашества: все это изложено прекрасно, хотя несколько схоластически» (л. 26). Тем неожиданнее для отца Антония кажется мысль «о женатом архиерействе и о передаче воспитания духовного юношества в руки белого духовенства», что

² РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 26–29 об. (далее листы указываются в тексте).

Преподобный Лев (Наголкин)
Оптинский. Литография. 1868 год

заставляет его усомниться в том, что автор действительно озабочен исправлением монашества. Ему, игумену Антонию, видится здесь «затаенная мысль сочинителя»: выставить напоказ «пятна» монашества и «передать или предать его в руки белых архиереев» (л. 26 об.).

Обращаясь к историческому опыту, игумен Антоний кратко, но одновременно образно и емко обзревает основные примеры того, как монашество «чудесно хранилось и хранится всеблагим Промыслом в самые бедственные времена», и приходит к мысли, что «нынешнее монашество не хуже прежнего, допетровского».

Начиная свой обзор с эпохи петровских реформ, он отмечает, что Петр Великий «сам учреждает Невскую лавру и составляет для нее превосходный устав, получше г. сочинителя»; в «10-летнее тиранство Бирона зачинается Саровская пустынь»; в правление Екатерины Великой «силою Божиею, которая посмеивается могуществу человеческому и является в немощи нашей», начали возникать из развалин и неустройства Валаамский, Зеленецкий, мужской и женский Ладож-

ские монастыри, Тихвинский, Иверский и многие другие; при Александре I обновляется Юрьев монастырь; в царствование Николая I обновляются монастыри: Святогорский, Густынский, Ахтырский; учреждаются Бородинская община и Воскресенский монастырь, «делающие честь монашеству».

Размышляя о судьбах монашества, особое внимание отец Антоний уделяет деятельности святителя Игнатия, который в сочинениях своих «указал монашеству такие высокие цели, до которых далеко достигать даже и после реформы монашества» (л. 27 об.). По убеждению игумена Антония, преподанная преосвященным «наука плача, самоосуждения, самоукорения останется навеки тайною и для ученых, и для строгих уставных киновиатов и открывается только избранным, и то после страшного потрясения всего человеческого состава, когда страх суда и геенны проникает до мозгов человека, познающего свое падение» (л. 27 об.).

Называя отцов Леонида и Макария, настоятеля Оптиной пустыни игумена Моисея «великими старцами нашего времени», отец Антоний напоминает, что под их руководством развились и наполнились Оптина и Тихонова пустыни, Малоярославецкий монастырь, Белевский и Севский женские монастыри. А в Тихоновой пустыни ученики отца Леонида жили так при «незабвенном своем старце» <отце Леониде. – Е. А.>, что и «древние отцы Фиваидских пустынь благословили бы это общежитие, где хранилась совесть, где всякий помысл поверялся, не токмо деяние, где никто не называл своей не токмо вещи, даже одежды» (л. 27 об.).

Еще один вопрос, поставленный автором «ZZZ» в статье «Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства», взволновал игумена Антония и вызвал его отповедь – отношение монашества к церковной карьере. Отчасти соглашаясь с утверждением «сочинителя», что «ученые постригаются для

карьеру», отец Антоний замечал, что нередко карьера открывается и тем, кто идет в монастырь без всякой мысли о ней, вследствие тех обстоятельств и того положения, «в которое поставлены монастыри с учреждением классов, штатов и прочего чиновничьего порядка». Опираясь на личный опыт, игумен Антоний писал: «<...> при всей своей скудости, издавшая своим иждивением столько аскетических сочинений, <Оптина пустынь. — Е. А.> подражала и делам аскетов по мере сил своих. В ней не искали карьеры — могут уверить сочинителя» (л. 27 об.).

Вспоминая наследников преподобного Паисия (Величковского), хранивших глубинную связь с афонской традицией, которая восходила к монашескому деланию Григория Паламы, игумен Антоний продолжал: «И на Валааме, и в Оптиной, и в Сергиевой пустыни мы знаем старцев, имена их выставлять не хотим, отказавшихся от священства единственно по смирению и в подражание древним отцам, понимавшим, что священство есть уже первый обратный шаг к оставленному миру» (л. 28).

Замечая автору анонимной статьи, что он недостаточно знаком с особенностями монастырской жизни во всех ее проявлениях, игумен Антоний остановился на трудностях, переживаемых насельниками «молебных», т. е. многолюдных, монастырей, «где чудотворные иконы проходят по целым неделям, по месяцам окрестные места. Как тут быть при 3 иеромонахах (по желанию сочинителя), когда заказывается по 5 молебнов в 1/4 часа? <...> Некоторые обители сделались почти „ярмонками“ от стечения богомольцев, — продолжал отец Антоний. — Виноваты ли в том монахи? Неужели Сергиева лавра и Тихвин должны закрыть свои врата от богомольцев, отбиваясь от них, как в свои знаменитые и победительные осады от поляков и шведов?» (Л. 28 об.).

Решение этого затруднения, по мнению отца Антония, было удачно найдено в Троице-Сергиевой лавре учреждением

*Преподобный Макарий (Иванов)
Оптинский. Литография. 1865 год*

Гефсиманского скита, что «дало отдых желающим безмолвия». Этим было решено несколько задач: «1. Что в России есть много желающих потрудиться не ради карьеры; 2. Что Россия любит монашество, в нем видит красоту Церкви и готова благодетельствовать всякому монастырю, лишь бы видела, что ее приношения не бросаются на ветер; 3. Что при малом покровительстве и при малой свободе монашество процветет и исправится само собою» (л. 29).

По убеждению отца Антония, посещающая монастырь публика не должна знать те затруднения («канцелярские тайны»), те препятствия, которые встречаются на монашеском пути, ведь известно, что одних печатей на паспорте требовалось иметь семь: «гербовую, монастырскую, консисторскую, оберпрокурорскую, благочинного монашеского, благочинного городского и частного пристава» (л. 29).

Резкую инвективу игумена Антония вызывает предложенная ZZZ мера спасения монашества — избрание архиереев из числа белого духовенства: «Помню я,

Вид Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. Рисунок игумена Антония. 1864 год

с каким смехом и соблазном для католиков и православных, – писал отец Антоний, – въезжал в Иерусалим англиканский епископ в 1847 году, с супругою своею, бывшей в интересном положении. Если там это было скандалом, то что будет у нас при женатом архиерействе? Широкий, бесконечный раскол, неизлечимая отечественная рана. Торжество для раскольников, которые воспещут руками, видя владыку в карете с владычицею и архиерею, выходящих из магазинов и театров! <...> Один только исконный враг России может потешаться этою мыслию, зная ее ужасные, нешуточные последствия» (л. 29 об.).¹

В заключение своего стихотворения «Мы, кажется, живем под Римом...» отец Антоний так писал об особой, удерживающей мир, роли монашества:

*Светило голубья тверди
Лелеет мир, сей Божий сад;
Но винограду нужны жерди,
И гроздия на них лежат.*

*Монахи – те сухие колья,
Держащие весь сад мирской.
Но прогрессисты из подполья
Касаются до них рукой.*

¹ Как мы знаем из истории Русской Церкви, нарисованную о. Антонием картину можно было увидеть въяе уже через несколько десятилетий после написания этих строк, в 20-е гг. XX в., с возникновением в советской России инспирированного новой властью обновленческого раскола.

*Не троньте кольев. Рухнет с нами
Весь виноград, и все замрет;
Над непотребными гроздиями
Серпом архангел проведет.²*

В контексте рассматриваемой темы обращают на себя внимание высказывания игумена Антония еще из нескольких неоконченных статей, хранящихся там же, в РГИА. В начале одной из них отец Антоний объяснял свое право, «поживши 35 лет в обителях в разных степенях», вступить в обсуждение вопроса о проблемах монашества: «Чтобы судить о нем, надобно пожить в разных обителях, – писал он, – съездить на Афон, пребыть в разных послушаниях, и потом уже высказать свое мнение»³. В другой статье он, опираясь на личный опыт, назвал имена «ближайших к нам старцев», писания которых могут воспитать современное монашество: «Письма отца Макария, это драгоценное сокровище опытности и старческой святой простоты, сочинения преосвященного Игнатия, этого великого старца, изучившего монашество и опытом, и чтением отеческих писаний, сочинения, которым нет подобных по глубокой наблюдательности, по духу истинного покаяния и молитвы, лучше всего укажут, что нужно для монашества нашего времени».⁴

² Эпиграф стих. «Мы, кажется, живем под Римом...». РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 94 об. Изображение монашества в образе «сухих кольев», держащих виноград, восходит к проповедям святителя Димитрия Ростовского. Так, во втором поучении «В неделю осьмую по Святом Дусе» он писал: «Иноческими молитвами содержит Господь мир сей: аще и малые мнятся кому быти иноческие молитвы, обаче весь мир укрепляют. Смотри, чем состоится, на чем содержится лоза виноградная? На едином коле сухом и безплодном. Отними кол... лоза на землю падет и не плодствует. Отними от мира христианского чин иноческий, яко от винограда сухой и неплодный кол, что мир будет – сами судите». (Димитрий Ростовский, митр. Сочинения. Изд. 7-е. М., 1848. Ч. 2. С. 413).

³ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

⁴ Там же. Ед. хр. 12. Л. 2 об.

В третьей статье игумен Антоний высказывает мысли, которые можно, по сути, назвать пророческими: «Но Россия глубоко в таинниках земли своей хранит источники благочестия и любви к монашеству; при первом ее потрясении они пробиваются и бьют столбом, как вода артезианского колодца или как кавказские потоки, заваленные падшими глыбами снега, сначала забывают свое природное русло, потом пробивают глыбы и текут родными берегами. Рано или поздно при потрясении царства мы вспомним нам врожденное Православие, и, конечно, не около воскресных школ и академий соберется народ русский».¹ Предсказания отца Антония оправдались: при гонениях на Церковь всероссийская паства стала собираться на крови мучеников именно вокруг монастырей.

Осмысляя жизненный путь святителя Игнатия, игумен писал монахине Марии после получения от нее известия о смерти преосвященного: «Новопреставленный, новый Иеремия, плакал всю жизнь о бедственных временах наших,² о потемнении камыков³ святыни, о монашестве, приле-

Вид Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря. Фотография. Начало XX века

пленном к оставленному миру».⁴ Говоря о многообразных духовных дарованиях святителя, отец Антоний одновременно определял и черты «истинного монаха»: называя своего первого наставника «учителем молитвы, сокровенного делания, учителем монашества непритворного, неъявлятельного, нелицемерного».⁵ «Если и ошибался отец арх<имандри>т по человечеству, – продолжал игумен Антоний, – то разве тем, что смотрел на монашество с высокой точки зрения и полагал возможность водворить его у себя в наше время».⁶ Переоценивая свое раннее, «новоначальное», восприятие настоятельства святителя Игнатия, игумен Антоний теперь был убежден, что «это было возможно именно в его лучшее время и в С<ергиев>ой пустыни».⁷

В более раннем письме к тому же адресату отец Антоний описал другой тип «истинного монаха», явленный жизнью отца Леонида, который «был гоним и перегоняем через разные трубы и котлы искушений до самой смерти и сохра-

¹ РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 13.

² Игумен Антоний сравнивает свт. Игнатия с ветхозаветным пророком Иеремией (VII–VI вв. до Р. Х.), имея в виду первостепенное значение проповеди покаяния, присущее служению обоим; а также произведение свт. Игнатия «Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное», написанное по образцу «Плача Иеремии». (Игнатий (Брянганинов), свт. ПСТ. Т. II. С. 343–418).

³ Камык – камень (ц.-слав.). Характеризуя образ служения свт. Игнатия, игумен Антоний использует метафорический язык «Плача Иеремии». Ср.: «Како потемне злато, изменися сребро доброе! Разсыпашася камыцы святыни в начале всех исходов» (Плач. 4, 1).

⁴ Два письма игумена Антония (Бочкова) монахине Марии (Шаховой)... С. 247.

⁵ Там же. С. 247–248.

⁶ Там же. С. 254.

⁷ Там же.

*Могила игумена Антония (Божкова)
в Петропавловском скиту
Николо-Угрешского монастыря*

нил до смерти веселость и великодушие». По мнению игумена Антония, «не было у него ничего, привязывающего к земле: ни любимой кельи, ни вещи, ни даже фаворита. Добрейшая его душа всех любила; о всех жалела <...>. Через это сохранил он и спокойствие и правоту».¹

Сам же отец Антоний в 1865 году, за семь лет до смерти, писал монахине Марии: «Теперь все мысли клонятся о христианском приуготовлении себя к смерти. Как это соделается? Смирением ли, болезнями ли, трудами ли подвижничества – не ведаю. Знаю свою несостоятельность в добре и только доселе наказываю себя самоукорением, перебирая свой жизненный свиток, не останавливаясь на соблазнительных местах, а вообще, как на представляемую к разбору

¹ РО ИРЛИ. 3589. Л. 110 об. (письмо от 16 февр. 1865 г.).

чужую историю».² Свою готовность к этому важнейшему событию жизненного пути отец Антоний оценивал со свойственной ему трезвостью: «<...> после нас всякое наше влияние исчезает, если мы не успели влить его в душевные сосуды, как старцы Леонид и Макарий; а в обыкновенных исходах наших скорее всего следуют неожиданные нами перемены. Потому лучше бы махнуть рукою на все прошлое, помнить одну решительную минуту смерти: хоть ею бы подать – пример, если не успели и не умели давать назидания – жизни».³

Выбор личного делания всегда остается возможным для жаждущего подвига монаха. Свой путь игумен Антоний завершил личным самопожертвованием: в 1872 году во время эпидемии тифа он откликнулся на призыв епархиального начальства и уехал из Угрешского монастыря, где находился на покое, в Москву для отправления треб в отделении чернорабочих Старой Екатерининской больницы. По воспоминаниям одного из духовных чад отца Антония, он отправлял требы «ежедневно, еженощно, почти ежечасно, не имея при этом почти ни минуты покоя, <...> заразился и слег в постель». Умирая, игумен «не лишился сознания, диктовал келейнику свою последнюю волю и, напутствованный Св. Тайнами, мирно скончался истинно христианскою смертью».⁴ Незадолго до кончины о себе он говорил, «что во всю жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время».⁵

Игумен Антоний скончался в больнице 5 апреля 1872 года и был похоронен по его просьбе в Петропавловском скиту Николо-Угрешского монастыря.

² Там же. Л. 114 об. (письмо от 9 янв. 1865 г.).

³ Там же. Л. 154 (письмо от 16 июля 1865 г.).

⁴ Голицын Н. С. Иеромонах Антоний Божков // Русская старина. 1889. № 11. С. 373–374.

⁵ Преподобный Лев. С. 210–211.

В. Н. Торопова

«Дело созидания душевного спасения»

К 130-летию со дня рождения С. Н. Дурылина

Живая связь Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) с Оптиной пустыней была тесной и плодотворной в период с 1913 года и до первого его ареста в 1922 году. В ней он бывал по нескольку раз в год, жил по неделям и месяцам, собирал материал по истории монастыря и старчества, работал над созданием музея «Оптина Пустынь». Его духовным отцом на протяжении почти десяти лет был преподобный оптинский старец Анатолий (Потапов; † 1922). В трагические для страны и тяжелые для самого Дурылина годы он без совета старца не принимал ни одного важного решения. Записи о посещении Оптиной пустыни, о беседах со старцами, о благодати, исцеляющей душу, которую он всегда ощущал там, находим в дневниках 1917–1920 годов, в отдельных записках, вложенных в папку «Материалы по истории Оптиной пустыни», в письмах духовно близким людям, в рукописях «Назальник тишины», «В своем углу».

Личность и деятельность Сергея Николаевича Дурылина так многогранны, перипетии судьбы так сложны, что трудно рассказать обо всем. Читателей адресуем к более полным изданиям о нем и его произведениях. Список некоторых из них помещен в конце статьи. В предлагаемой публикации автор ограничился темой связи Дурылина с Оптиной пустыней, сказав и несколько слов о нем как узелом, духовном писателе, религиозном мыслителе и незаурядном человеке.¹

Дурылин принадлежал к тому поколению, о котором Александр Блок написал: «Мы дети страшных лет России». По их судьбам и душам прокатилось тяжелое колесо истории, они пережили кровавые ужасы трех войн и двух революций, крушение привычного уклада жизни, ломку мировоззрения. В жизни, судьбе Дурылина отразилась эта эпоха, он разделил духовные искания, увлечения и заблуждения русской интеллигенции начала XX века.

¹ Многие цитаты для статьи взяты из оригиналов дневников и записок Дурылина. Они носят черновой характер, в них много недописанных слов и фраз, зачеркиваний, некоторые места трудно поддаются прочтению. Для удобства читателей слова дописаны без специальных пометок, тексты приводятся к современной орфографии и пунктуации. Непрочитаемые слова помечены: <нрзб>. Зачеркнутые Дурылиным слова, за некоторым исключением, выпущены из текста. – *Примеч. авт.*

Дурылин был в гуще интеллектуальной жизни Серебряного века. Круг его общения составляли выдающиеся писатели, поэты, философы, религиозные деятели, художники, композиторы, артисты...

Разнообразие талантов Дурылина поистине изумляет. Крупный ученый – литературовед, театровед и историк театра, этнограф и археолог; духовный поэт и прозаик, религиозный мыслитель и писатель; талантливый педагог. Митрополит Вениамин (Федченков), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, чье богатейшее духовно-литературное наследие переживает в наши дни второе рождение, назвал в 1925 году Дурылина «одним из самых образованных людей, каких я видел на своем веку»².

² Вениамин (Федченков), митр. О конце мира. М., 1998. Письмо 2. В этом письме митрополит приводит исторические наблюдения Дурылина

*Анастасия Васильевна
и Николай Зиновьевич Дурылины*

Родился Сергей Николаевич Дурылин 14/27 сентября 1886 года в Москве, в Плетешковском переулке в Елохове, в семье купца 1-й гильдии Николая Зиновьевича Дурылина (1831/32–1898) и его жены Анастасии Васильевны (1852–1914). Крещен в Елоховском Богоявленском соборе. Из записок Дурылина «В начале жизни»: «Когда я теперь думаю о своем рождении и детстве, я всегда задумываюсь над тем, что я родился в день [Воздвижения Животворящего] Креста, праздник строгий и торжественный, в день всегда постный»¹.

Родители – глубоко верующие – детей не принуждали, но сама атмосфера в доме способствовала воспитанию их в православных традициях. Девятилетний Сережа написал папе поздравление с Пасхой, украсив его красочными наклейками. Начинается стихотворение словами «Христос воскрес, мой милый папа...»².

о вере людей разных эпох в приближающийся конец мира. И пишет: «Он пришел к замечательным – и даже отчасти будто бы и неожиданным – выводам...»

¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 31–32.

² ОР РГБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 23. Л. 3.

Перед старой семейной иконой Спасителя молился в их доме Иоанн Кронштадтский, приехавший в 1892/93 году к тяжелобольной Анастасии Васильевне. «И мама стала здорова», а «тихий, верующий мальчик» Сережа навсегда запомнил «радостнейшую молитву» отца Иоанна. Это было время, когда мальчик Сережа «молил Бога, чтобы был Диоклетиан и можно было пострадать за Христа»³.

Но впереди этого мальчика ждали тяжелые испытания. Придя в 1897 году 11-летним верующим ребенком в 4-ю мужскую гимназию, Сережа вышел из нее в 1904 году⁴, растеряв в ней веру в Бога и вообразив себя атеистом⁵. Позже он запишет: «В 17–18 лет я был атеист. Мама никогда со мной не спорила на религиозные темы. Я свое, она свое. У меня – ломаная кривая, у нее – спокойная глубокая прямая... Помню: сидишь поздно ночью и читаешь „афеев“⁶... И вдруг донесется из столовой или из спальни обрывок, вздох, полслова, случайно неутаенный выплеск ее молитвы о тебе же, читающем Штирнера или Ницше...»⁷ В поздние годы Дурылин считал, что материнские молитвы спасли его от гибельного пути.

Друг и одноклассник Сережи Миша Языков привел его в дом к А. С. Буткевичу⁸, который в 1903–1904 годах получал из-за границы нелегальную литературу. Ее читали вслух в кругу семьи и приходившим друзьям. Под духовным руко-

³ Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 677.

⁴ Справка директора гимназии. ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Ед. хр. 1241. 5 // Творческое наследие С. Н. Дурылина. Сб. М., 2013. С. 9.

⁵ Свое отношение к системе обучения в гимназии Сергей Дурылин выразил в статье «В школьной тюрьме. Исповедь ученика», изданной отдельной брошюрой в издательстве «Посредник» в 1906 г. Книжка получила много отзывов и в 1907 г. была переиздана.

⁶ Безбожников.

⁷ Дурылин С. Н. В своем углу. 2006. С. 666–667.

⁸ Буткевич Андрей Степанович (1865–1948) – дворянин, служил земским врачом. Участвовал в подготовке декабрьского восстания 1905 г. в Москве.

водством Андрея Степановича друзья приобщались к революционным идеям. Гимназисты создали по примеру взрослых свою революционную организацию, устраивали диспуты, писали и расклеивали прокламации. Таня Буткевич¹ пишет в своих воспоминаниях: «В то время не было человека, мало-мальски порядочного, честного и здравомыслящего, который не горел бы негодованием против всех неурядиц, творившихся на войне [с Японией], и не желал бы коренного преобразования нашего политического строя»².

В летние месяцы 1903–1905 годов Дурылин жил в Рязани и «входил» в народную жизнь: «жалел, жалел, как жалели народники. <...> В эпоху 1904–1907 годов за разные формы жаления подвергался множеству обысков и трижды сидел в тюрьме месяцами»³.

В России наступила реакция, полицейский режим усилился, тюрьмы были переполнены. Дума распущена. Гимназическая организация распалась. Сильным потрясением для Дурылина было убийство в 1906 году жандармами Миши Языкова и еще одного товарища из кружка Буткевича – членов боевой дружины. Мучительно думал: во имя чего были отданы эти и другие жизни? И пришел к выводу, что всё, что русская интеллигенция и привлеченные ею к ее мыслям и действиям делали тогда, – все это бы-

Сергей Николаевич Дурылин. 1912 год

ло не нужно, что насильственным путем нельзя решать никакие проблемы.

Наступило отрезвление от романтического увлечения революцией. Но с разочарованием пришли тоска и отчаяние. «Я чувствую, что перестал ждать, <...> я обманул себя ожиданием – ничто не придет. <...> Все мы, русские мальчики, поверив чуду, ждали, что вот оно над нами первыми свершится, первые мы увидим Пречистый лик, любовь наша и творчество наше приведут чудом к тому, что нам засветит вожденный голубой взор, – и, засветив, навсегда освятит нас и тех, кто любим нами»⁴.

Начались годы мучительных раздумий о смысле жизни, своем месте в ней, поиски своего пути. Все значительное и прекрасное на свете создано теми, кто «шел своим путем, на свой риск, к своей цели, своими ногами. У каждого человека есть единый, верный и точный компас – его „я“, и не послушайся он его хоть раз, нет конца блужданиям...»⁵ Поняв это в 1907 году, Дурылин уже

⁴ Письмо Тане Буткевич от 27 сентября 1910. ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 5.

⁵ Сидорова Т. А. Воспоминания о С. Н. Дурылине. Л. 14.

¹ Буткевич Татьяна Андреевна (в замужестве Сидорова; 1887–1983) – искусствовед, друг С. Н. Дурылина и его корреспондент, автор воспоминаний о нем.

² Сидорова Т. А. Воспоминания о С. Н. Дурылине. 1903–1916. МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП-611/28. Л. 6. Машинопись. Не опубликованы.

³ Письмо-автобиография С. Н. Дурылина Г. С. Виноградову. МА МДМД. Фонд С. Н. Дурылина. КП 614/16.

Виноградов Георгий Семенович (1886–1945) – профессор-этнограф, специалист по фольклору, в том числе детскому. Друг и корреспондент С. Н. Дурылина. По просьбе Виноградова Дурылин написал для него в 1928 г. свою биографию, которая стала источником материала для его биографов.

никогда в жизни не отклонялся от этого вектора, не терял свое „я“ ни в каких поисках своего пути, увлечениях, ни в каких жизненных катаклизмах.

Т. А. Сидорова записала в своих воспоминаниях: «Стремление к познанию, к исканию высших ценностей, смысла жизни, к некоему самоопределению и нахождению своего подлинного, глубинного „я“ в водовороте и хаосе окружающей жизни – являлось основным целеустремлением всего жизненного пути Сергея Николаевича».

Бросив гимназию, Сергей Дурылин принялся зарабатывать деньги репетиторством. С этого началась его педагогическая деятельность, продолжавшаяся до конца дней его. Тогда же он занялся самообразованием.

Целые дни он проводит в Румянцевской библиотеке и штудирует труды философов, историков, критиков, читает художественную литературу. Своими университетами Дурылин считал, помимо Румянцевской библиотеки, Малый и Художественный театры, в которых он получил, по его признанию, воспитание, которое дало «чрезвычайно много и уму, и сердцу, и гражданским чувствам, и мысли». Третьяковская галерея стала для Дурылина академией искусств. С 1908 года он посещает лекции в Археологическом институте, а в 1910 году поступает на заочное отделение факультета археографии, избрав специальностью историю литературы и искусства. В институте пробудился в нем живейший интерес к древнерусской иконописи, которую он глубоко и вдумчиво изучал. Этому способствовали и пять поездок по Русскому Северу (с 1906 по 1917 год), где наряду с изучением этнографии и фольклора северных народов Дурылин зарисовывает архитектуру церквей, делает их замеры, описывает иконостасы и иконы, делает выписки из церковных книг. Он изучил историю Церкви и историю России, духовную литературу, знал церковные службы.

1910 год Дурылин называет переломным: «Я вернулся к вере отцов, – пишет он Г. С. Виноградову, – и тут создательное ощущение Руси, вера в ее пребывающий незримый град, вера, вобравшая в себя и углубившая и ту красоту русской народности, которая открылась мне на Севере». В этом году на его письменном столе появились новые книги – Жития святых, творения святых отцов Церкви.

Но перелом в мировоззрении Дурылина наступил не сразу. Он вызревал постепенно и подспудно.

Еще осенью 1907 года Дурылин, попав в очередной раз в Бутырскую тюрьму, обнаружил в тюремной библиотеке книгу теолога Поля Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского», изданную в 1895 году издательством «Посредник». Проповедь любви ко всем тварям земным, единения с природой в Боге пролилась как бальзам на его израненную душу. И он внес поправку в свое мировоззрение: «я сказал себе, что можно жить не только в себе, для себя, около себя, но и во всем, листке, Христе...» Там же, в тюрьме, он прочитал «Пасхальные письма» Владимира Соловьева. Первое письмо – о Воскресении Христовом – «это было забытое, столько лет неслышанное, невозможное „Христос воскрес!“ моей сжавшейся от одиночества и тоски душе. И странно, что, не отвечая еще сознанием, я уже ответил своим внутренним чувством сразу же: „Воистину воскрес!“... Мое детство нахлынуло на меня: моя душа раскрылась для всего чудесного!»¹

Эти признания, как и другие откровения Дурылина о 1905–1909 годах, свидетельствуют о том, что временный атеизм Дурылина был неглубоким, это была дань всеобщему увлечению революционными идеями, Ф. Ницше, Р. Штейнером, М. Штирнером... А жизнь так жестоко отрезвила, что душа наполнилась ядом от

¹ Письмо Эллису (Л. Л. Кобылинскому), 1909 г. РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 4.

Вид Оптиной пустыни. Погтовая открытка начала XX века

атеизма. Теперь она жаждала очищения любовью, верой, тишиной.

Атеизм и шумный нигилизм окружающих людей шли вразрез с тем, что происходило в его душе. Его Бог – это Бог «тихий, не требующий речей и споров. Но тишины и мира». Он пишет Тане о необходимости побыть одному, т. к. «что-то отмирает во мне, чему нужно было отмереть, и что-то зреет и зарождается, чему нужно было родиться. Пусть же совершается все это в тишине, пусть отстаивается на душе и исчезнет вся муть, нанесенная годами...» И тогда же Дурылин скажет ей: «...единственное, что надо просить у Бога, – это не счастья, не мудрости, а только простоты»¹.

В пасхальные ночи 1908–1909 годов Дурылин ходит в Кремль слушать звоны колокольной «Иван Великий».

29 июля 1910 года Сергей Николаевич пишет Тане Буткевич: «Несмотря на мою далеко не мирную юность, вопреки всем моим увлечениям, вопреки, скажу без всякого преувеличения, всем мо-

им грехам, – я ищу и искал религиозной внутренней покорности. Я мирный и мир любящий человек»². Увлечшись в 1911–1913 годах идеями церкви невидимой, безобрядовой, Дурылин едет в 1912 году на озеро Светлояр, и, вернувшись под большим впечатлением от увиденного в «китежскую ночь» с 22 на 23 июня, он напишет «Сказание о невидимом граде Китеже». «И стоит доселе Пресветлый Китеж невидим, и не увидать его никому, кроме чистых сердцем и обильных любовью. Им Пресветлый град, нам – лесные холмы и дремучий лес». Так заканчивает он сказание.

О Китеже Дурылин говорит как о верховном символе народного религиозного сознания. Но считает, что истинная Церковь – в соединении церкви видимой и невидимой. В соединении тайной китежской молитвы у стен града невидимого и явной молитвы служб оптинских.

Духовные искания С. Н. Дурылина неизменно ведут его к Церкви. Как бы ни был в те годы широк разброс его

¹ Сидорова Т. А. Воспоминания о С. Н. Дурылине. Л. 35.

² Там же. Л. 48.

интересов и занятий, но путь его точно определен. И на этом пути вполне закономерно его появление в Оптиной пустыни. Впервые он побывал там с мамой в конце мая 1913 года на отдание Пасхи. На исповедь они пошли в келью к старцу Анатолию, о котором раньше ничего не знали. Сергей Николаевич «читал исповедную книжку батюшки, по его благословению». Поразило лицо старца: «Все сплошь оно улыбка, все сплошь оно – привет, все сплошь оно – облегчение каждому, кто смотрит на него». Дурьлин увидел в этом лице «ласкающую, переливающуюся на солнце радость вечного детства, веселой и все сердца веселящей мудрости – той мудрости, которая так легка и светла». «Я много раз, в разные годы и в разные времена видел это лицо – наедине, в келье, в алтаре, при народе, плещущем в эту келью своим горем и грехом, при монахах, открывающих ему свои помышления, в благодатные часы таинств и молитвы, в острейшие моменты тревоги за судьбу монастыря – и никогда не видел его иным, чем в просвечивании „тайно светящего“ в нем света невечернего»¹.

Сразу после приезда из Оптиной Дурьлин наскоро записал карандашом на листочках: «Был у отца Анатолия. Он выходит в правое крыло маленького храма, где нет службы. Прямо сюда выходит дверь его кельи. Бабы, монахини. Два келейника: один веселый, средних лет, руководит, куда должно идти бабам, куда кому, – „утешаемся“ тобой, говорят ему матушки (какое слово!). <...> Другой – высокий, молчаливый. <...> Старец среднего роста – стремительный, живой. Удивительно простой и ласковый. Все, что говорит о смирении, – просто до последнего, и, собственно, нет ничего запоминающегося: жди помощи и помощи Божьей ищи всегда, на себя никак не надейся, читай Евангелие, <нрзб>. Худые помыслы приходят легко, без зову. Добрые – трудно и уходят как те <нрзб> в бесов.

Но как он говорит, какое спокойствие спокойного, бесконечное содержание содержащего бесконечную простоту и любовь! И тут понимаешь, что простое – всё, немудрое – тоже всё, потому что оно и есть мудрое и сложнейшее, – и сказать простое слово <нрзб> труднее (ибо выжить, вымолить, вытрудить себе это слово), чем написать критику <нрзб>. Рассказ, как <нрзб> он ушел в монастырь, а мать взяла и до своей смерти не пускала.

Благословляет он, высоко подняв руку, и подымает падающих на колени перед ним, и почти ласкает каждого мгновенно, но навсегда. От исповеди выходят от него женские лица совсем иные, и мужские также: в редких, редких слезах, то есть в том, что он „снял“ с них что-то, что никто не мог, кроме него, снять, точно он смыл с этих лиц то, что нанесло на них жизнью и бесами. <...>

В лице старца есть тихое касательство к каждому и – ни к кому, потому что к Богу, и в Боге – к каждому. Он читает письма, сидя на диванчике, иные откладывает, слепляет цельные марки, кладет в сторонку. Письма всякие: на вырванных листках из расходных книг и т. п.; а сам слушает и вставляет слово, или вспоминает про себя, про Покровку, как и он жил у Воскр. Бар <нрзб. Град(?)>. То те слова, которые слышал 100 раз, слышишь в 101-й раз – и слышишь в первый раз, и та радость»².

«В Оптиной пустыни природа удивительная: благословенно-тихая, понимающая, смиренная и святая. Только там мне стало ясно, почему влекло туда Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, почему там похоронен Киреевский, постригся Леонтьев. Молитва создала там место, откуда, кажется, короче и доходней молитва, – легче устам произносить слова, которые труднее всего нам произносить: слова смирения, простоты и беспомощности»³.

² Материалы по истории Оптиной пустыни. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 232. Л. 1, 2.

³ Из письма С. Н. Дурьлина к Т. А. Буткевич от 27 июня [1913 г.]. ОРРГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 27.

¹ Дурьлин С. Н. В своем углу. 2006. С. 766.

Оптина пустынь стала для Дурылина воплощением Церкви видимой, молитвы к Богу – явной и действенной. «Живую Церковь, Живое Тело, я учуял только тогда, когда капелька живой воды Церкви капнула на меня с Оптиной пустыни»¹.

Старец Анатолий стал духовником Сергея Николаевича. В книге «Начальник тишины» Дурылин записал: «Перед ним, в тишине и простоте, впервые начинаешь сам видеть себя – свою душу, и начинаешь видеть свое: вот то свое, в чем вязнет жизнь и глохнет душа, изнывает сердце и чему простое и страшное имя: грех»². Когда не удается поехать к старцу, Дурылин пишет ему письма и получает ответы³.

Летом 1914-го Сергей Николаевич возил маму в Троице-Сергиеву лавру, а 11/24 ноября ее не стало. Со смертью мамы он, по его выражению, «потерял самую оправдывающую нужность своего существования»⁴. Не в силах справиться с отчаянием, растерянностью, Дурылин уже 14 ноября едет в Оптину к отцу Анатолию за поддержкой. Рядом с ним, от его улыбки, света глаз душа утешилась. Но через два месяца (на Рождество 1915 года), измученный тоской, ощущением своей «безместности» и угрызениями совести за когда-то нанесенные маме обиды, опять приехал проситься в монастырь. Отец Анатолий ласково поговорил с ним, напоил чаем, но сказал: «Носи монастырь в сердце своем, а время покажет, в какой монастырь тебе идти...»

Со смертью мамы Дурылин потерял не только опору, основание, удержива-

*Преподобный Анатолий (Потапов),
старец Оптинский. Фотография.
Начало XX века*

ющее его равновесие в житейском море, не только прочный быт, освобождавший мысли для творчества, но и «свой угол». Бездомность, скитания по чужим углам, переезды с квартиры на квартиру будут продолжаться до 1936 года, до болшевского периода. В 1916 году у него совсем нет жилья. «Квартиру свою я ликвидировал, где буду жить зиму – не знаю. Итак, очутился я „яко наг, яко благ, яко нет ничего“»⁵. В этом году он дважды был в Оптиной (в январе и осенью), но старец не оставил его в монастыре. Он расспросил Дурылина, чем тот занимается в Москве, что пишет, о посещениях концертов и понял, как крепко Сергей Николаевич привязан к мирской жизни.

¹ Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки». Запись 1919 г. // Наше наследие. 2016. № 118. С. 86.

² Дурылин С. Н. Начальник тишины // Дурылин С. Н. Русь прикровенная. [Сб.] / сост. С. В. Фомин. М., 2000. С. 323. Книга объединяет пять работ С. Н. Дурылина на духовную тему.

³ Известно 13 писем старца с 1917 по 1920/21 годы.

⁴ ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 51 об.

⁵ Там же. Л. 61.

После Февральской революции 1917 года, на короткий период освободившей Церковь от светской власти, Дурылин активно участвует в церковной жизни: в предсоборных дискуссиях, в организации церковных братств. Написал устав Кремлевского Братства Святителей Московских, утвержденный на Всероссийском Поместном Соборе Русской Православной Церкви (1917–1918).

Свои мысли о задачах Собора он изложил в брошюре «Церковный Собор и Русская церковь» (М., 1917). О том, как важен церковный приход для устройства церковной жизни, какую важную роль он должен играть в оздоровлении социальной среды и институтов гражданского общества, о приходе как школе христианской любви Дурылин издал брошюру «Приход. Его задачи и организация» (М., 1917). За обе брошюры Дурылин получил похвалу от оптинского старца Анатолия и его келейника монаха Варнавы¹.

Все, что происходило на Соборе, в чем участвовал и что видел Дурылин, он подробно описал в дневнике «Олонецкие записки»². Здесь же его думы, волнения о судьбе Церкви и России, о роли интеллигенции в происходящих событиях и ее отношениях с Церковью, о судьбе русской культуры.

Мысли о монастыре все чаще посещают Дурылина. Ему хотелось укрыться в монастырских стенах, в их, как казалось ему, тиши. Спасение от кошмара, творившегося в стране, Дурылин искал в Церкви, в вере.

В 1917 году Сергей Николаевич был в Оптиной пустыни в мае на отдание Пасхи и осенью на Покров. О посещении обите-

¹ Варнава (Клыков; † 1938) – иеромонах. После закрытия Оптиной пустыни в 1926 г. перешел в Троице-Сергиеву пустынь, где был рукоположен во иеромонаха. В 1933 г. осужден на три года ссылки. В 1938 г. вновь арестован и расстрелян под Ленинградом.

² Дневник «Олонецкие записки» С. Н. Дурылин вел с августа 1917 по апрель 1918 г. Опубликовано М. А. Рашковской // Наше наследие. 2011. № 100.

ли с 23 сентября по 3 октября находим записи в дневнике³.

«Оптина пустынь. 5^{1/2} часов утра 24-го. Мы приехали в 2^{1/2} ч. ночи 23-го. Доехали благополучнейше. Оказался незапертым наш номер. Зашли в собор, приложились к [иконе] Божией Матери и, отслушав шестопсалмие, пошли спать. Поутру радостно встретились с Ионой и до обедни пошли на благословение к батюшке. Он бодр, как будто и не было его прошлогодней болезни, <нрзб> радостный и долго, долго крестил каждого, как бы накладывая крест видимый материальный. Благословил меня готовиться к 27 либо 28. Серезу⁴ [Сидорова] утешил в его забастовочной⁵ тревоге и не пустил ехать [в Москву] тотчас. Стояли в соборе обедню. В 3 часа опять были у батюшки. Дорогою говорили с отцом Варнавой, я ему рассказывал о церковных делах, о Соборе, о патриархе – он сказал, что батюшка не стоит за ~~выбор~~ [зачеркнуто в оригинале. – В. Т.] патриарха⁶, – он сетовал, что из Козельского уезда народ идет в Оптину верующий, хороший, а вот что делают. Мы с Серезей рассказали ему о новоявленной иконе Богоматери в Коломенском. Он тихо приговаривал, сидя на табуреточке <нрзб>: „Милость Божия“. Рассказывал Сереза, а я молча смотрел на него. Вдруг я увидел на сморщенном худом его лице слезу. Она была первая. А потом глаза его наполнились слезами – это были настоящие слезы

³ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 294. Записная книжка. Л. 34 об., 35, 35 об., 36 об., 37 об., 38, 38 об., 39, 43 об., 44, 44 об., 45, 49, 55 об., 56.

⁴ Сидоров Сергей Алексеевич (1895–1937) – расстрелян на Бутовском полигоне. (О нем см.: Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью В. С. Бобринской. М., 1999). С. А. Сидоров подробно описывает свою поездку с Дурылиным в Оптину пустынь осенью 1917 г.

⁵ В Москве летом 1917 г. были забастовки.

⁶ Позиция отца Анатолия не совпадала с мнением большинства насельников Оптиной, приветствовавших восстановление патриаршества и возлагавших на это большие надежды.

умиления и того счастья, которое им <нрзб> доступно.

Батюшка помолился с нами, благословил. Я передал поклоны, просил молиться за Самарина¹. Он о нем меня спрашивал.

О патриархе – он не за него, даже скорее против: „Да будет ли польза?“ – и стал рассказывать о восточных патриархах, видимо, не придавая им значения в деле Церкви.

Я передал ему разговор аввы² с великой княгиней³ в апреле. Его мнение, что царь получил испытание за Распутина. <...> Он совершенно согласен с великой княгиней в этом, что происшедшее на духовную пользу царю. Он выразился даже так, что царь испытание это переносит хорошо, духовно. Революция была полной неожиданностью – близкие к царской семье люди, бывавшие у отца Анатолия, ничего не подозревали.

Я передал разговор с епископом Феофаном⁴. Он не дал прямого ответа, что согласен с епископом, но и не отверг рассказа. Настаивает только, что идет упадок веры и среди епископов есть недостойные (очень опечален Никоном

Красноярским)⁵, и есть и верующие в народе и в образованном обществе.

На рассказ мой о Коломенской иконе и о «Нечаянной Радости» отозвался живо и радостно, что это знамение милости Божией. Сказал, что в Шамордине прояснились три иконы: Димитрия Ростовского, Божией Матери Калужской (Она пишется одна с книжкой, до пояса, а тут оказалось, что Она в рост) и еще третья, были черные, темные, а стали светлые, ясные, а бывает, что и внезапно темнеют иконы.

Благословил меня писать о Коломенской иконе. Похвалил за две книжки о приходе и Соборе, что я их написал. Благословил поехать в Шамордино. <...>

12 ч. дня. Ко всеобщей мы пошли опять в скит. В саду цветут высокие георгины. Деревья еще в пышном листу. В саду благословились у отца Феодосия⁶, шедшего ко всеобщей. Во время всеобщей подошел ко мне монах, оказавшийся Нестором, сручником⁷ отца Анатолия, и сказал, что завтра хочет поговорить со мной Поликарп⁸.

Сегодня у обедни в скиту. Служил отец Феодосий, был <нрзб>, отец Агапит⁹, отец

¹ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) – член Государственного Совета, церковный и общественный деятель, участник подготовки и член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Отец Юры Самарина – ученика С. Н. Дурьлина. Осенью 1917 г. ему предстояла операция.

² Аввой – учителем – называли М. А. Новоселова.

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938), мученик – религиозный просветитель, духовный писатель.

³ Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918), преподобномученица. Память 5/18 июля. В 1914 г. посетила Оптиную пустынь и имела продолжительную беседу со старцем Анатолием.

⁴ О беседе с епископом Феофаном (Быстровым; † 1940) Дурьлин трижды упоминает в дневнике «Олонецкие записки» (запись сентябрьская). О чем беседовали, не пишет, но можно предположить, что беседа была о Г. Распутине, к которому в то время епископ относился резко отрицательно. В архиве Дурьлина сохранился целый комплект документов, касающихся Распутина.

⁵ Никон, епископ Енисейский и Красноярский с 1913 по 1917 г. (в миру Николай Николаевич Бессонов; 1868–1919), официально 12 авг. 1917 г. Св. Синодом лишен духовного сана за многочисленные злоупотребления, аморальное поведение.

⁶ Феодосий (Поморцев; † 1920) – иеромонах, впоследствии схиигумен. С 1912 г. скитоначальник.

⁷ Нестор (Сучков; † 1920) – монах; сручник – неявный помощник.

⁸ В «Летописи выдающимся событиям скитской жизни» Оптиной пустыни запись от 1 авг. 1917 г. начинается словами: «Господи, благослови! С сего дня, вследствие перехода скитского летописца, о. иеродиакона Кирилла, в монастырь, летопись, по благословию о. скитоначальника, временно ведется гостящим в скиту кандидатом богословия Московской духовной академии, иеродиаконом Поликарпом». ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 368.

⁹ Агапит (Беловидов; † 1922), схиархимандрит. В Оптиной пустыни с 1865 г. впоследствии настоятель Мещовского Лихвинского, затем Мещовского Георгиевского монастыря. С 1897 г. жил на покое в Оптиной пустыни. Автор жизнеописаний старцев

Старец Анатолий (Потапов) со своим келейником монахом Варнавой (Клыковым). Фотография. Начало XX века

Нектарий¹, и все благословились. Пили чай у Нестора. Он живой, умный монах. Разговор о современных церковных делах. „Не любил я монахов, а монашество нужно“, – говорил он.

Поликарп живет во флигелечке. Он иеродиакон, кончил Московскую академию, где слышал мое чтение „Жалостника“² и читал „Начальник тишины“, которые повлияли на его <нрзб>. Чудесное лицо.

От него – на благословение к батюшке. Монашки. <...>

^{1/2} 8 веч. Были у отца Феодосия. Он дал письмо отца Амвросия. <...>

Амвросия и Макария, составитель рукописи «Скитское кладбище в Оптиной пустыни».

¹ Прп. Нектарий (Тихонов; † 1928), старец Оптинский. Память 29 апреля / 12 мая.

² «Жалостник» – рассказ Дурьлина, единственный из всей его прозы опубликованный при жизни автора (Религиозно-философская библиотека. Сергиев Посад, 1917).

Вдруг батюшка, после того как почти всех благословил, позвал нас к себе, опять поздравил в келейке и начал оделять подарками, – подарил мне книжечку, листочек и четочку. Сразу радость охватила меня. Это даже и не радость – это легкота какая-то, как будто я полегчал, подетскил³. Хорошо, хорошо стало, тепло, все внутри согрелось, потеплело, порадовалось. В этот приезд впервой так. <...> Сережа идет к исповеди. А батюшка дал утром листок „Воскресный сон“ – о стоянии в церкви с праздными помыслами. То есть то, что со мной и отчего я был в рассеянии на молитве. Обвинил в душе иеромонаха, что он не прочитал [моей] записки, а сам, верно, прослушал. При второй ектении он прочел ее впервой. <...>

Я говорил о молитве епископа Арсения⁴: „Господи, <нрзб> мне послужить Церкви“.

– Вот и молись, и проси Господа – только служить, а где – Он укажет.

26 веч. Батюшка принял во время вечерни в 6 часов. Он был один, горела восковая свечка. Меня посадил и весь был улыбка и счастье, светлый, истинно веселый, и все говорил с улыбкой, с весельем полным. Одна улыбка на просьбу <нрзб>.

В Академию пока не поступать: а) неурядицы там; б) в какую – надо выбрать: Московскую, Казанскую... (Вот в

³ Дурьлин был глубоким знатоком живого русского языка, чутко внимателен к народной речи, собирал и часто использовал в своих творениях свежие, незатертые, неслыханные ранее слова и образные выражения, более точно выражающие смысл понятия или явления, чем бытующие в современном языке. Иногда сам образовывал такие слова, например *подетскил*, *небо вызвездило*, *обвеснело*, *уединённый* и тому подобные. Он любил «народно-яркую, емко-меткую, самоцветно-живую московскую речь» (выражения Дурьлина).

⁴ Арсений (Жадановский; 1874–1937) – епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. Последний наместник Чудова монастыря в Московском Кремле. С 1931 г. неоднократно подвергался арестам. Расстрелян на Бутовском полигоне.

Киевской захотели (?) философию изучать. Один жаловался на это.) Дома читай книги, нужные для академии, если часок есть.

В монашество: 7 раз примерь, 1 отрежь. Моли Бога, чтоб Он открыл, где служить Церкви. О Кирилле, что десять лет жил так при монастыре, потом принял монашество. (А мысль та, что поучиться нужно в академии, а потом может быть монашество.) <...>

Посты соблюдать.

Урок новый взять.

<...> Писать ли? – Советуйся с владыкой.

Сбор на церковь – благословил.

Кремлевское Братство – благословил. <...>

Журнал издавать. Денег искать для него. Нельзя бросить. Нужен. Я сам получал его¹.

Коля². Хорошо бы, если бы он говорил перед началом учения. <нрзб> Страхи от него. Сон от него. И стег от него. Нельзя. Нужно читать „Живый в п/омощи Вышняго/“, „Да воскр/еснет Бог, и расточатся врази Его/“ и стихирю: „Иже огради крестом Твоим“. Нужно окурить комнату ладаном, а если не поможет, отслужить молебен с водосвятием. Нужно поговорить в Чудовом монастыре у отца Филарета (или Филиппа). <...> Благословил иконой „Спорительница хлебов“. <...>

27 ср. был у утрени с 1^{1/2} до 4,25. В 6 ч. пошли на соборование к батюшке. Было темно. Сидели молча, ждали, монахини, женщины. Пришел отец Варнава: Простите, простите (а он был у вечерни и у утрени – когда спит?), записал имена. В большой комнате стояли монахини и

¹ Какой журнал – выяснить не удалось. В конце 1917 г. готовился к выпуску журнал «Возрождение», но он начал выходить в 1918 г. и о. Анатолий еще не мог его получить.

² Чернышев Николай Сергеевич (1898–1942) – сын фабриканта, любимый ученик и друг С. Н. Дурылина. Художник. Арестован в 1941 г. По официальной версии, умер в ссылке в Казахстане.

женщины, в белых платках и апостольниках, в спальне батюшки мы. Он служил с какой-то торжественностью: кротостно и с торжественной сердечностью, маленький, быстрый, в малиновой <нрзб> ризе. Отец Варнава был за дьячка – пел и читал грустным и проникновенным голосом. Батюшка подходит ко всем по очереди с елеем и с Евангелием. Одна монахиня – больная – стонала. Стон. Многие плакали.

После поздравления отец Анатолий извинился, что монахиня плохо читала канон.

Мы пошли на позднюю обедню.

В 4 ч. были на благословении у батюшки. Забастовка – как он и говорил – „погибла с шумом“. Отец Варнава вчера колот дрова и сегодня отлучился куда-то в фартуке. Вчера он любовно оделял босую девочку иконкой и яблочком. А монахиня говорила про отца Анатолия: „Солнышко наше – на всех светит, всех греет – и злых, и добрых“. Ласка, какая-то от всех. <...> У отца Агапита в больнице. Вышел в коридор старичок голубоглазый, благодатный. Голубые светлые большие глаза <нрзб>. <...> У епископа Михея³. Рад. Разговор о современном и обо <нрзб>. На душе – Агапит – „величайший“ из ныне живущих старцев здесь. Явился и исчез. Ласка ласкающая всю душу, до глубины, до последнего уголка, ласка мудрого света. Преображенная душа – преобразенное лицо. <...> Отец Анатолий спросил меня, был ли я у них? И был рад, что был».

Успешная многолетняя педагогическая практика и статьи Дурылина были хорошо известны в церковных кругах. В марте 1918-го С. Н. Дурылин, отец Павел Флоренский, С. П. Мансуров, М. А. Новоселов получили приглашение от секретаря Поместного Собора В. Шейна принять участие в работе Соборного отдела о духовно-учебных заведениях

³ Михей (Алексеев; † 1931) – епископ, бывший Уфимский и Мензелинский. На покое в Оптиной пустыни с 1913 г.

*Игумен Феодосий (Поморцев).
Фотография. Начало XX века*

по разработке типа пастырских училищ. Дурылина давно заботило духовное воспитание юношества. Еще в 1916 году он читал доклад «Будущая Россия (Духовные задачи современности и русская молодежь)» в Златоустовском религиозно-философском кружке.

Взамен закрывшихся церковных журналов был создан в 1918-м новый. Назвали «Возрождение», вложив в это название свои чаяния на духовное возрождение Церкви. Верили и ждали. Но журнал просуществовал лишь один год. Вышло десять номеров, и в каждом (кроме 10-го) работы Дурылина. Названия статей значимы: «Церковь и возрождение», «Правило веры и образ кротости», «Завет преподобного Сергия», «В Оптиной пустыни», «Храм в жизни и жизнь в храме»... В третьем и четвертом номерах Дурылин (без подписи) опубликовал

списки книг на религиозные темы, рекомендуемых для чтения. На сотрудничество с журналом Дурылин получил благословение старца Анатолия. Журналом «Возрождение» интересуются в Оптиной пустыни. Отец Феодот¹ спрашивает Дурылина о журнале, он уже видел его у одного монаха и теперь хочет познакомиться поближе. Отец Феодосий просит поместить в журнал отмеченный им отрывок предисловия из «Курса всеобщей истории (для среднего возраста учащихся)» И. Кулжинского (СПб., 1859).

На Богословских курсах (апрель – июнь 1918 года), созданных по благословению Патриарха Тихона как духовная школа аскетической направленности, член епархиального училищного совета С. Н. Дурылин читал курс церковного искусства. У него давний интерес к иконографии. Тема его исследований: «Религиозный смысл русской иконописи». Начав в 1913 году с работы «Древнерусская иконопись и Олонецкий край», он в апреле 1919-го прочитал цикл лекций: «История Лица Христова», «Учение Церкви об иконе», «Икона и иконный мир. Жизнь Андрея Рублева», «„Троица“. Иконописец. Выводы». На лекцию о сущности иконы «Живопись = картина. Сатанины иконы» получил одобрение владыки – епископа Феодора (Поздеевского)². В том же году в Сергиевом Посаде написал статью «Иконопочитание в Древней Руси». Ученик и младший друг Дурылина религиозный писатель Сергей Фудель вспоминал, с какой любовью и знанием дела Дурылин открывал им смысл древней иконы.

«Олонецкие записки» (1917–1918) – единственный дневник, где отражена

¹ Феодот (Мартемьянов; † 1932) – иеромонах. Канонарх, благочинный. Скончался в ссылке.

² Феодор (в схиме Даниил; Поздеевский; 1876–1937) – епископ Волоколамский, викарий Московской епархии. Ректор Московской духовной академии в 1909–1917 гг. С 1917 г. – настоятель Данилова монастыря в Москве.

реакция Дурылина на трагические события в стране. И здесь же прослеживается эволюция его позиции – от активного участия в мероприятиях по реформированию церковной жизни к стремлению уйти в «свой угол», в частную жизнь, которое вылилось в желание уйти в монастырь, а в 1920-м привело к принятию сана священника. Его тонкая, впечатлительная душа не выдерживает бурных, тягостных переживаний, мучительных размышлений.

Надежды на возрождение жизни Церкви, независимой от государства, рухнули. Испытывая житейскую растерянность – «меня запустили в какой-то круг, и я не могу выйти» – и все больше склоняясь к монашеству, Дурылин в 1918 году едет в Оптину с заготовленными вопросами к отцу Анатолию: «Что будет с нами? Есть ли надежда на лучшее? Долго ли продлится такая жизнь? Как противостоять боязни голода, беды? Как бороться с плотскими желаниями? Не знаю, что делать в жизни и на что наводить работу. Писать ли роман, статьи? Монашество? Как часто причащаться и причащаться ли, если чувствуешь: не готов? Как всегда помнить о Боге и страх чувствовать? Как смирить себя?» и др. Всего 14 вопросов и среди них: «Где жить?» Монастырь привлекает не только как прибежище для души, но и как свой дом, свой угол. Отец Анатолий ответил на каждый вопрос. Его ответы, как и свои вопросы, Дурылин подробно записал в дневнике¹. «Причащаться через месяц, через два – когда чувствуешь, что слабеешь. У вл[адыки] Арсения... Читать

¹ ОР РГБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 31. Л. 62–67.

Дурылин С. Н. Дневник 1918 года (24 мая – 20 июня). Дневник – это записная книжка небольшого формата. Записи сделаны карандашом небрежным труднопрочитываемым почерком, местами текст стерся. Поэтому выписываем не подряд, а только то, что прочитывается верно. В этом дневнике записи бесед с о. Варнавой, еп. Михеем, о. Феодосием, восьмидесятилетней монахиней Елисаветой, духовной дочерью старцев Макария и Амвросия.

Обложка журнала «Возрождение». 1918 год

Евангелие и апостолов сподряд по главе, или хоть сколько сможешь. Читать „Алфавит духовный“. Канон покаянный 3 раза в неделю. Избегать лиц, уединяться и молиться. Иисусова молитва. Псалтырь. Ефрема Сирина. Просить Божией помощи. Сказать, что нужно, кратко и отойти. Тщеславие – великий грех. Надо говорить, когда хвалят: Бог дал, Бог помог. Я слаб. Бог сделал. Радостно, что хорошо прожита неделя, враг пользуется: внушает тщеславие. Надо молиться: Боже, не отвернись от меня, помоги мне. Не надо отчаиваться. Бог милостив. Нужно вполне надеяться на милосердие Божие. Бог помилует Россию. Хлеб будет. Только один месяц будет тяжел. Не нужно бояться умереть с голоду. Не нужно уныния. Купцам надо бы торговать хлебом. Статьи писать. (Я не говорил об этом, он сам сказал.) Взять урок в хорошем доме 2–3 часа, чтоб не утомляться. Жить у В. А. Она же и прокормит – хлеб будет.

[Иконы] Спаса и Семь отроков [Эфесских] хранить. Вещи ненужные продать. Читать Отцов [Церкви]. Чтб – спросить у владыки Арсения».

Поступление в монастырь старец не отвел совсем, но отодвинул на неопределенный срок: «К монашеству или священству, выяснится по учению в Академии; поступать ли – спросим у владыки Арсения. Там выяснится. Бог укажет монашество». Обсуждаются три варианта поступления Дурылина в монастырь: Оптина, Данилов монастырь и Зосимова пустынь. Отец Анатолий склоняется к Данилову монастырю: «Если под руководством и советом епископа Феодора будете жить, кажись, ошибки не будет. Но положишься на Промысл Божий. Господь тебя не оставит»¹. И в другом письме: «Спрашиваете, как дальше жить, не устроиться ли в монастырь. Если епископ Феодор принимает, кажется, можно бы решиться. Но смотрите, как себя чувствуете духовно»². А в апрельском 1919 года письме отца Анатолия в связи со смертью Г. Х. Мокринского звучит Дурылину предупреждение: «Очень опасно заниматься умно-сердечною молитвою прежде обретения смирения и постоянного самоукорения»³.

Для задуманной работы по истории Оптиной пустыни и старчества Сергей Николаевич записывает рассказы и воспоминания монахов Оптиной и монахинь из Шамордина, беседует со скитоначальником игуменом Феодосием (Поморце-

вым) – живым носителем истории Оптиной; схиархимандритом Агапитом (Беловидовым) – первым биографом старца Амвросия⁴; монахом Варнавой – келейником отца Анатолия; с иеромонахом Феодотом (Мартемьяновым) – уставщиком Оптиной пустыни; оптинским летописцем иеродиаконом Поликарпом; епископом Уфимским Михеем (Алексеевым), с которым познакомился на Соловках в одной из поездок на Север, а теперь епископ живет на покое в Оптиной. Делает выписки из статей и воспоминаний о посещении Оптиной Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, о влиянии Оптиной пустыни на других русских писателей: А. К. Толстого, Н. Н. Стрехова, Вл. С. Соловьева, К. Н. Леонтьева, А. Н. Апухтина... При этом он пользуется рукописями отца Феодота, а также книгами богатейшей оптинской библиотеки. В дневник записывает свои беседы со старцами Анатолием и Нектарием. Они помогут ему позже при написании воспоминаний о них. В период работы над созданием музея «Оптина Пустынь» он собирает исторические справки, составляет перечень необходимых экспонатов и портретов для музейной экспозиции. В его архиве есть черновик записки о необходимости сохранения монастыря и его музея как имеющих величайшую ценность.

Особенно интересны Дурылину воспоминания отца Феодота о жизни К. Н. Леонтьева при Оптиной пустыни. Леонтьев – один из его любимейших писателей. Всю дальнейшую жизнь он будет заниматься Леонтьевым, но писать в основном «в стол». В 1916 году на общем собрании Братства Святителей Московских член Братства С. Н. Дурылин сделал сообщение: «Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева».

⁴ По завещанию схиархимандрита Агапита книгу «Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» передали Дурылину.

¹ Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки» // Наше наследие. 2016. № 117. С. 102.

² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 412 а.

³ Георгий Хрисанфович Мокринский умер в сумасшедшем доме в феврале 1919 г. Старший друг Дурылина, он был духовным сыном старца Анатолия и священника Павла Флоренского, у которого учился в духовной академии. Был пострижен в монахи. О повреждении душевном тех, кто без наставления, послушания и смирения самочинно примется за «умное делание молитвы Иисусовой», см. в кн. «Письма великих оптинских старцев». М., 2007. С. 338–352.

В 1915 году протоиерей Иосиф Фудель¹ передал Дурылину весь свой богатейший архив Леонтьева².

С отцом Иосифом Фуделем у Сергея Николаевича сложились теплые доверительные отношения, основанные на общности религиозно-философских взглядов. «Это была философия религиозной России, любовь к которой Сергей Николаевич сливал с любовью к Богу, – пишет Сергей Фудель³ в своих воспоминаниях. – Любовь Сергея Николаевича к моему отцу была большая, я помню его горькие слезы после смерти отца, и эта любовь была взаимной. <...> Он [Дурылин] видел в нем духовного отца, который сочетал большую религиозную жизнь с любимой Сергеем Николаевичем русской культурой XIX века. Через него он прикасался Оптиной еще 80-х годов прошлого века, Оптиной отца Амвросия, у которого бывали и Достоевский, и Толстой»⁴.

С Михаилом Александровичем Новоселовым у Дурылина сложились отношения дружеские. Они много общались. У них общие взгляды, чаяния. К Новоселову пошел Дурылин со своими переживаниями в «первый день без царя». Именно Новоселов оказался рядом и отвез Дурылина в больницу доктора А. И. Бакунина, когда внезапно 15 мар-

Епископ Феодор (Поздеевский)

та 1918-го случился приступ ущемления паховой грыжи, и умирающего Дурылина срочно, без подготовки положили на операционный стол. Умирая, он знал, что это наказание Божье, сполна заслуженное. Костенеющим языком попросил духовника. Исповедавшись и причастившись, спокойно заснул под хлороформом с молитвой Иисусовой. Операция сверх ожидания прошла удачно. И две недели после операции были днями счастья: «я был с Богом, – и оттого все было легко, все радостно, все нужно: молитва, чтение Евангелия, любовь к людям, внимание к себе...». Возле его кровати стояли иконы преподобного Сергия Радонежского и святителя Николая, а также фотография старца Анатолия. В больницу к Сергею Николаевичу навещающие идут целым потоком: ученики, их родители, друзья, епископ Арсений принес просфорку, архимандрит Вениамин – виноград, мед и миндаль. Они же усиленно молятся о нем. Старец Анатолий присылает из Оптиной пустыни письмо: «Возлюбленный о Господе раб Божий Сергей! Милосердием Божиим вновь подарена тебе жизнь без

¹ Фудель Иосиф Иванович (1864–1918) – настоятель московского храма свт. Николая в Плотниках, был дружен с К. Н. Леонтьевым (в монашестве Климент; 1831–1891), хранил его письма и архив. Начал издавать собрание его сочинений и успел выпустить 9 из 12-ти запланированных томов. Дурылин познакомился с протоиереем Иосифом Ивановичем Фуделем в 1912 г. См. воспоминания С. Н. Дурылина «Отец Иосиф Фудель» // Литературная учеба. 1996. № 3. С. 179.

² В 1991-м могила К. Н. Леонтьева в Сергиевом Посаде восстановлена по описанию С. Н. Дурылина и М. М. Пришвина.

³ Фудель Сергей Иосифович (1900–1977) – духовный писатель. О своем учителе и старшем друге С. Н. Дурылине он оставил подробные воспоминания: Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 44–72.

⁴ Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 51.

*С. Н. Дурылин
(в центре),
Коля и Ваня
Чернышевы.
1914 год*

обозначения срока ея, дабы всякою минуткою оной искусно пользовался ты для дела созидания своего душевного спасения. Ты сам видишь, что Промысл Божий неустанно печется о всякой душе, помощи требующей. И как просил ты о ней в минуты страха смерти без покаяния, так же призывай ее всегда»¹. В больнице Сергей Николаевич записывает в дневник²: «Какое счастье, что она [Оптина] не отнята у меня. Без нее гибель». И тут же намечает вопросы к отцу Анатолию: «Спросить у отца Анатолия, если Бог допустит в Оптину. 1) Как хранить святые иконы – Спаса, Святых отроков и др.? <...> 2) Писать ли вещи художественные? „Жалостник“. 3) Куда на лето. 4) О месте. 5) О брате. 6) Чем и как жить в будущем году. 7) Епископ Феодор и монастырь. 8) Живу без всегдашнего вопрошения старца. Как избежать этого. Как жить не по своей воле».

Членом новоселовского Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви Дурылин был наряду с епископом Феодором (Поздеевским) – ректором Московской

духовной академии, Владимиром Александровичем Кожевниковым – человеком энциклопедических знаний, другом Н. Ф. Федорова и автором книги о нем, славянофилами Павлом Борисовичем Мансуровым и Федором Дмитриевичем Самариным, протоиереем Иосифом Фуделем, священником Павлом Флоренским, С. Н. Булгаковым.

Безусловно, Сергей Николаевич признавал наставнический авторитет М. А. Новоселова, несомненно испытал его влияние, которое наряду с влиянием старца Анатолия Оптинского вело Дурылина по пути истинного православия.

Около месяца живет Сергей Николаевич в Оптиной пустыни в мае – июне 1918-го. В Духов день он был у епископа Михея, который рассказывал ему о «старой Оптиной». А в церкви еще «лесок березовый». Старец Анатолий, благословляя Дурылина, сказал ему: «Зайди завтра вечером, может быть пособорую». «Это был ответ на мои мысли, – записывает Дурылин. – От благословения батюшки я почувствовал необыкновенную легкость, ясность, радость: рука его – именно рука, часть тела – была исполнена в этот день необыкновенной светлой, благодатной силы. („Сила от него исхождаша“ – вспоминаются мне теперь

¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 412 а. Письмо от 19 апр. 1918 г.

² Дурылин С. Н. Дневник «Олонецкие записки». С. 146.

евангельские слова.) Когда он сказал мне о соборовании, я задержал руку его и опять поцеловал, и вновь почувствовал исходившую от нея силу»¹. Эту благодатную силу, исходившую от старца Анатолия в Духов день, почувствовали и мальчики – Коля и Ваня Чернышевы, приехавшие вместе с Сергеем Николаевичем в Оптину².

И природа соответствует душевному настрою Сергея Николаевича: «Вчера был тихий, теплый, благодатный вечер. Небо нежно-розово и умирено. Зеленая, еще нежная, полувесенняя листва сквозила живо и светло. Носились высоко, высоко стрижи с серебристым цоканьем и взлетали за кресты собора, чертили в воздухе причудливые незримые чертежи – и праздновали летом и песенками розовый вечер. Кресты сияли. Около батюшкиного домика слева густо пахло жасмином – от густых, всех в цвету, кустов, а справа чуть приметно обнаруживались розовые бутончики шиповника. Народу было много. Стояли на крылечке, на лесенке. Вышел батюшка на лесенку, и монашки, падая на коленки, сказали ему: „Батюшка, благодать какая! Благословите, вынесем стуло, посидите на воздухе, подышите, с нами побеседуйте“.

А он: „Не могу. Заниматься нужно. Письма читать“³.

<...> В четверг при разговоре об отъезде нашем и Мокринского батюшка достал письмо от В. А. Чернышевой⁴ и сказал, что арестован С. И-ч⁵: „Хороший, добрый человек. И за что?“ Очень <нрзб>.

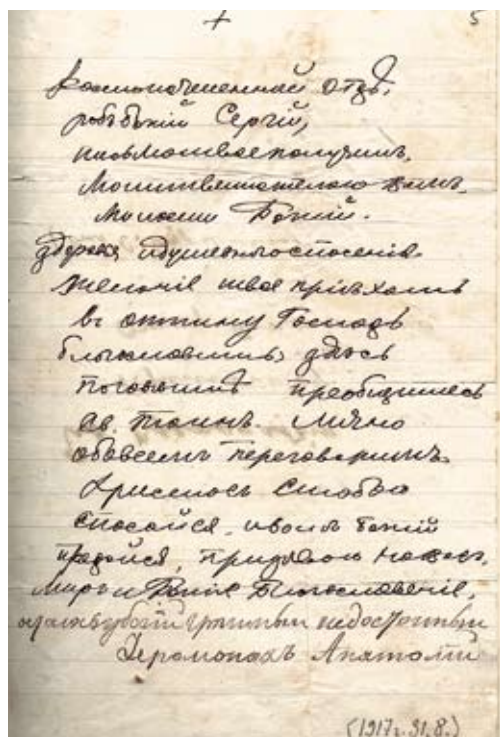
¹ Дурьлин С. Н. Дневник 1918 года. Л. 7.

² Коля тоже просил старца Анатолия принять его в монастырь. Но батюшка благословил его читать книгу «Указание пути в Царство Небесное. Поучение свт. Иннокентия Аляскинского (Вениаминова)». Книга адресована монахам, и Коля читал ее с трудом («Троицкие записки»).

³ Дурьлин С. Н. Дневник 1918 года. Л. 30, 30 об.

⁴ Чернышева Варвара Андреевна – мать Коли.

⁵ Чернышев Сергей Иванович – отец Коли, владелец фабрики в подмосковном Пирогове рядом с Мытищами.

Письмо оптинского старца Анатолия С. Н. Дурьлину от 31 августа 1917 года

В Москве же Коля сказал мне: „Когда я прощался с батюшкой, он говорил о нашей фабрике (это Коля и тогда же, в Оптиной еще, мне говорил), спрашивал про папу и сказал: „Вам жалко его?“ Я батюшку не понял. Здесь оказалось, что именно в этот день папа был арестован“⁶.

Так и не получив благословения отца Анатолия на принятие монашества, Дурьлин в конце 1918 года переезжает жить в Сергиев Посад. «Слава Богу, что под кровом преподобного Сергия живете спокойно, да поможет Вам Господь»⁷, – пишет старец Анатолий. В Посаде Дурьлин готовит себя духовно к отрешению от мира. Старец назначил ему «полумонашеский обиход». Читает молитвы, духовные книги, ходит на службы, причащается. Временами от молитвы, от воспоминаний об отце Анатолии, от пения церковного делается «ясно душе и твердо-ясно... и тянет в путь к дому безуходному». Он понимает,

⁶ Дурьлин С. Н. Дневник 1918 года. Л. 39.

⁷ Дурьлин С. Н. Дневник «Троицкие записки» // Наше наследие. 2015. № 116. С. 88.

что «монастырь – путь, а не остановка, только путь прямой, а не косою, как мир». И если мир должен стать для него чужим, то и в монастыре должно стать чужим все, что от мира. «Нельзя двойного вынести: или – или: или Лествица, или около литературы... Сожги одно – или другое, но сожги»¹.

Но раздвоенность в душе остается. «За обедней временами был счастлив: читал молитву Иисусову, и два было с нею ощущения: то – будто в душе провеваает теплый тихий ветерок, и все освежает, и молодит, чего касается, то – душа будто чаша, полная какой-то сладостной влаги, которую не можешь и удержать в себе. Но потом вихри суетных мыслей, и нет ветерка и унесена чаша».² Просит у Бога покоя, ждет от монастыря успокоения, тишины, но не чувствует «подлинного ощущения монашеского». Состояние умиротворенности сменяется унынием. Понимает, что его душе нужно отстояться, «как мутной воде». Чувствует, что он в плену у себя самого. В этот год переписка со старцем Анатолием особенно частая. Очень помогают его советы, духовная поддержка.

Сергей Николаевич с юности привык анализировать, что происходит у него в душе. Эта постоянная потребность в самоанализе, исповедальности выразилась в дневнике «Троицкие записки» в большей мере, чем в других дневниках, и книге «В своем углу». В «Троицкие записки» он подробно и откровенно заносит все свои переживания, мысли, влечения, грехи и духовные победы; вписывает советы старца Анатолия.

В Сергиевом Посаде Сергей Николаевич сблизился с Юрием Александровичем и Софьей Владимировной Олсуфьевыми (он живет, предположительно, в мансарде их дома, а их сын Миша – его ученик), с Сергеем Павловичем и Марией Федоров-

ной Мансуровыми. Все они тоже духовные дети старца Анатолия. Со священником Павлом Флоренским видится каждый день. Пока им всем неизвестно, что впереди тяжелые испытания и трагический конец. С Софьей Владимировной Олсуфьевой Сергей Николаевич ходит на службы, исповедь и причастие в Черниговский скит к отцу Порфирию³, к которому их направил старец Анатолий. Все эти люди мужественно переносят лишения, житейские трудности: голод, холод, отсутствие сносной одежды – нужду во всем. Духовная жизнь у них была насыщенная, духовная свобода для них важнее всего⁴.

Отказавшись быть членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, Дурылин выполняет для нее отдельные работы: переписывает Опись Лавры 1642 года, участвует в составлении описи Троицкого и Успенского соборов, церкви преподобного Никона и другие.

Как ни старается Сергей Николаевич ограничить себя духовным деланием, сосредоточиться на молитве – не получается. Он сжигает свои дневники 1915–1916 годов, записи и тетрадь своих стихов. И «точно гору скинул с плеч». Но в то же время он пишет рассказ «Осинки». «Не могу не писать», – признается себе. Хочет писать роман.

Тянет в Оптину. В письмах к отцу Анатолию испрашивает благословение на каждое дело, а в первую очередь на монастырь. Старец Анатолий о монастыре отвечает уклончиво, понимая, что Дурылин не готов к монастырской жизни, да и ситуация в стране непредсказуема. Советует положиться на Промысл

³ Иеромонах Порфирий (Горшков; † 1922) – старец и духовник Гефсиманского Черниговского скита. Ученик и келейник преподобного Варнавы (Меркулова; † 1906) Гефсиманского.

⁴ Об этих замечательных людях см.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001; Смирнова Т. В. «...под покров Преподобного» // Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007; она же. Ю. А. Олсуфьев: материалы к биографии // Труды ГИМ. Вып. 158. М., 2006.

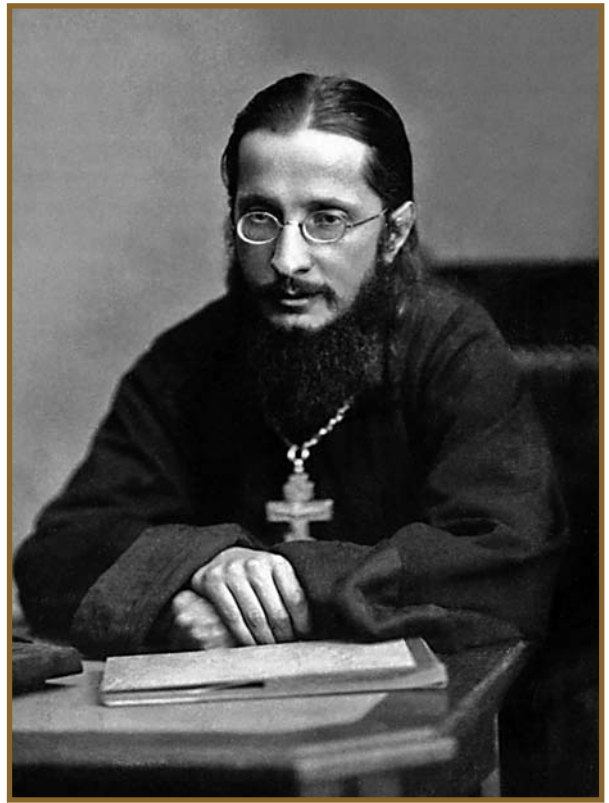
¹ Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки» // Наше наследие. 2016. № 117. С. 99.

² Там же. С. 107.

Божий, а там «определится, к чему у тебя призвание, к учености или внутреннему деланию». В Оптину ехать не советует, т. к. судьба обителя неясна. От тоски и уныния рекомендует читать письма старца Макария, где описана борьба «с сею лютою страстью». К середине 1919 года Дурылин, похоже, уже и сам понимает, что Оптину ему Бог не даст.

1 апреля 1919-го большевики вскрыли мощи преподобного Сергия Радонежского и держали их некоторое время под стеклом обнаженными. Дурылин в дневнике описывает общее потрясение, молебны и плач толпы на площади перед Лаврой. «В душе – сознание собственной вины, греха, гадости, смуты». И крик души: «Прости нас, прости, Преподобный!» К мощам идет непрерывный поток прикладывающихся. Очередь от Святых ворот. Большинство со свечами. Дурылин шел в очереди и молился, а войдя в храм, ясно ощутил сильнейшее благоухание. «Это не был запах ладана. Службы не было. Это особое. Его слышала и Таня [Розанова] и сказала мне». «Нет, ничего в жизни не видал я тяжелее, – ни в чем никогда не видел я большего обнаружения, противоположения, противустояния Божия – и сатанина, Добра попираемого и Зла попирающего!»¹

И опять мысли о разделении страны на Русь и Россию. «Русь, которую я любил, умерла». «Будут до конца два стана русских, а то, что между ними, промежуточное, будет все уменьшаться: вливаясь огромной волной – в „окаянную“ и просачиваясь маленьким ручейком – в „Святую“. Это и будет все содержание дальнейшей русской истории в ее сокровенном и в ее явном»². И грустит оттого, что уходит старая Россия. «Святая Русь – это Россия в храме, на молитве перед образом, Россия с восковой свечкой в руке, с радостью и упованием о Христе в сердце, с ведением

Священник Сергей Дурылин. 1920–1921 годы

Его – в разуме, с устремлением своей воли к Его воле: „да будет воля Твоя“»³.

Бывая в Москве, старается зайти в Данилов монастырь. Там владыка Феодор (Поздеевский), под покровительство которого направляет старец Анатолий. В монастыре можно и пообедать, и переночевать (свою комнату в Москве Сергей Николаевич оставил брату Георгию). С епископом Феодором тесно связан М. А. Новоселов. Он и живет сейчас в Даниловом монастыре.

8 марта 1920-го епископ Феодор в Троицком храме Данилова монастыря рукоположил Дурылина в сан диакона, а 15 марта в храме святителя Николая в Кленниках – в сан иерея с обетом безбрачия (целибат). В копиях, сделанных Дурылиным, сохранились документы о его рукоположении: его прошение с резолюцией Патриарха Тихона и отзывом протоиерея Алексия Мечёва, присяга

¹ Дурылин С. Н. Дневник «Троицкие записки» // Наше наследие. 2016. № 118. С. 92.

² Там же.

³ Дурылин С. Н. Начальник тишины // Дурылин С. Н. Русь прикровенная. С. 291.

Протоиерей Алексей Мезёв

Дурылина и допрос его членами епархиального совета В. Виноградовым и Н. Вышеславцевым.¹

Поворот в судьбе С. Н. Дурылина произошел под влиянием московского старца отца Алексея Мечёва, настоятеля церкви святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Вот как Дурылин описывает этот решающий момент в его жизни: «В памятный для меня час, когда отец Алексей на исповеди, в кабинете, решил, что мне должно быть священником, я принял его волю с радостью и покорностью. На столе стоял портрет отца Анатолия. Батюшка прочел мою мысль, мгновенно возникшую во мне при взгляде на портрет: „Как же я без ведома моего старца, отца Анатолия, принимаю такое важное решение?“ – и ответил моим мыслям, а не словам: „Напишем отцу Анатолию. Он благословит“, – и действительно, через две недели, несмотря на всю

неверность и почти невозможность тогда письменных сношений, я уже получил ответ отца Анатолия – тот самый, о котором мне сказал отец Алексей»². Радуется старец Анатолий, что в лице отца Алексея Дурылин «нашел себе опору явную».

Так по благословию отца Алексея Мечёва и старца Анатолия Дурылин не пошел в монастырь, а стал священником, тем самым направив свою жизнь совсем по другому руслу.

Связь старца Анатолия и отца Алексея Мечёва была глубока, несмотря на то, что виделись они всего один раз в жизни. Они были «одного духа», духа любви всепрощающей и всеисцеляющей. Объединяло их «благодатное единство старчества». Своих духовных детей они передавали друг другу.

Старец Анатолий в 1920 году прислал Дурылину с нарочным «утешеньца» (яблочко, «листочки») и велел поклониться отцу Сергию до земли. Что и было исполнено.

На столе отца Алексея Мечёва стояла карточка настоятеля Оптиного скита Феодосия (Поморцева), которого батюшка очень почитал, и взаимно. Однажды игумен Феодосий, приехав в Москву, посетил храм отца Алексея во время службы. Он видел, как «идут вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, как подробно совершается поминовение, какие толпы народа ожидают приема, как долго длится этот прием. Видел и сказал отцу Алексею: „Да, на все это дело, которое вы делаете один, у нас в Оптиной несколько человек понадобилось бы. Одному это сверх сил. Господь вам помогает“»³.

От большой загруженности, плохого и скудного питания, недосыпания у

¹ Документы о рукоположении С. Н. Дурылина. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 956.

² Дурылин С. Н. Памяти отца Алексея. [Написано до 1928 г.]. Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись. Л. 8.

³ Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева / сост. С. В. Фомин, Е. В. Апушкина. М., 2000. С. 145.

иерея Сергия Дурылина начались обмороки. Это заметила Ирина Комиссарова¹ – одна из сестер общины, которую в 1919 году организовал при храме, по благословению Патриарха Тихона, протоиерей Алексей Мечёв. Целью общины было помогать бедствующим и больным людям в приходе. В голодные годы поддерживали около тридцати семей.

Мечёвскую общину священник Павел Флоренский называл «дочерью Оптиной пустыни»: «Тут жизнь строилась на духовном опыте. Отец Алексей учил своей жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. <...> Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом»².

Наступил 1922 год. Голод в Поволжье. Началось изъятие церковных ценностей. С весны 1921-го отца Сергия Дурылина перевели настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот Китай-города³. Но в «свои» дни он продолжал служить в церкви святителя Николая в Кленниках.

На Пасху 1922-го в последний раз служил священник Сергей Дурылин вместе с протоиереем Алексием Мечёвым, священниками Сергием Мечёвым, Лазарем Судаковым и Петром Давыденко.

В ночь с 11 на 12 июля 1922 года отец Сергей Дурылин был арестован⁴ и помещен сначала в Комендатуру ГПУ, а затем

¹ О жизни и судьбе Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) см. статью: *Торопова В. Н.* Крепче смерти // Московский журнал. 2008. № 7.

² *Флоренский П. А.* Сочинения: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 626.

³ Часовня Боголюбской иконы Божией Матери находилась внутри башни Варварских ворот Китайгородской стены (в конце улицы Варварки на месте нынешнего Китайгородского проезда). Построена в 1880 г. Разрушена в 1928–1933 гг.

⁴ Обстоятельства арестов Дурылина изложены (на основе материалов из ЦА ФСБ РФ. Д. Р–46583) в статье науч. сотрудника ЦА ФСБ *В. Г. Макарова* «...Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» // С. Н. Дурылин и его время. Сб. статей. Кн. 1. С. 29–76.

во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Это значит, что ему не разрешались свидания и передачи. По ходатайству друзей и духовных детей Дурылина 8 августа перевели во владимирскую тюрьму, где условия содержания были в те годы легче.

Ходатайства «высоких просителей» возымели действие. По решению Комиссии НКВД от 15 декабря 1922 года Дурылин был сослан не в Хиву (что было бы для него смерти подобно), а в административном порядке на два года в Челябинскую область под гласный надзор ГПУ с разрешением ехать «за свой счет».

Но еще во владимирской тюрьме произошло знаменательное событие. В 17-й камере, где Дурылин провел четыре месяца, сидели священнослужители. Епископ Афанасий (Сахаров) в своих воспоминаниях перечисляет всех поименно. 28 октября 1922-го заключенные семнадцатой камеры совершили в ней восстановленную Поместным Собором службу всем святым, в земле Российской просиявшим, существенно дополнив ее. В частности, священник Сергей Дурылин составил тропари канона святым Калужским (песнь 4, тропарь 7) и Тамбовским (песнь 9, тропарь 1), а также второй светилен, обращенный к Софии Премудрости Божией. В тюрьме Дурылин смог написать рассказы «В те дни», «Сладость ангелов» и статью «Об ангелах».

Приехав в Москву на три дня, разрешенных ему для сборов, Дурылин пришел к отцу Алексию Мечёву за благословением. Батюшка, понимая, что Дурылин погибнет в ссылке без материнской заботы о нем, о его здоровье, быте⁵, благословил ехать с ним Ирину Комиссарову: «Поезжай с ним, помоги ему, он нужен народу». На прощание подарил отцу Сергию Евангелие, надписав его: «Чадца, любите друг друга (изреч. Св. Иоанна Богослова).

⁵ Отец Алексей Мечёв в 1922 г. хорошо понимал то, что Дурылин запишет о себе в 1926 г.: «Я подобен повилিকে: чтобы расти и жить, мне нужно вокруг кого-нибудь обвиться...» Цит. по изд.: *Дурылин С. Н.* В своем углу. 2006. С. 199.

Да будет над тобою рука Божія крепкая и сильная, Яж-во Святей книзи сей!»

В ссылке Дурылин узнал о смерти батюшки, отца Алексия Мечёва. Он скончался 22 июня 1923 года в Верее от паралича сердца. Дурылин потрясен, не может прийти в себя. Он лишился обоих наставников. Старец Анатолий скончался 12 августа 1922 года, когда Дурылин был во владимирской тюрьме. Он хотел писать о нем воспоминания, но не смог. Не мог найти «прекрасно-добрых», простых слов, а другие не подходили. Но в тюрьме написал рассказ «В те дни». Все мысли героев, разговоры со старцем иеросхимонахом Пафнутием и иеродиаконом Никифором – это мысли самого Дурылина о судьбе России, веры православной в те тяжелые времена, когда рушились храмы и захлестывала души волна атеизма, это то же, о чем говорил Дурылин со старцем Анатолием во время посещений Оптиной пустыни и что просвечивает в письмах старца к нему.

Пройдут годы, и Дурылин напишет об обоих старцах тепло, благодарно, объясняя причину тихого, ласкового, но глубокого влияния их на людей, начиная с детей и до ученых мужей, философов, коммунистов. Много изумительных качеств отметит он, но самым ценным для него было то, что они несли людям «дар даров – ЛЮБОВЬ», «ибо Бог есть любовь»¹. В 2000 году оба старца были причислены к лику святых.

В Челябинск к Дурылину в апреле 1923-го приехал с рекомендательным письмом от священника Павла Флоренского его товарищ по Духовной академии Б. П. Добротворцев «на предмет обмена мыслями об Оптиной и о делах около нее». Из письма Флоренского явствует, что Дурылин до ареста принимал активное участие в создании музея Оптиной пустыни, открытого в 1919 году. Приве-

дем выдержку из письма: «Бориса Павловича я рекомендую в Музейный отдел в качестве сотрудника в музей „Оптина Пустынь“. Борису Павловичу хочется уяснить себе, что предстоит ему на таком месте и подойдет ли такая обязанность к нему. Поэтому я и полагаю полезным как для судьбы Оптиной, так и для Б. П. Добротворцева сговориться вам обоим о дальнейших отношениях. Всего доброго Вам. С уважением к Вам П. Флоренский. 27.04.1923»².

В 1923 году сельхозартель «Оптина Пустынь», организованная после закрытия монастыря в 1920–1921 годах, была преобразована в «Семхоз». Хлопоты многих защитников Оптиной дали результаты. В 1924 году бывший монастырь был взят Главнаукой на госохрану как историко-мемориальный памятник «Музей „Оптина Пустынь“». Три года, остававшиеся до окончательного разорения монастыря и закрытия музея, позволили расширить музей и провести полную каталогизацию обширной библиотеки. Благодаря этому в 1927 году удалось спасти основную часть редких книг и уникальных рукописей.

После первого ареста 1922 года Дурылин в Оптиной больше не бывал, да и монастыря уже не существовало. До светлых времен возвращения Оптиной пустыни Церкви Дурылин не дожил. Но мировоззрение, сложившееся в значительной мере под влиянием оптинских старцев, не изменилось до конца дней его. И это проявилось в его потаенном творчестве (духовной прозе и поэзии), в письмах духовно близким людям, в записках, разрозненных в его архиве. Вся дальнейшая жизнь прошла под покровом оптинского духа.

Дальше расскажем о том, что до недавнего времени оставалось под спудом.

Дурылин многих людей, с которыми сводила судьба, испытывал их отноше-

¹ Воспоминания С. Н. Дурылина об отце Алексии Мечёве (1859–1923) в сокращенном варианте опубликованы: Пастырь добрый. М., 2000. С. 3–9, 139–148; о старце Анатолии (Потапове) (1855–1922) – в своем углу. 2006. С. 762–773.

² Дурылин С. Н. Альбом. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276(1).

нием к Богу, ко Христу. Бог присутствует во многих работах Дурылина. Прямо – в мыслях, в тексте, косвенно – в подходе к оценкам событий, явлений, людей...

Религиозная тема живет в нем постоянно. Она почти во всех его художественных произведениях. Духовных стихов написано много, но за малым исключением они не опубликованы. В разные годы и в разных изданиях увидели свет «Никола на Руси», «Св. Себастьян», «Сорок мучеников», «Власий», «Тимофей, иже в Символех», «Вешнему Николе», «Св. Серафим Саровский», стихи из цикла «Венец лета»¹... Публикация духовных стихов Дурылина (включая стихи для детей) требует отдельного издания. Приведем только два стихотворения:

**Святое Преображение
Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа**

*Благоухай, молитва, над плодами!
Погожий день, второй осенний Спас.
Горит в огнях лампад иконостас.
– Ты, Господи, Владыка над годами!
Ты солнцу повелел, любя, лугами
Румянить плод и радовать им нас,
Ты плод благослови на всякий час
И дай вкушать нескверными устами!
И яблоко с росой воды святой
В руке у каждого благоухает,
И сад гостей с приветом ожидает,
И яблоня в ковер травы густой
Украдкою свой яблочко золотой
Уж не один от утрени роняет.*

**Успение Пресвятыя Владыгицы
нашей Богородицы и Приснодевы
Марии**

*И вновь, в тот везер тихо-синий,
К Ней в дверь Архангел постугал:
– Твой везереет день – и ныне*

¹ Часть духовных стихов опубликована в книге «Я никому так не пишу, как Вам...». Переписка С. Н. Дурылина и Е. В. Гениевой. М., 2010.

*Тебя Твой Сын к Себе позвал!
И как на утре, в Назарете,
Она ответила ему –
И мир сиял в Ее ответе:
– Иду, по слову твоему!
Над гробом темная маслина,
Но гроб, как гроб Сыновний, пуст:
Она навеки в Доме Сына –
Лишь гробный камень Магдалина
Живит лобзаньем скорбных уст.*

Художественная проза Дурылина почти вся религиозна: «Колокола (хроника)», «Сударь Кот. Семейная повесть», «Жалостник», «Троицын день», «Николин труд», «Три беса. Старинный триптих», «Крестная», «Сладость ангелов», «Грех земле», «В те дни» и др. Он как будто старается исправить упущение русских писателей, которые, за исключением Достоевского и Лескова, ничего не написали о «верующем русском народе, <...> живущем в Церкви и церковно укрепляющем себя молитвой, просветляющем себя верой в Христа». Еще в 1916 году он восклицал: «До чего было мало храма в русской литературе!», «Где же эта Русь, которую „в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя“?»² Городничие и помещики Гоголя, мужики Г. Успенского, чиновники Щедрина, интеллигенты Чехова, «лишние люди» Тургенева, глупые купцы Островского заслонили собой Русь преподобного Серафима и притекавшие к нему миллионы верующих, заслонили Храм и Россию около Храма.

Действие повестей и рассказов Дурылина обычно связано с монастырем, храмом или около него, с трудностями на пути к Богу, с борьбой темных и светлых сил за душу человека. Большинство их написано в жанре сказа и часть может быть объединена в цикл «Рассказы Сергея Раевского»³.

² Дурылин С. Н. Начальник тишины. Цит. по изд.: Дурылин С. Н. Русь прикровенная. С. 292.

³ Сергей Раевский – один из псевдонимов С. Н. Дурылина.

Тяжелые думы. Портрет священника Сергия Дурылина. Худож. М. В. Нестеров. 1926 год

По окончании ссылки, возвратившись в Москву из Челябинска, Дурылин не знал, что быть на свободе ему отпущено лишь два с половиной года. В церкви он больше не служил (хотя продолжал совершать тайные службы в домах надежных друзей, а потом и в своем доме в Болшеве). Получив в свое время благословение отца Алексия Мечёва на литературную работу и поняв, что открытый путь служения Богу для него теперь невозможен, он примирил в своей душе эти две ипостаси. Помимо этого, видимо, права была Ирина Алексеевна, считавшая, что, став приходским священником, принимая на свои плечи чужую боль и беды, Дурылин взвалил на себя непосильную ношу. Гонения на Церковь и общее людское горе, плескавшееся на хрупкого здоровьем Дурылина, стали не легким испытанием для него.

Отец Сергей Дурылин венчал сестру Ирины Алексеевны Александру Алексеевну и Ивана Федоровича Виноградова в их комнате на Маросейке 10 мая 1926 года. В 1945 году Сергей Николаевич тайно венчал Наталью Михайловну Нестерову, младшую дочь художника М. В. Нестерова, с Федором Сергеевичем

Булгаковым, сыном отца Сергия Булгакова. Е. Н. Берковская, частый гость дома Дурылина в Болшеве в 40-е годы, однажды спросила Ирину Алексеевну, были ли они с Сергеем Николаевичем на заутрене, и услышала в ответ: «А мы дома бываем на заутрене, Сергей Николаевич служит»¹.

Галина Евгеньевна Померанцева пишет: «Ведь, сняв рясу священника, Дурылин не изменил своей сущности. И хотя он пытался уговорить себя, что путь духовного пастыря, с которого его насильственно столкнули, не единственно возможный для него путь, и хотя вера его перед лицом всего происходящего, не столько с ним, сколько вокруг, подвергалась тяжелому испытанию, он до конца дней своих останется глубоко верующим человеком, живущим по законам Христа. Да и пастырство было его призванием, он и сам осознавал это, только применительно к новым условиям предпочтет обозначать его в иных терминах – педагогика»².

Можно надеяться, что теперь, после того как открылись многие документы и истина стала известна, перестанет беречь умы легенда о его якобы отречении. Эта легенда стала соблазном для некоторых членов мечёвской общины, прекративших общение с Дурылиным. Знаменательно, что Дурылин отчеркнул на полях следующие строки письма Е. В. Гениевой от 2 июля 1929 года: «Не находите ли Вы, что просьба Вяземского „опровергать слухи, распространяемые недругами Пушкина“, необычайно действенна сейчас?»³ Но сам он не занимался опровержением слухов о себе.

Дурылин не был по природе своей ни борцом, ни социально активным, не стремился к карьере, избегал официальных должностей, и если они выпадали

¹ Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М., 2008. С. 622.

² Померанцева Г. Е. О Сергее Николаевиче Дурылине // Дурылин С. Н. В своем углу. Из старых тетрадей. 1991. С. 37.

³ «Я никому так не пишу, как Вам...». С. 347.

в Томский округ. Удалось закрепиться в Томске, где была фундаментальная библиотека и где, он надеялся, можно найти работу и иметь средства к существованию. Но стараниями ОГПУ работу Дурылину не давали. Он стал иждивенцем, что было невыносимо мучительно. Жили они с Ириной Алексеевной Комиссаровой на деньги, присылаемые друзьями и духовными детьми Дурылина, и на мизерные гонорары за статьи в местной прессе. Ирина Алексеевна поехала за Сергеем Николаевичем и в эту ссылку, выполняя наказ батюшки Алексия Мечёва перед первой, челябинской ссылкой: «Поезжай с ним, он нужен народу».

За пять месяцев тюрьмы и этапа здоровье Дурылина сильно ухудшилось – сдало сердце, уши болели и глохли, слепли глаза, прицепилась ангина. Но бодрости духа он не утратил. А любви к людям после пережитого прибавилось.

В Томске мысли Дурылина часто обращаются к Оптиной пустыни, к старцам. Щемящей грустью, душевной болью пронизаны его записи:

«3 июля. День иноческих именин старца иеросхимонаха Анатолия (мирские именины были 30 августа – Александра Невского). Восемь лет нет его на земле. И как много „нет“ вмещается в это одно „нет“: нет уж и его монастыря, нет и его могилки, нет и возможности упасть на нее и плакать. <...> Нет и многих, многих из тех, кого он любил, благословлял, направлял. Нет, быть может, уж и того народа, который шел к нему и к тем, кто на том же месте был прежде него. Сколько „нет“ – в одном „нет“!! А для меня, лично для меня – какая цепь „нет“, тяжких, давящих меня „нет“ в одном только, в простом „нет“: восемь лет нет на земле отца Анатолия. И какое, тем не менее, ЕСТЬ, великое ЕСТЬ сияет из всех этих „нет“, личных моих и не-личных!»¹

«Отец Феодот, уставщик Оптиной пустыни (жив ли он?), был умный и стро-

гий монах. В 1917 и 1918 годах я много беседовал с ним. В его келье было чисто, до тонкости чисто, прибрано, светло, – но изгнан „уют“, была келья, а не комната. <...> Разговор строгий, без шуток, без „быта“, но умный, без „параграфов“, без общедоступных поучений. <...> Он был создание оптинской культуры. Умные голубые крупные глаза – с грустью, с облачком, а не с пыльцой. Говорили об Апокалипсисе»².

«Скончался последний оптинский старец отец Нектарий. Все ушли: Великим постом 1920 года – отец Феодосий; в 1922 году 30 июля – отец Анатолий, теперь – отец Нектарий. <...> [Он] был „собеседник ангелов“ – явно, несомненно был: тишина мудрости, радость света, чистота глубины, исходившие от него, приметные даже чуть внимательному взору и слуху, свидетельствовали о том. Но он был и „собеседником человеков“ – всех человеков, без малейшего исключения, – от великого оптинского старца – содруга, собрата, сомолитвенника (отец Анатолий) – до коммуниста-красноармейца, изнемогающего в горе, от Чулкова и С. Мансурова – до калужской бабы, от художника Льва Бруни и поэтессы Надежды Павлович³ – до козельского купца, до юродивого Гаврюши. Собеседник человеков, ведатель человеческого, божеского и звериного в человеке. И все веддал, – все преобразил в свет тихий. Весь был в косых лучах света не вечернего. Последняя беседа моя с ним (5 нед. поста 1921 г.) была в его келье, в приемной в скиту, под садящееся солнце, под тихий звон к вечерне»⁴.

² Там же. С. 586–588.

³ Павлович Надежда Александровна (1895–1980) – поэт. Духовная дочь старца Нектария. При ее содействии была спасена монастырская библиотека и ее рукописный отдел (1928). Она много сделала для восстановления обители (1974). Помимо стихов публиковала религиозно-философские произведения. Ее статья «Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?» опубликована в альманахе «Прометей». М., 1980. № 12.

⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. 2006. С. 600.

¹ Дурылин С. Н. В своем углу. 2006. С. 762.

*С. Н. Дурылин, М. В. Нестеров, И. А. Комиссарова-Дурылина,
Г. С. Виноградов. Болшево. 1939 год*

Сергей Николаевич понимает, что теперь его художественные произведения будут лежать под спудом. В 1929 году написал стихотворение, которое начинается словами:

*Нет, мысль осталась для молганья,
Для слез, для бреда и для сна...*

Из Томска Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна отправились в следующую ссылку – на трехлетнее поселение в город Киржач. Опять под гласный надзор ГПУ. И здесь Дурылин много болел, однажды был на грани смерти. К нему приезжал доктор Сергей Алексеевич Никитин, в то время тайный священник, будущий епископ Стефан. Вероятно, кроме оказания медицинской помощи он и духовно окормлял своего друга. Можно предположить, что в начале 1950-х годов долгая беседа Дурылина с отцом Сергием Никитиным в Москве на квартире Нерсесовых за закрытыми дверями была исповедью Сергея Николаевича, ощущавшего уже приближение конца.

Получив, благодаря хлопотам друзей, разрешение вернуться в Москву,

Сергей Николаевич предложил Ирине Алексеевне оформить гражданский брак – так будет проще в отношениях с властями и с окружающими, кроме того предстоит прописаться на площадь сестры Ирины Алексеевны (другого жилья нет), а для этого нужны основания. Свидетельство о браке, выданное 29 июля 1933 года Киржачским загсом, ничего не изменило в их отношениях, она оставалась духовной дочерью священника Сергия Дурылина, а для окружающих – его женой.

В конце ноября 1933 года Сергей Николаевич уже в Москве, а Ирина Алексеевна в Киржаче готовится к переезду.

Хлопоты о предоставлении Дурылину комнаты в Москве ни к чему не привели, но удалось получить участок под постройку дома в Болшеве¹.

На участке поставили сарай, и в нем поселилась Елена Григорьевна Першина – мать Феофания († 1970), рясофорная монахиня с 1919 года, которой после разорения Спасо-

¹ На постройку дома удалось купить кирпич, бревна, двери и арочные окна из разрушаемого в то время Страстного монастыря.

Бородинского монастыря и шестилетнего отбывания в ссылках податься было некуда. Приехала к Ирине Алексеевне, помогала при строительстве, да так и осталась жить до конца дней своих.

В Болшеве Дурылин прожил 18 относительно спокойных и творчески плодотворных лет. Он стал профессором в Институте истории искусств АН СССР и Государственном институте театрального искусства, сотрудничал в Лермонтовской и Толстовской группах Института мировой литературы. По ходатайству ИМЛИ Дурылину в 1944 году присвоили степень доктора филологических наук. С 1934 года Дурылин – член Союза писателей СССР¹. Велико число опубликованных им монографий, книг, статей, прочитанных лекций и докладов. А для души, «в стол», он продолжал работы, которые не могли быть опубликованы в советский период (это религиозный аспект в творчестве М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. М. Гаршина, ранних славянофилов, художника М. В. Нестерова, это мемуары «В родном углу», духовные стихи...)

Просматривает и систематизирует свои богословские труды. В 1942 году, когда, как казалось со стороны, был целиком погружен в исследования культуры России, он пишет воспоминания о почитаемом им учителе Закона Божия в 4-й гимназии и в дальнейшем близком ему человеку Иване Ивановиче Добросердове (1864–1937), будущем архиепископе Можайском Димитрии, новомученике². В эти годы среди его близких друзей люди глубокой веры: священник Сергей Никитин, художник М. В. Нестеров, Николай Иванович и Софья Ивановна Тютчевы, П. П. Перцов...

¹ Членом Всероссийского союза писателей Дурылин был с 1920 года.

² *Рашковская М. А.* Церковь, пастырь, молодежь: Страницы из воспоминаний С. Н. Дурылина // *Дурылин С. Н.* Собр. соч. в 3 т. Т. 1. С. 477–484.

К Дурылину в гостеприимный большевский дом приезжали многие. И не только как к ученому энциклопедических знаний, готовому всем помочь, но и за духовной поддержкой. Известно, что часто приезжавшие в Болшево артистки Малого театра А. А. Яблочкина и Е. Д. Турчанинова были глубоко верующие. Их долгие беседы с Сергеем Николаевичем наедине позволяют предположить, что получали они не только профессиональные советы, но и духовную помощь. Екатерина Юрьевна Гениева вспоминает, как ее маленькую привозила бабушка в Болшево и там ее причащал священник Сергей Дурылин.

Ирина Алексеевна, так же как Сергей Николаевич, и при его жизни, и после его смерти оказывала помощь многим людям, и часто не дожидаясь их просьб. Видела их нужду и помогала. К ней на поправку приезжали многие, зная, что примет и вылечит. Когда в 1960 году у епископа Стефана (Никитина) случился инсульт, она пригласила его к себе и выхаживала. Его привезли практически лежащим, а уехал он в середине лета уже на своих ногах. К нему в Дом Дурылина приезжали многие священнослужители для бесед, за советами, духовной помощью. Приехал к владыке и архиепископ Василий (Златолинский), в то время священник. Пробыл несколько дней, получил и помощь, и поддержку. Вспоминает: «Как-то послужили вечерню с освящением хлебов. Он лежал, все действия совершались по его благословию»³. Он заметил, что однажды в доме появился «иподьякон, завербованный „органами“», чтобы следить, – «это было уже про него известно». Даже после смерти Сергея Николаевича не прекращалась слезка за его домом. Видимо, Ирина Алексеевна это знала. Она несколько раз предупредила автора этой статьи: «Будь осторожна в словах. В доме бывают разные люди, и с разными целями приходят».

³ *Пономаренко Д., диак.* Епископ Стефан (Никитин). М., 2010. С. 643.

Дурылин скончался 14 декабря 1954 года у себя дома в Болшеве. Перед смертью Сергей Николаевич сказал Ирине Алексеевне, что похоронить его она может или как мирянина, или как священника – на ее усмотрение. Она похоронила его как мирянина, так как хотела, чтобы сочинения его печатались, чтобы сохранялся авторитет его как ученого. Г. Б. Ефимов вспомнил, что в Киеве, с которым Дурылина связывали крепкие дружеские и творческие нити, его заочно отпели как священника¹. Похоронен он на Даниловском кладбище в Москве на родовом участке № 8.

Когда Ирина Алексеевна начала передавать в Троице-Сергиеву лавру документы, книги, вещи, предметы, имеющие отношение к Дурылину-священнику, то оговорила, чтобы имя его не упоминалось. До недавнего времени под портретом «Тяжелые думы» в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии не было имени Дурылина. Все это осложняет теперь введение в научный оборот многих документов, связанных со священством Дурылина, а может быть, и части его работ на религиозные темы. Документом, косвенно подтверждающим передачу Ириной Алексеевной Комиссаровой части архива в ЦАК, является письмо протоиерея, профессора МДА Остапова Алексея Даниловича (1930–1975), который в 1955–1975 годах был заведующим ЦАКом, основным собирателем коллекции. Ввиду важности письма приведу полный текст.

«Многочтимая Ирина Алексеевна! Сердечно благодарю Вас за внимание и подарок. Я передал Святейшему Патриарху Ваш дар. Он сказал: „Тронут, благодарю. Напиши благодарность“. Что я и делаю. Святейший очень нездоров. Вашу книгу Лихачева записали как Ваш дар в

*С. Н. Дурылин в своем кабинете в Болшеве.
1952 год*

Музей Академии. Спасибо! Все время собираюсь к Вам, но все время не могу выбраться. Простите. Приеду. Храни вас всех Господь! Для Вас вышлю календарь. Привет всем Вашим близким. Ваш прот. А. Остапов. Март [19]70»². Предположительно, Ирина Алексеевна передала в ЦАК одну из двух книг, бывших у Дурылина: Лихачев Н. П. «Описание древних икон собрания П. М. Третьякова». М., 1904 или оттиск статьи Лихачева «Род иконописцев» [1908] с дарственной надписью Дурылину на обложке.³

По завещанию Ирины Алексеевны ее сестра Александра Алексеевна Виноградова продолжала сдавать в Троице-Сергиеву лавру «все, что относится к портрету „Тяжелые думы“», то есть все, что касалось священства Дурылина. Сохранилась ее записка о сдаче в мае и

¹ Ефимов Г. Б. Сергей Николаевич Дурылин. Записки Семинара по истории Церкви памяти свт. Стефана, просветителя Пермского. Вып. 11. М., 2004. С. 42.

² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1718.

³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1032. Л. 1.

августе 1980 года всего, «что как дополнение к портрету». Известно, что сестры сдали богослужебные книги¹, облачение, антиминос, портрет. Об остальном пока сведений не найдено.

Оптина и старец Анатолий остались на всю жизнь в душе С. Н. Дурылина, определили его духовный путь. Он часто вспоминал их, возвращался к ним в думах своих и уже в последний, болшевский период жизни (1936–1954) делал записи о своих поездках в Оптину пустынь.

В одном из писем брату² С. Н. Дурылин как бы подводил итог:

«Как путана и сложна моя жизнь – но и в своеволиях моих, в ошибках, заблуждениях, в выходе из них – я вижу

---

¹ В архиве Дома-музея хранятся составленные Ириной Алексеевной списки книг, бывших у Сергея Николаевича. Среди богослужебных книг значится «„Требник“ в двух частях. На церковно-славянском языке. Подарок С. Н. Дурылину Патриарха Тихона. 1920 г.».

² Письмо брату Георгию Николаевичу Дурылину (1887–1949) из семейного архива С. Г. Дурылина (1922–2013), племянника С. Н. Дурылина. Не опубликовано.

Руку Господню, щадившую меня и изводившую из жестоких обстоятельств и бед». Это ощущение Руки Господней сохранилось у Сергея Николаевича до конца дней.

Произведения

С. Н. Дурылина и о нем:

Дурылин С. Н. В своем углу / Сост. и примеч. В. Н. Тороповой. Вступ. статья Г. Е. Померанцевой. М., 2006.

С. Н. Дурылин и его время. Сб. статей. Кн. 1 / Сост. А. И. Резниченко. М., 2010.

Дурылин С. Н. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., предисл., подготовка текстов, коммент. А. Б. Галкина. Изд-во журнала «Москва», 2014.

Дурылин С. Н. Рассказы, повести и хроники / Сост., вступ. статья и коммент. А. И. Резниченко и Т. Н. Резвых. СПб., 2014.

Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост., вступ. статья и коммент. А. И. Резниченко и Т. Н. Резвых. СПб., 2014.

Торопова В. Н. Сергей Дурылин: Самостояние. М., 2014. (Жизнь замечательных людей. Малая серия).

М. А. Можарова

Они служили Отечеству К истории некрополя Оптиной пустыни

Возродившаяся Оптина постепенно обретает прежний облик. Восстановлены монастырские стены и храмы, вновь звучит в них молитва, вновь по всей округе разносится колокольный звон. Как израненное дерево, надолго лишенное живительной влаги и наконец обретшее ее, Оптина восстает в прежнем своем тихом и спокойном величии. Охваченные безумными идеями люди, желавшие уничтожить даже память об обители, сбивали кресты, рушили стены – лишали вековое дерево кроны и ветвей. С особым ожесточением обрубали корни – ровняли с землей Оптинский некрополь, в слепой самонадеянности полагая, что одолели, победили, навечно предали забвению тех, кто несколько веков молился в этом святом месте и нашел здесь упокоение. Но молитва за Оптину одолела злую людскую волю. Как слабый зеленый росток, до времени таясь и набирая силы, прорастает сквозь грубый асфальт, так духовная сила святыни, скрывавшейся под спудом, победила корявый нарост безверия, ожесточения и беспамятства.

Под Покровом Пресвятой Богородицы Введенская Оптина пустынь находилась даже в самые тяжелые времена. Господь промыслительно приводил в нее людей, трудами которых обитель смогла впоследствии возродиться. В числе самоотверженных подвижников, служивших Оптиной в послереволюционные годы, были Надежда Григорьевна Чулкова (1874–1961), супруга известного литератора Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939), и монахиня Мария (До-

бромыслова; 1900–1986)¹. Видя, как разрушается Оптина, Н. Г. Чулкова проделала большую и кропотливую работу – составила описание некрополя монастыря, начертив планы захоронений и указав все сохранившиеся надгробные надписи. С этого подробного и точного описания Оптинского некрополя монахиня Мария (Добромыслова) сделала несколько копий. Одна из них – тетрадь небольшого формата, исписанная каллиграфическим почерком монахини Марии, – хранится в музее монастыря. Благодаря прежде всего этому бесценному документу Оптинский некрополь постепенно начал обретать свой прежний вид.

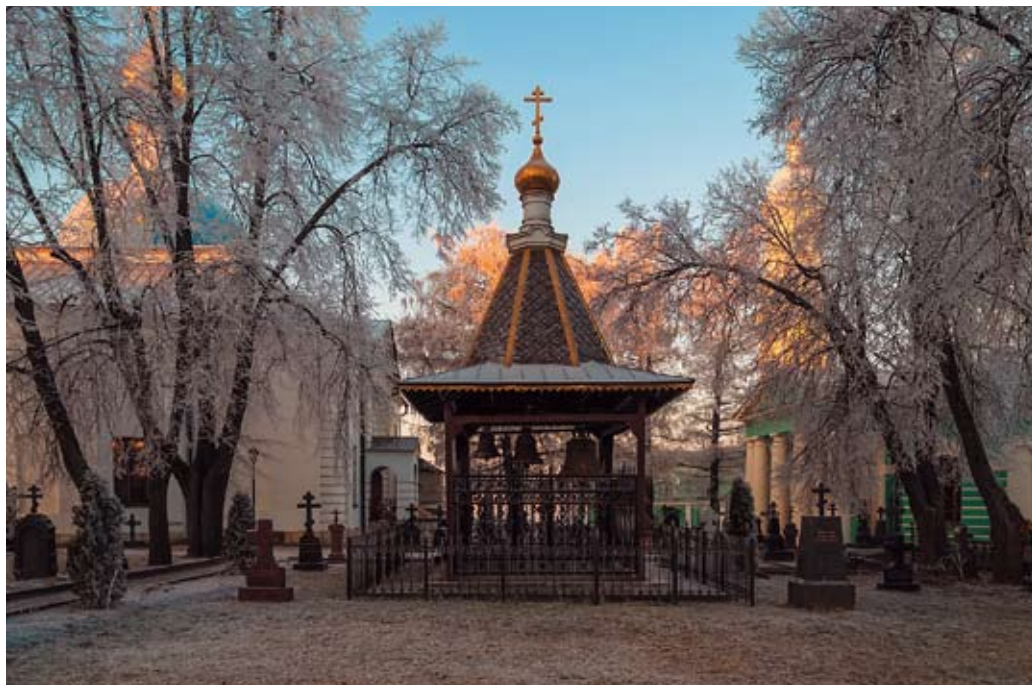
Помогают в восстановлении некрополя и составленные в Оптиной в XIX и начале XX века списки упокоившихся на монастырском и скитском кладбищах.

Имена, даты, судьбы... Сколь различные жизненные пути людей, сподобившихся быть похороненными в Оптиной пустыни. Что их объединяет? Так ли уж случайно собрание имен, явленное нам на восстановленных надгробиях Оптинского некрополя?

В 1815 году в Оптиной был похоронен князь Владимир Михайлович Яшвиль, генерал-майор артиллерии, участник войны 1812 года.² В «Памятной записке о

¹ См. Оптинский альманах. Вып. 1. [Козельск], 2007. С. 4–12.

² Некрополь при церкви свт. Николая Чудотворца в с. Варнаvine Перемышльского у. Калужской губ. ошибочно указан как место захоронения В. М. Яшвиля в некоторых изданиях: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 824; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–

Звонница и некрополь Оптиной пустыни. Современный вид

скончавшихся и погребенных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските Св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной» сохранилось описание могилы генерала. Он нашел упокоение возле паперти Введенского собора с южной стороны. Мраморное надгробие было обнесено железной решеткой с позолотой. В 1835 году во Введенском соборе был устроен придел во имя святителя Николая Чудотворца, освященный в 1837 году, вследствие чего место погребения В. М. Яшвиля вошло в алтарную часть придела, а надгробный памятник был оставлен снаружи, возле алтарной стены¹.

На лицевой стороне памятника были начертаны слова: «Здесь покоится прах в Бозе почившего артиллерии генерал-майора и кавалера Владимира Михайловича Яшвиля, родившегося в 1764 году июля 15 дня, скончавшегося 1815 года

июня 27 дня, жил 50 лет, 11-ть месяцев и 12 дней». На надгробии есть также эпитафия: «Господи, прими дух мой с миром», почти дословно повторяющая предсмертную молитву первомученика архидиакона Стефана: «Господи Иисусе! прими дух мой» (Деян. 7, 59). На другой стороне надгробия помещено четверостишие:

*«Он счастьем в мире сем
душевным наслаждался,
Семейству верным другом был,
Спокойный совестью
с сей жизньию расстался
И в мир бессмертия
с надеждой воспарил»².*

Сведения о надписях, сделанных на надгробии В. М. Яшвиля, сохранились в «Списке лиц, погребенных в Козельской Введенской Оптиной пустыни, Калужской епархии, с точным обозначением

1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. М., 2012. Т. 3. С. 754 и др.

¹ Памятная записка о скончавшихся и погребенных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските Св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной. (С 1768 по 1890 г.). ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 350. Л. 8 об.

² Дело (№ 450) о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с указанием надгробных надписей. ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 12 об.–13, 55.

надгробных надписей». Список этот был составлен в 1909 году по указу императора и вследствие указа Святейшего Правительствующего Синода. 27 января 1909 года из Калужской духовной консистории в Оптину пустынь было направлено письмо, в котором настоятельно предписывалось издать распоряжение по вверенным ему церквам «о составлении списков лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий, и представить эти списки в консисторию на предмет доставления их Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Михайловичу»¹.

В октябре того же года к настоятелю монастыря обратился секретарь и управляющий делами великого князя Николая Михайловича с письмом (№ 743 от 25 октября 1909 года), в котором говорилось, что «при исторических занятиях Его Императорского Высочества встретилась необходимость иметь сведения о генерал-майоре Владимире Михайловиче Яшвиле, умершем в 1815 году и погребенном в Оптиной Пустыни». Далее следовала просьба: «Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Высокопреподобие доставить, возможно скорее, точные копии с надписей на его памятнике, буде таковые имеются, равно также и надписи с памятников других лиц фамилии Яшвиль, если таковые тоже погребены в Оптиной»².

Интерес представителя царской семьи к В. М. Яшвилю и его родственникам не был случайным. Сведения о Владимире Михайловиче были необходимы великому князю не только для его исторического труда об эпохе Александра I, они интересовали его прежде всего потому, что имя генерала Яшвиля в памяти

современников прочно было связано с историей заговора против Павла I и трагической кончиной императора.

Владимир Михайлович Яшвиль принадлежал к роду грузинских князей. Вместе с младшим братом Львом был вывезен из Грузии, получил образование в Санкт-Петербургском Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе. На военной службе состоял с 1776 года. Первоначально карьера его складывалась удачно: в 1797 году он был произведен в майоры, в 1798 году – в полковники, 13 ноября 1800 года – в генерал-майоры с назначением флота цейхмейстером. В 1801 году (что очень важно для расследования истории убийства Павла I) В. М. Яшвиль числился генерал-майором 5-го артиллерийского полка. В октябре того же года на основании собственного прошения он был отставлен от службы.

Дальнейшая судьба князя сложилась драматично. В декабре 1802 года было заведено секретное дело «О генерал-майоре князе Яшвиле», причина появления которого, к сожалению, остается неизвестной, так как вместе с другими документами, попавшими в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, это дело было утрачено еще до 1846 года. За секретным разбирательством последовала ссылка князя. 23 марта 1803 года Владимир Михайлович был по указу императора Александра I отдан под надзор полиции с запрещением выезжать в столицы и жил с семьей в сельце Еремеевское (Муромцево тож) Перемышльского уезда Калужской губернии.

Под полицейским надзором отставной генерал-майор Яшвиль находился и в сентябре 1812 года, когда по прошению его жены Варвары Александровны ему позволено было уехать в Пензу к семье, спасавшейся там от войны. Однако этой возможностью Яшвиль не воспользовался. С позволения М. И. Кутузова Владимир Михайлович 17 сентября 1812 года вступил в Калужское ополчение.

¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

Он командовал отрядом, прикрывавшим Брянск, затем успешно руководил осадой Ельни. Известно, что при этом было уничтожено множество солдат неприятеля и что сам Яшвиль, участвуя в военных операциях, не раз рисковал собственной жизнью, «кидаясь во все опасности».

Возвращение к службе, однако, было недолгим. Император Александр I сделал Кутузову выговор за превышение полномочий при назначении Яшвиля. В письме к полководцу 3 октября император писал: «С крайним удивлением увидел я из одного из рапортов ваших, что вы употребили на службу находящегося в ссылке известного Яшвиля, невзирая даже на донесение, которым губернатор известил вас, что он под присмотром. Вы сами себе приписали право, которое я один имею, что поставляю вам на замечание, предписываю немедленно послать Яшвиля сменить и отправить его в Симбирск под строгий надзор к губернатору». Кутузов ответил 31 октября кратким рапортом:

«Вашему Императорскому Величеству имею счастье донести, что отставной генерал-майор Яшвиль в деревню свою возвратился»¹. Только в июле 1813 года, вследствие ходатайства жены, В. М. Яшвиль получил дозволение вернуться из Симбирска в Калужскую губернию.

Последние два года жизни Владимира Михайловича прошли в Муромцеве, где он и скончался от неизвестной болезни на 51-м году от рождения. Великий князь Николай Михайлович, ссылаясь на воспоминания потомков В. М. Яшвиля, описал последний период его жизни так: «Жизнь князя Яшвиля в имени своем Муромцеве была скорее сумрачная и полная тревог, потому что его мучила мысль о возможном аресте или высылке в места отдаленные, а всякий колокольчик заставлял вздрагивать, что не фельдъегерь ли это из Петербурга. По свидетельству одного из его потомков, знавшего лично старушку, бывшую приживалку князя В. М. Яшвиля, он страдал манией преследования, как последствие тяжелой обстановки в юношеские годы»².

Скупые сведения о жизни князя В. М. Яшвиля не позволяют выяснить все обстоятельства его непростой судьбы. Посмертная же слава Владимира Михайловича оказалась не менее драматичной. Преданный Отечеству гражданин, не раз отмеченный наградами за военные заслуги, в том числе орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 3-й степени, долгие годы традиционно считался одним из убийц императора Павла I. Упоминания об этом можно найти во множестве изданий, к числу которых относится и «Русский биографический словарь», изданный в Санкт-Петербурге в 1913 году. Не опроверг эту версию и великий князь Николай Михайлович, несколько раз

*Некрополь Оптиной пустыни.
Памятник на могиле В. М. Яшвиля.
Современный вид*

¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 122.

² Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 18.

упомянувший имя В. М. Яшвиля в связи с историей заговора против императора Павла I в труде «Император Александр I. Опыт исторического исследования»¹.

По мнению современного исследователя В. А. Бессонова, сложившееся в отечественной историографии устойчивое мнение об участии В. М. Яшвиля в заговоре против императора связано с ошибкой известного историка А. Б. Лобанова-Ростовского, подготовившего в 1877 году к изданию мемуары А. фон Коцебу (опубликованы в 1900 году). В примечаниях к этому труду были даны краткие биографические сведения о лицах, причастных к событиям 11 марта 1801 года. При этом историк приписал генерал-майору Владимиру Михайловичу Яшвилю чин и место службы его брата Льва Михайловича, состоявшего к 11 марта 1801 года в чине полковника 8-го артиллерийского полка. Эта трагическая путаница, произошедшая, по словам В. А. Бессонова, оттого, что А. Б. Лобанов-Ростовский не имел возможности тщательно проанализировать источники, привела к многократным повторениям той же ошибки другими историографами и писателями².

Изучив опубликованные материалы и мемуарные свидетельства о братьях Яшвилях, а также выявив архивные документы в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Калужской области, В. А. Бессонов пришел к выводу, что «доказать участие Владимира Михайловича в событиях 11 марта

1801 г. сложно»³. Опираясь на архивные документы и на слова некоторых мемуаристов, опровергающих общепринятую версию, например на свидетельство деятельного участника тех трагических событий Л. Л. Бенигсена, писавшего, что в спальню императора вошли офицеры, среди которых был «подполковник Яшвиль, брат артиллерийского генерала Яшвиля»⁴, В. А. Бессонов высказал предположение, что «в действительности в заговоре против Павла I непосредственное участие принимал не Владимир, а Лев Михайлович Яшвиль»⁵. Так стремление современного исследователя выяснить историческую правду дало возможность восстановить доброе имя героя Отечественной войны 1812 года, которому, подобно первомученику Стефану, суждено было при жизни испытать клевету и гонения и который «спокойный совестью с сей жизнью расстался», сподобившись быть упокоенным под сводами храма в святой обители.

Другой герой Отечественной войны 1812 года – генерал от инфантерии Николай Иванович Гартунг, имя которого занесено в памятный список воинов русской армии в Храме Христа Спасителя, воздвигнутом в честь победы над Наполеоном, был погребен в Оптиной в 1859 году. Н. И. Гартунг родился в 1782 году в семье генерал-майора, владевшего именьями в Орловской и Тульской губерниях. Прекрасное воспитание и образование Николай Иванович получил в семье и во 2-м кадетском корпусе, по окончании которого в 1802 году был направлен в 11-й гренадерский Фанагорийский полк, впоследствии получивший имя генералиссимуса князя А. В. Суворова. В 1805 году двадцатитрехлетний Гартунг отличился в бою под Аустерлицем, был ранен и награжден орденом Св. Анны 3-й степени, затем участвовал в походах в Молдавию

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 13, 16–18.

² Бессонов В. А. Генерал-майор Владимир Михайлович Яшвиль. (К вопросу об участии в заговоре против Павла I.) // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы III научной конференции. М., 2000. С. 32–33.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 39.

Николай Иванович Гартунг

и Валахию, в 1806 и 1807 годах воевал с турками. В Отечественную войну 1812 года Гартунг отличился в Бородинском сражении, получил второе ранение и был награжден за храбрость орденом Св. Анны 2-й степени. В 1813 и 1814 годах Николай Иванович участвовал в заграничном походе русской армии, за отличия в битве под Лейпцигом был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, участвовал в штурме Парижа.

В 1816 году Гартунг был назначен командиром Московского гренадерского полка, через год произведен в полковники. Служебная карьера его складывалась удачно. Он был энергичен, хорошо знал службу, умел руководить людьми – эти качества в нем ценили. В конце 1826 года Гартунг был произведен в генерал-майоры. Военный министр А. И. Чернышев характеризовал его как «самого отличного и имеющего все достоинства генерала»¹. В августе 1828 года Гартунга наградили орденом Св. Владимира 3-й степени, в следующем году за труды и усердие при формировании резервов для

действующей армии он был отмечен орденом Св. Анны 1-й степени. В 1835 году Гартунг был произведен в генерал-лейтенанты. Продолжая отдавать все силы службе, Николай Иванович чувствовал, что болезни и раны дают о себе знать, и попросил об отставке. Генерал от кавалерии граф И. О. Витт, препроводя рапорт Гартунга военному министру, писал, что «с увольнением г. Гартунга служба потеряет в нем отличного генерала»². Николаю Ивановичу был предоставлен отпуск на полгода с сохранением содержания, после чего он вернулся к службе. В 1837 году Гартунг вступил в командование 16-й пехотной дивизией, а через шесть лет принял 1-ю гренадерскую дивизию.

В 1847 году 65-летний генерал был назначен командиром Отдельного корпуса внутренней стражи и одновременно инспектором резервной пехоты. Начался последний период его военной деятельности. Корпусом Гартунг руководил десять лет. К этому новому для него поприщу Николай Иванович отнесся со свойственной ему энергией, профессионализмом и строгостью. Интриг и лести он не терпел. Проведя инспектирование вверенного ему войска, он составил представление обо всех сторонах жизни офицеров и солдат. Важнейшей для себя заботой Гартунг сделал попечение о религиозно-нравственном воспитании подчиненных. При нем в некоторых батальонах Отдельного корпуса внутренней стражи появились штатные священники, которым генерал распорядился выплачивать «следуемые им жалованье, квартирные, прогонные и порционные деньги»³.

Гартунг был непримирим и строг, когда сталкивался со случаями безнравственного поведения или издевательства над солдатами. Несколько офицеров были отданы им под суд за нарушения за-

¹ Цит. по: Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия: Из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М., 2000. С. 197.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 201.

Пожар Москвы 15 сентября 1812 года. Акватинта, акварель

конов и порядка службы. Так, например, штабс-капитан Ярославского батальона Устинов был лишен чинов, орденов и назначен рядовым в действующую армию за растрату казенных денег и учиненные побои солдатам. Предан военному суду был и капитан Могилевского батальона Петровский за вмешательство в дела местных жителей, побои и самодурство.

На период руководства Гартунга корпусом пришлось много трагических событий: холера, Крымская война, крестьянские восстания. Во время военных действий вверенные Гартунгу войска проявляли храбрость и героизм. Так, в отражении попытки неприятельских сил захватить Соловецкий монастырь особенно проявили себя 1-й Архангелогородский батальон и Кольская инвалидная команда, за что по представлению Гартунга отличившиеся офицеры и нижние чины были удостоены наград. Когда Николаю Ивановичу приходилось выделять команды для усмирения крестьян, он всегда требовал от своих подчиненных разумных и осторожных

действий, офицеры должны были с кротостью убеждать и вразумлять неповиновавшихся крестьян возвратиться к законному долгу. В обязанности внутренней стражи входило также сопровождение рекрутов с мест набора в пункты назначения. Офицеров, не допуская потерь и происшествий во время этих трудных экспедиций, Гартунг также неизменно отмечал в приказах.

Не все из задуманного удалось осуществить Гартунгу. Не смог он, например, изменить негодный принцип комплектования корпуса, когда в него из армии направлялись прощтрафившиеся или физически ослабленные солдаты. Но огромную организаторскую работу генералу удалось проделать, и он оставил добрую память о себе. Жизнь корпуса при нем оздоровилась. Если помнить, что корпус составляли 100 тысяч воинских чинов, то тяготы службы Гартунга легко представимы. В 1851 году за достигнутые успехи в руководстве корпусом он был произведен в генералы от инфантерии и получил награду –

*Некрополь Оптиной пустыни.
Памятник на могиле Н. И. Гартунга.
Современный вид*

орден Белого Орла. В 1852 году в связи с 50-летием производства в первый офицерский чин Гартунг был награжден орденом Св. Александра Невского с алмазами. В 1856 году ему был пожалован орден Св. равноапостольного князя Владимира 1-й степени. Оглядывая сделанное за десятилетие руководства корпусом, Николай Иванович писал: «Цель стремления моего к направлению сего корпуса к существенным пользам службы, могу сказать с чистою совестью, по возможности достигнута»¹.

Годы нелегкой службы отнимали слабеющие силы. В 1857 году генерал Гартунг написал адресованное военному министру прошение об отставке, надеясь, что оно будет прочитано государем Александром II: «Полувековое непрерывное служение с неограниченной преданностью Престолу и Отечеству, запечатленное кровью моею в Отечественную войну 1812 года, расстроило здоровье мое, в

особенности в течение последнего десятилетия командования Отдельным корпусом внутренней стражи»². Результатом этого прошения было то, что государь согласился на отставку и при этом, приняв во внимание военные заслуги Гартунга, предписал: «Генерала сего, вместо увольнения со службы по положению, зачислить состоять по армейской пехоте»³. Это почетное состояние означало, что Гартунгу полагалась пожизненная выплата соответствующего содержания.

Последние два года жизни Николай Иванович Гартунг провел в своем имении Федяшево в Тульской губернии. Скончался генерал в Петербурге. В Летописи скита Оптиной пустыни отмечено, что за два года до кончины Гартунг побывал в обители. Впечатление, оставленное этой поездкой, вероятно, было очень сильным. Умирая, он попросил семейство свое похоронить его в Оптиной. Желание генерала было исполнено. 27 ноября 1859 года, в день Знамени Пресвятой Богородицы, сын покойного Леонид, ротмистр Лейб-гвардии Конного полка, привез тело отца в Оптину⁴. Похоронили генерала возле Казанского собора. На большом памятнике из серого мрамора была сделана надпись: «Генерал от инфантерии Николай Иванович Гартунг, скончался 20 ноября 1859 года, 76 лет. Отцу сын Леонид»⁵.

Воин, служивший Отечеству долгие годы и имевший столь замечательную боевую биографию, не оставил, к сожалению, записок или воспоминаний. Основным источником для изучения его био-

² Цит. по: *Он же*. Внутренние войска: История в лицах. М., 2004. С. 52.

³ Там же. С. 53.

⁴ Летопись скита Оптиной Пустыни за 1852–1860 гг. ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 463–463 об.

⁵ Дело (№ 450) о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с указанием надгробных надписей. ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 17 об., 83 об.

¹ Цит. по: *Штутман С. М.* На страже тишины и спокойствия. С. 211.

графии остаются хранящиеся в архивах отчеты, доклады и приказы. Но имя его сына прочно закрепилось в исторической памяти русского общества. Связано это с нашумевшей историей самоубийства Леонида Николаевича Гартунга, о котором писали все русские газеты и которому Ф. М. Достоевский посвятил главу в своем «Дневнике писателя» за 1877 год.

Л. Н. Гартунг, выбравший, как и его отец, военную карьеру, был выпускником Пажеского корпуса. Служебная карьера его складывалась успешно. В 1870 году он в звании генерал-майора являлся членом совета главного управления коннозаводства, занимаясь поставкой лошадей в армию. С 1875 года Л. Н. Гартунг заведовал Московским отделением государственного коннозаводства. В 1860 году Леонид Николаевич женился на дочери А. С. Пушкина Марии Александровне. Супруги жили в Туле и в Москве. У них был обширный круг знакомых, в число которых входила семья и Л. Н. Толстого. Встреча писателя с дочерью Пушкина произошла в конце 1860-х годов в доме генерала А. А. Тулубьева в Туле. Рассказ об этом событии, имевшем важные последствия для русской литературы, сохранился в мемуарах свояченицы Толстого Татьяны Андреевны Кузминской. «У Тулубьевых мы застали довольно большое общество, – вспоминала она. – Лев Николаевич знал многих <...>. Мы сидели за изящно убранном столом. Светский улей уже зажужжал; <...> когда дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее.

– Кто это? – спросил он, подходя ко мне.

– М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

– Да-а, – протянул он, – теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у нее араб-

ские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»¹.

Мария Александровна вспоминала о своем муже как о человеке безупречной честности, имевшем при этом добрейшее сердце. Чрезмерная доверчивость и неосторожность Л. Н. Гартунга привели к тому, что он стал жертвой бесчестных и коварных людей, втянувших его в судебный процесс. Согласившись взять на себя обязанности душеприказчика некоего процентщика Занфтлебена, Леонид Николаевич и не подозревал, что родственники покойного обвинят его в краже вексельной книги, долговых расписок и других бумаг. Несмотря на недоказанность вины, присяжные вынесли в отношении генерала Л. Н. Гартунга, кавалера пяти орденов, обвинительный вердикт: «виновен и похитил». Дело слушалось в Московском окружном суде. Во время перерыва, через четверть часа после оглашения обвинительного приговора присяжных, выйдя в другую комнату и не дожидаясь объявления судебного приговора, Л. Н. Гартунг «умертил себя принесенным с собой и заряженным заранее револьвером, ударом в сердце». При нем нашли заранее приготовленную записку, в которой он клялся «*всемогущим Богом*», что ничего «не похитил и врагов своих прощает»². Произошло это 13 октября 1877 года. Леониду Николаевичу было 45 лет.

Резонанс этого события был огромен. Сослуживец Л. Н. Гартунга князь Д. Д. Оболенский свидетельствовал: «Вся Москва была возмущена исходом гартунговского дела. Московская знать на руках

¹ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 481–482.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. С. 45.

переносила тело Гартунга в церковь, твердо убежденная в его невиновности. Да и высшее правительство не верило в его виновность, не отрешая его от должности, которую он занимал и будучи под судом. Владелец дома, где жил прокурор, который благодаря страстной речи считался главным виновником гибели Гартунга, Н. П. Шипов приказал ему немедленно выехать из своего дома на Лубянке, не желая иметь, как он выразился, у себя убийц. Последствия оправдали всеобщую уверенность в невиновности Гартунга. Один из родственников Занфтлебена был вскоре объявлен несостоятельным должником, да еще злостным, и он-то оказался виновником гибели невинного Гартунга»¹.

Детали этой трагедии через много лет, в 1900 году, были воспроизведены Л. Н. Толстым в драме «Живой труп» (опубликована в 1911 году). Как и Л. Н. Гартунг, Федор Васильевич Протасов отказывается от последнего слова в суде, не делая никакой попытки защитить себя. Как и Гартунг, герой Толстого, не дожидаясь оглашения несправедливого приговора, «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце» в помещении окружного суда.

В 1859 году, когда скончался и был похоронен в Оптиной генерал Н. И. Гартунг, в Оптину прибыл на жительство еще один участник Отечественной войны 1812 года и тоже генерал – Андрей Андреевич Петровский. Архимандрит Леонид (Кавелин), назвав его «одним из досточтимых ветеранов русской армии»², представил в его жизнеописании два этапа жизни воина и монаха, отличившегося и в сражениях с видимыми врагами, и в сражениях на поле духовной брани: «Проведши большую часть своей жизни в усердном служении царю земному, Андрей Андреевич пожелал остаток

дней своих посвятить на служение Царю Небесному»³.

А. А. Петровский родился в 1786 году от благочестивых родителей, дворян Харьковской губернии. Служить Отечеству он начал с 18 лет, в 1804 году; принял участие в кампаниях 1805, 1806, 1807 годов в Галиции и в Пруссии. В 1812, 1813, 1814 годах сражался с неприятелем в России, Германии и во Франции, вступил с русской армией в Париж. В 1831 году участвовал в польской кампании. В сражениях А. А. Петровский отличался неизменной храбростью и был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом (1812), Св. Анны 2-й ст. (1813), Св. Георгия 4-й ст. (1814), Св. Владимира 3-й ст. (1831), Св. Анны 2-й ст. с короной (1831) и другими наградами, в том числе прусским орденом Pour le Mérite (1813) и польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 3-й ст. (1831). Удивительно, но за все время участия в военных действиях Андрей Андреевич ни разу не был ни ранен, ни контужен. Рассказывая об этом, он приписывал это особенной помощи Божией и говорил, что в опасные минуты своей жизни он всегда призывал имя Божие и читал 90-й псалом святого царя Давида.

Начав службу юнкером, А. А. Петровский закончил ее генерал-майором (произведен в 1834 году). Последним местом его службы был Новгородский Аракчеевский кадетский корпус, в котором он с 1837 года исполнял должность директора. Проявивший во время военных действий мужество и отвагу генерал и на новом поприще, по отзывам знавших его, отличался прямоотой, благородством характера, тактом и сдержанностью. Вся служба его была безукоризненная, он не допускал беспорядков и неисправностей. Период директорства А. А. Петровского в корпусе оставил по себе добрую память: «Старый кавалерист, участвовавший в

¹ Цит. по: *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982. С. 25.

² *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е. М., 1876. С. 240.

³ Там же. С. 241.

85 сражениях, это был в полном смысле добряк, никогда не готовившийся стать во главе воспитательного заведения», однако «кадеты любили Петровского за его доброту, ласковость и заботливость о их содержании»¹.

В 1840 году А. А. Петровский по слабости здоровья был уволен от службы «с мундиром и пенсионом полного жалования». Выйдя в отставку, он поселился в своем небольшом имении близ Задонска, проводя жизнь в кругу семьи. После вступления в супружество обеих его дочерей Андрей Андреевич завещал имение им, а сам переселился на жительство в Оптину пустынь. Выбор монастыря не был случайным. Вопрос: какую избрать обитель? – долго занимал Андрея Андреевича, и, как рассказывается в жизнеописании Петровского, составленном, предположительно, иеромонахом Климентом (Зедергольмом), вопрос этот был решен для него сновидением: «Ему представилось во сне, будто пришел к нему его родной племянник, Александр Антонович Петровский, и сказал: „Что вы затрудняетесь в выборе святой обители, в которой могли бы провести остаток дней ваших? На что вам лучше Оптиной пустыни? Поезжайте туда“»². Это сновидение Андрей Андреевич принял за указание свыше.

В Оптиной генерал Петровский прожил 9 лет. В монастырской Летописи о нем говорится: «В монастыре жил весьма благоговейно и скромно, занимаясь по благословению старца отца Макария переписыванием книги „Ставрофилия“ в русском переводе, коей написал много экземпляров для родных и знакомых и для монастырской библиотеки. Зани-

мался также лечением, приходивших к нему за медицинским советом принимал радушно и многим помогал. Пользовался в обители любовью и уважением за простодушие и доброту, которые составляли отличительные черты его характера»³.

Лаконичные строки Летописи передают подвижнический образ жизни Андрея Андреевича в монастыре. Скромность, с которой держал себя генерал, не всегда отличала людей, достигших подобного положения в свете. Об этом размышлял автор жизнеописания А. А. Петровского: «Кто внимательно следил за слабыми сторонами греховной природы человеческой, тот, без сомнения, замечал, что в человеке, которому выпал жребий занимать высокое положение в свете, легко могут проявляться и сознание этого положения, и ожидание себе почета от людей низшего ранга как должной себе дани»⁴. Ничего подобного не замечалось в Андрее Андреевиче: «генеральский чин не надмевал его нимало, титулом Превосходительства, за немногими исключениями, никто не величал его, да он и не желал этого; в обители иначе не называли его, как Андреем Андреевичем. <...> Скромность его и смирение до того простиралось, что во всю девятилетнюю бытность его в святой обители никто не видал на нем ни одного ордена, которыми награжден он был венценосцами русскими за неукоризненную и примерно отличную службу его во дни мира и войны, ни шитого золотом генеральского мундира. Простой, незатейливый костюм особого покроя, приноровленный к старческому возрасту и хилому здоровью, – вот все, чем можно было отличить его от одежды послушника монастырского»⁵.

¹ Карцов П. П. Новгородский кадетский корпус: его открытие и первые годы // Русская старина. 1884. Т. 41. С. 542.

² Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь. 2012. С. 133–134.

³ Летопись Оптиной Пустыни за 1865–1871 годы. ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 363. Л. 24 об.

⁴ Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. С. 134.

⁵ Там же. С. 134–135.

*Некрополь Оптиной пустыни.
Памятник на могиле А. А. Петровского.
Современный вид*

Продолжительными монастырскими службами Андрей Андреевич не тяготился, но, напротив, находил в них отраду и утешение. Вне церкви никто не видал его праздным. Любимыми занятиями его были благоговейное и внимательное чтение слова Божия и душеспасительных книг, молитва, богомыслие и переписывание изречений богомудрых отцов. Еще при вступлении в обитель Андрей Андреевич обратился к старцу иеросхимонаху Макарию, которого очень любил и уважал, за советом, какое избрать для себя занятие в свободные часы. Старец благословил Андрею Андреевичу сначала прочесть, а потом переписывать книгу «Царский путь Креста Господня, вводящий в Жизнь Вечную», которую старец называл «Ставрофилия». Об отношении Петровского к этой книге в его жизнеописании говорится: «Прочитавши ее, Андрей Андреевич сказал, что в жизни своей он никогда не читывал книги, которая бы так соответ-

ствовала его душевному настроению», и «с великим усердием принялся переписывать ее»¹.

Прожив немалое время в монастыре, Андрей Андреевич, испытывая себя, не торопился принять постриг. Лишь за три недели до кончины, последовавшей 23 января 1867 года, он пожелал принять монашество. О последних днях жизни А. А. Петровского монастырская летопись повествует следующее: «Особенной болезни не было заметно, а постоянно ослабевал; в последние же три недели чувствовал крайнее истощение сил. 22 января начались предсмертные страдания; вдруг он попросил, чтоб отслужили молебен Св. Николаю Чудотворцу, и когда это было совершено в его келье, страдания прекратились; последние часы своей жизни провел спокойно и так тихо отошел, что и бывшие здесь в келье едва могли заметить последние его дыхания»². Похоронили монаха Андрея против Крестовоздвиженского придела Казанской церкви. Надписи были сделаны на всех четырех сторонах надгробного памятника, увенчанного чугунным крестом: на 1-й стороне – «Здесь погребено тело генерал-майора Андрея Андреевича Петровского, который провел 9 лет в этой обители и при конце своей жизни принял монашество. Скончался 23 января 1867 года на 81 году от роду»; на 2-й стороне – стихотворная эпитафия: «Он верный был слуга царей, друг страждущих, отец детей, ко всем любовь всегда питал и милость тем у Господа стяжал»; на 3-й стороне – «36 лет он служил верно Отечеству, при двух царях отличился в сражениях: в 1812 году при селе Бородине, в 1813 году при городе Лейпциге, в 1814 году при взятии Парижа и в 1831 году в Польскую кампанию»; на 4-й стороне – «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою

¹ [Леонид (Кавелин), архим.]. Указ. соч. С. 241.

² Летопись Оптиной Пустыни за 1865–1871 годы. ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 363. Л. 24 об.

вы (Матф. XI, 28)»¹. По духовному завещанию генерала Андрея Андреевича Петровского на нужды монастыря им было оставлено шесть тысяч рублей серебром.² Запись в монастырской Летописи об усопшем монахе Андрее заканчивается словами: «Оказал благотворение обители и живущим в ней. Вечная ему память»³.

«Памятная записка о скончавшихся и погребенных в Богохранимой Обители Козельской Введенской Оптиной Пустыни и в Ските Св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной» составлялась в монастыре с 1845 по 1894 год. В нее вошли сведения о похороненных с 1768 по 1890 год включительно. На титульном листе сделано пояснение: «Ни время, ни причины основания Оптиной пустыни письменно не известны. Первые сведения о существовании сей обители в 1629 году хотя и имеются в Козельских писцовых книгах, но о скончавшихся и погребенных в оной до 1768 года из архивных бумаг также не видно. По сему случаю Памятная записка начинается с 1768 года»⁴. Составленный в 1909 году «Список лиц, погребенных в Козельской Введенской

ОР РГБ. Ф. 214. Опт-350. Л. 1.

Оптиной Пустыни, Калужской епархии, с точным обозначением надгробных надписей»⁵ и сохранившиеся черновые записи к нему дополняют «Памятную записку...». После долгих лет забвения в возрожденной Оптиной вновь поминаются все погребенные на ее некрополе, в том числе отважно служившие Отечеству воины, известные и неизвестные, и возносится молитва об упокоении со святыми их душ, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

¹ Дело (№ 450) о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, с указанием надгробных надписей. ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 18 об.–19, 85 об.

² Дело о духовном завещании Андрея Андреевича Петровского в пользу Оптиной пустыни. ГАКО. Ф. 903. Оп. 2. Ед. хр. 19.

³ Летопись Оптиной Пустыни за 1865–1871 годы. ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 363. Л. 24 об.

⁴ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 350. Л. 1–1 об.

⁵ ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6.

Иеромонах Платон (Рожков)

История Оптиной пустыни от возникновения до конца XVIII века

Из-за отсутствия систематизированных справочных сведений о дореволюционной истории Оптиной пустыни в издательстве нашего монастыря проводится работа по составлению биографического справочника «Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков», в процессе которой, кроме множества малоизученных материалов, десятки архивных дел были исследованы впервые. Обобщая полуценные сведения, а также используя известные исторические описания архимандрита Леонида (Кавелина), монаха Еразма (Вытронского) и некоторых других авторов, в качестве вступления для справочника мы подготовили очерк об истории обители, часть которого – описание назального периода существования Оптиной пустыни от возникновения до конца XVIII века – предлагаем нашим читателям.

Главная цель в изучении истории для верующего человека состоит в постижении духовного смысла событий, их нравственного и назидательного значения. *Помянух дни древния, поугихся во всех делех Твоих* (Пс. 142, 5). Хозяйственные, административные и организационные аспекты, любая внешняя деятельность, взаимоотношения обители с церковной властью и миром важны для христианина лишь в той мере, в какой они влияют на внутренний мир человека. Оптина пустынь пережила блестящий период расцвета, век старчества, однако были в ее истории сложные и неоднозначные события, которые также требуют рассмотрения и внимания всех ищущих настоящего духовного опыта. Знание истинного, неприукрашенного положения вещей имеет преимущественное значение для понимания внутреннего христианства, монашества и аскетики – «науки из наук».

Авторитетный церковный историк И. К. Смолич в качестве девиза своих исследований использовал слова выдающегося философа Цицерона: «Первый закон истории – ни под каким видом не

допускать лжи; затем – ни в коем случае не бояться правды; не допустить ни тени пристрастия, ни тени злобы»¹. Знаменитый настоятель Николо-Угрешского монастыря Московской епархии архимандрит Пимен (Мясников; † 1880)², который подвергался критике за отказ от ретуширования своих воспоминаний, писал: «Кто истинно внимает себе, тот везде извлекает для себя душевную пользу, и плохое знание окажется для него гораздо душеспасительней, чем другому и самое мудрое и самое назидательное»³.

Следует заметить, что в либеральной среде встречается довольно много критиков монашеской нравственности, и при этом судьями, с пристрастием изучающими плачевные подробности несовершенства отдельных монахов, зачастую становятся те, кто понятия не имеет о внутреннем содержании предмета своего исследования.

¹ Смолич И. К. Русское монашество 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999. С. 15.

² Прп. Пимен Угрешский. Память 17/30 августа.

³ Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 2.

Жить строго по евангельским заповедям могут лишь немногие, и такие люди известны миру – это святые нашей Церкви. Большинству же не по силам в полной мере жизнью исполнить Евангелие. Преподобный Макарий Оптинский (Иванов; † 1860)¹ незадолго до своей кончины в письме святителю Игнатию заметил, что внешний мир «не смотрит на свои слабости, а зорко взирает на монашеские и малые недостатки»². Критики, комментируя компрометирующие материалы и предъявляя высочайшие требования к монахам, даже не представляют, насколько тяжел подвиг вышеестественной жизни. Им неизвестны те скорби, которые испытывает подвижник, идущий узким путем. Живущие по стихиям падшего мира судят споткнувшегося монаха, но многие ли из них пытались приблизиться к евангельским идеалам? Надо признать, что встречается и справедливая критика – никто не отрицает наличия кризисных явлений, – но в целом духовно-нравственная атмосфера монашеской жизни намного выше той, что признается нормой многими мирянами.

Время возникновения Оптиной пустыни и ее название

Монах Еразм (Вытропский; † 1913)³ высказал предположение, что монастырь мог существовать со времени принятия козельчанами христианства, то есть примерно с XII века.

Действительно, новообращенный русский народ ревностно устраивал мона-

стыри и монашеские слободы вблизи населенных пунктов, а особенно княжеских городов, каким и был Козельск. Вполне возможно, что какой-то монастырь мог существовать близ Козельска в указанный период. Но в связи с этой версией возникают вопросы: являлся ли этот монастырь предшественником Оптиной пустыни или это были разные обители, не связанные между собой?

Другая версия, условно названная нами «княжеской», относит возникновение монастыря к более позднему времени. Предание, на которое ссылается архимандрит Леонид (Кавелин; † 1894), указывает временем основания монастыря XV век. Ученый предположил, что это предание возникло потому, что почти все монастыри края, как, например, Пафнутьев Боровский, были основаны в XV и XVI столетиях, и упоминает князя Владимира Андреевича Храброго, в уделе которого находился Козельск с 1408 по 1445 год и который действительно любил монашеский чин и строил монастыри. В качестве дополнительного подтверждения этой версии историк ссылается на оптинский Синодик XVII века, в который наряду с именами иноков включены имена инокинь, и упоминает при этом о существовавшей до начала XVI века практике совместных монастырей.⁴

«Княжеская» версия вызывает следующие возражения:

а) монах Еразм (Вытропский) справедливо полагает, что если бы обитель построил знаменитый князь, летописец обязательно помянул бы это похвальным словом, а монастырю были бы предоставлены земли, деревни, крестьяне, как это обычно бывало, но Оптина пустынь до начала XIX века оставалась очень бедным монастырем и не упоминалась в летописях;

б) существование совмещенного монастыря также вызывает сомнения. Как

¹ Память 7/20 сентября.

² Собрание писем блаженных памяти оптинского старца Макария к монашествующим. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1862. С. 4.

³ В издании Оптиной пустыни 2000 г. «Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита» монах Еразм ошибочно указан под мирским именем Ераст и в сане иеромонаха.

⁴ См. [Леонид (Кавелин), архим.] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1876. С. 11–14.

уже говорилось, это мнение основано на том, что в составе самого раннего оптинского Синодика за 1670 год, на который ссылается архимандрит Леонид, содержится список из пятидесяти трех имен иноков и инокинь для поминовения. Этот список даже предшествует имени строителя Исидора, при котором составлялся Синодик. Из этого следует, что этот список имеет более раннее происхождение, а расположен он под заголовком «*Помяни, Господи, и упокой души усопших раб Твоих обители сея*», что указывает на принадлежность к Оптиной пустыни.

Если допустить, что эти пятьдесят три инока и инокини подвизались до 1503 года в совместном монастыре, а их имена чудом сохранились даже после польского разорения начала XVII века, то почему имена насельников за последующие 170 лет исчезли из записей? Почему в Синодике нет имен монахов, убиенных в Смутное время, нет имени игумена Сергия, возглавлявшего обитель в 1625 году, и других настоятелей XVII века, известных из справочника П. М. Строева¹?

Учитывая это, мы предполагаем, что смешанный перечень имен иноков и инокинь составлен из фрагментарных списков имен насельников и их родов середины XVII века. В те времена для поминовения, по обычаю, вначале указывалось имя одного насельника, а затем «род его», который включал родственников и благодетелей, затем имя следующего насельника и род его и так далее. А в списках родов той эпохи мы видим монашеских имен едва ли не больше, чем мирских, так как в средние века русские люди, по благочестивому обычаю, старались принять постриг перед кончиной. Поэтому женские иноческие имена не должны удивлять, так как они присутствуют практически в каждом роде. Вероятно, сохранившиеся обрывки записей для поминовения монахов и их родов

попали в руки составителя Синодика в 1670 году, который для удобства объединил их в общий ряд. Иначе не объяснить упоминание в этом списке среди иноков и инокинь двух младенцев (!), которые никак не могли быть в числе братии «обители сея».

Между тем архимандрит Леонид утверждает, что этот смешанный список имен иноков и инокинь в Синодике переписан слово в слово с более древнего, однако подтверждений этому мы не обнаружили. Перечисляя источники по истории обители, ученый не указывает на существование такого редчайшего документа и сам подтверждает, что самыми ранними письменными свидетельствами об Оптиной пустыни являются писцовые книги 1629–1631 годов и вкладная книга, начатая в 1670 году.

Можно добавить, что в Синодике упраздненного в 1764 году Вознесенского Козельского девичьего монастыря, который никогда не был смешанным, также попеременно с женскими встречаются мужские монашеские имена, однако в этом случае ученый не рассматривает историческую версию совмещенной обители, но делает логичный вывод, что в женском монастыре таким образом поминали монахов близлежащей Оптиной пустыни². Почему же в оптинском Синодике не могли помянуть инокинь из других монастырей или из своего рода? К тому же точных правил ведения синодиков не существовало, обязательным требованием по решению Стоглавого собора являлась лишь запись благодетелей и их родов.

Самой распространенной версией возникновения монастыря является «разбойничья», согласно которой монастырь создал покаявшийся разбойник Опта. Эта версия основана на устном предании, имевшем хождение в монастыре и среди

¹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

² Леонид (Кавелин), иером. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М., 1863. С. 160.

Макарий Опта. Рисунок. Худож. С. Афонина

местных жителей. Хотя предание было довольно устойчивым, оно имеет лишь приблизительную и малообоснованную датировку XIV веком и совершенно не поддается проверке.

Таким образом, вопрос о времени возникновения обители остается открытым. После уничтожения Козельска и его жителей в 1610 году шайками «из стана Сигизмундова» все архивы погибли, никакие документальные материалы, относящиеся к предшествующему времени, не сохранились, поэтому вряд ли когда-либо удастся документально установить время возникновения монастыря и описать средневековый период его существования. Но, во всяком случае, учитывая сведения из справочника П. М. Строева, составленного «из достоверных источников», где указывается, что в декабре 1625 года обителью управлял игумен (а чтобы зарекомендовать себя перед епархиальным начальством и получить статус обители под настоятельством игумена, необходимо время), можно при-

близительно предположить, что Оптина пустынь возникла не позднее второй половины XVI века. Эту датировку подтверждают результаты археологических раскопок под руководством И. В. Болдина, проведенных в 1995 году на территории обители, когда была обнаружена серебряная монета чеканки времен Ивана Грозного. Мирских поселений в этом непригодном для земледелия месте в указанное время не могло существовать.

Название монастыря с течением времени изменялось: в записях XVII–XVIII веков встречается название Оптин монастырь Макарьева пустынь или Макарьевская пустынь Оптин монастырь и лишь с начала XIX века – Козельская Введенская Оптина пустынь. Одна из версий происхождения названия выдвинута монахом Еразмом (Вытропским). Ссылаясь на академический словарь церковно-славянского и русского языка, он предполагает, что название «Оптина» произошло от слова «опт» или «обт», означающего целое количество чего-либо,

гурт (аналог современного термина «оптовый», «оптом»). Из этого историк делает вывод, что изначально обитель имела две половины – мужскую и женскую – и название обозначало общую, совместную (оптовую) жизнь монахов и монахинь, а в качестве дополнительного подтверждения приводит уже упоминавшийся смешанный список мужских и женских иноческих имен в самом раннем монастырском Синодике.

Эта версия вызывает определенные сомнения. Действительно, авторитетные словари В. И. Даля и М. Фасмера подтверждают родственность слов «опт» и «общий». Но, как справедливо указывает исследователь Н. В. Шувалова¹, в средние века существовало множество, если не большинство, совмещенных мужских и женских монастырей. При этом в названии только двух монастырей сохранился корень «опт» – это Козельская Оптина пустынь и Болховский Оптин монастырь. Причем в отношении Болховского монастыря мнения ученых разделились. Так, Н. В. Шувалова обоснованно возражает, что нет никаких достоверных сведений, подтверждающих совместное женское и мужское монашеское жительство в этой обители.

Другая, более распространенная версия происхождения названия Оптиной пустыни основана на местном предании, которому склонен доверять архимандрит Леонид. По этой версии название «Оптина» происходит от имени уже упоминавшегося разбойника Опты. Предание гласит, что предводитель шайки, имевшей притон в густых лесах козельской засеки, впоследствии раскаялся, принял монашество с именем Макарий (что также отразилось в названии монастыря) и основал обе обители, находящиеся друг от друга на расстоянии около 70 километров – под Козельском и в Болхове.

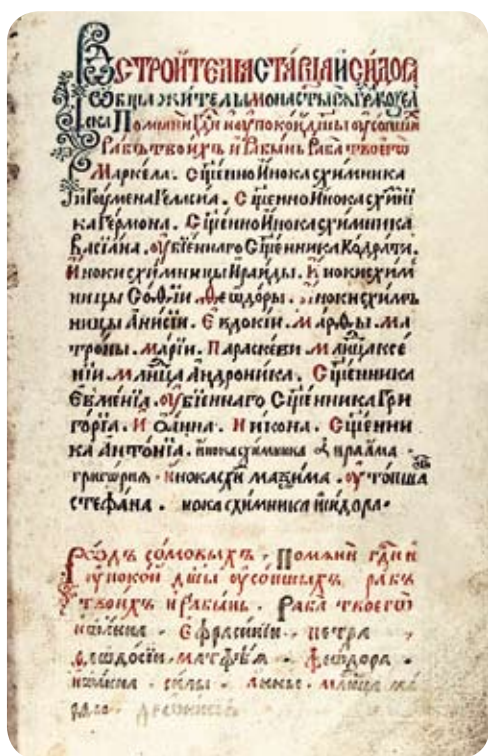
¹ Шувалова Н. В. Русский православный монастырь XIX – начала XX в. (по материалам Козельской Введенской Оптиной пустыни). Диссертация... канд. ист. наук. Самара, 2003.

Монах Еразм с оговоркой соглашается, что оба монастыря могли быть основаны бывшими грабителями во времена татарского владычества, и объясняет возможное происхождение имени Опты из татарского языка. Действительно, в истории Церкви можно найти немало примеров раскаявшихся разбойников, при этом архимандрит Леонид вспоминает знаменитого разбойника Кудеяра, которому приписывают раскаяние и последующий монашеский постриг. Кудеяр, весьма вероятно, был реальным историческим лицом – в Белевском уезде Орловской губернии, недалеко от Оптиной, даже существовало урочище Кудеяровка². Бытовали легенды о спрятанных Кудеяровых сокровищах. В Калужской области и в настоящее время есть деревушка с названием Кудияр. Можно привести топонимический довод в пользу историзма самого Опты: в Орловской области протекает река Оптуха – правый приток Оки, а также речка Оптушка.

Однако и эта «разбойничья» версия также не может быть принята безоговорочно. В 1970-е годы составитель исторической записки по архитектуре Оптиной пустыни, компетентный сотрудник института «Спецпроектреставрация» Е. И. Острова обратила внимание на то, что употребление имени разбойника в названии монастыря не имеет исторических аналогий. Н. В. Шувалова подтверждает, что не существует примеров использования в названии обители мирского имени ее основателя, хотя и допускает исключения. Автор исследования делает важное замечание, что в самом раннем оптинском Синодике логично было бы увидеть в числе первых упоминание монашеского имени разбойника Опты – Макарий, однако этого нет. Действительно, первым в этом Синодике упомянут некий инок Варсонофий. Вполне вероятно, что красивая легенда о раскаяв-

² И[еромонах] Л[еонид]. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. СПб., 1863. С. 13.

Синодик Козельской Введенской
Оптиной пустыни. 1672 год.
ОР РГБ

шемся разбойнике возникла по аналогии с преданием о знаменитом Кудеяре.

Что касается второго названия пустыни – Макарьевская, то, по сведениям епископа Амвросия (Орнатского; † 1827) в составленной им «Истории Российской иерархии», в Оптиной существовала каменная церковь в честь прп. Макария, притом Введенский храм находился «на воротах».¹

Вероятно, такой храм был, но не каменный. Во время археологических раскопок в 1995 году на месте разрушенной в советское время Владимирской церкви – наиболее вероятном местоположении – были обнаружены следы сгоревшего сооружения размером примерно 23 на 17 метров. На основании наличия мощного горелого слоя, а также ошлакованных фрагментов предметов, свидетельствующих о большой температуре горения, И. В. Болдин сделал вывод о том, что на месте больничной церкви ранее располагалась довольно

значительная по размерам (по площади и высоте) деревянная постройка. Скорее всего, епископ Амвросий ошибся. Если и существовал храм в честь прп. Макария, то он был деревянным и мог находиться на месте современной Владимирской церкви, а впоследствии сгорел. Маленькому, бедному монастырю не было никакой необходимости затевать довольно дорогое строительство второго каменного храма. Но существование этого храма – каменного или деревянного – не может ни подтвердить, ни опровергнуть «разбойничью» версию.

Н. В. Шувалова делает логичный вывод, что слова «Оптина», «Оптин» могут обозначать не общий, в смысле мужской и женский, а – *общежительный* монастырь. Это толкование не противоречит словарям В. И. Даля, И. И. Срезневского, М. Фасмера. Исследователь обнаружила документ (хотя и немного ошиблась в датировке) 1808 года, в котором игумен Авраамий писал, что «издавню времени заведено в ней <Оптиной пустыни. – Ред.> общежитие»². К этому можем добавить, что в Синодике 1670 года иеромонах Исидор поминается как строитель «Общажителя монастыря града Козельска»³. Использование в названии монастыря указания на его тип – оптин в смысле общежительный – могло иметь место, так как в средние века общежительные монастыри не были многочисленны и представляли собой скорее исключение, в связи с чем и могли выделяться с помощью названия из числа других обителей.

Из рассмотренных выше версий наиболее убедительной нам представляется указывающая на то, что первоначально монастырь был общежительным (киновияльным), что и отразилось в названии. «Разбойничья» версия имеет давнюю историю и также не может быть совершенно исключена. Наименее достоверной

² Документы настоятеля Оптиной пустыни Авраамия. ОР РГБ. Ф. 213. К. 53. Ед. хр. 7. Л. 25, 26 об.

³ Синодик Козельской Введенской Оптиной пустыни. ОР РГБ. Ф. 214. Опт-327. Л. 21.

¹ Амвросий (Орнатский), еп. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. V. С. 42.

выглядит версия, связанная с возможным существованием совместной мужской и женской обители, и хотя из-за утраты архивов документально подтвердить это уже не удастся, она тоже имеет право на существование.

XII–XVI века

Ранний период истории обители (если она существовала в XII–XIV веках) из-за отсутствия письменных источников можно представить лишь в общих чертах, основываясь на знании истории Церкви этого периода. На южные земли вятичей претендовали черниговские князья, затем – владимирские, впоследствии – московские (боровшиеся некоторое время с рязанскими); к концу XIV века эти земли, обессиленные княжескими междоусобицами и опустошенные татаро-монгольскими набегами, ненадолго подпали под власть Литвы, однако уже в самом начале XV века Козельск стал уделом князя Владимира Андреевича Храброго – духовного сына преподобного Сергия Радонежского и героя Куликовской битвы.

Духовная жизнь отшельников, «первых хозяев никому не принадлежавшей земли у пограничной засеки»¹, новообращенных вятичей, после миссионерской проповеди священномученика Кукши и его помощников должна была протекать в традициях общежительной Киево-Печерской лавры. В дальнейшем, в XV–XVI веках, оптинские монахи, ищущие духовного общения, скорее всего, обращались за советом к преподобным Тихону Калужскому и Пафнутию Боровскому и их ученикам, а также к жившим в этих краях другим замечательным подвижникам, таким, как иеромонах Никита, сродник и постриженник преподобного Сергия Радонежского, и инок Феогност (Ша-

ровка). Как раз в этот период, как заметил И. К. Смолич, монашество стало приобретать национально-русские черты.

С началом эпохи московского князя Ивана III и позднее историки отмечают ослабление монашеской жизни, особенно из-за принятой на Соборе 1503 года практики вынужденных постригов вдовых священников и диаконов, а также ссылки в монастыри бояр и вельмож. Другой причиной упадка И. К. Смолич считает неопределенность правовых отношений государства и Церкви, когда князья, а позднее цари выдавали неподсудные грамоты монашествующим, тем самым частично лишая епархиального архиерея контроля над своими подчиненными. Все это не могло не оказать влияния и на Оптину пустынь, поэтому весьма вероятно, что нравственный и духовный уровень обители в конце описываемого периода не был высоким, хотя отдельные подвижники могли появляться во все времена.

Церковная юрисдикция XII–XIV веков не до конца выяснена, это был очень сложный период. До начала XIV века южные земли вятичей находились под управлением епископов Черниговских, кафедра которых в некоторые периоды располагалась в Брянске, соответственно менялся и титул правящего архиерея. Во второй половине XIV – начале XV века они попали под власть Литвы, а с разделением митрополии в 1458 году вошли в состав юго-западной митрополии². Хотя в тот период церковные территориальные границы обычно совпадали с государственными, И. Покровский отмечает, что граница между московскими и литовскими владениями проходила по реке Угре, а Козельск, тем не менее, принадлежал Москве.

В конце XV – начале XVI века город находился в составе Сарской и Подонской епархии, переименованной в 1454 году

¹ Е[раст] В[ытropicкий]. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 6.

² Дмитрий Лужецкий, прот. Историческая заметка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования (16 октября 1799 – 16 октября 1899). Калуга, [1900]. С. 2.

*Макариева Оптиная пустынь в XVII веке. Реконструкция.
Рисунок. Худож. В. М. Семоненко*

в Крутицкую (с 1589 года – митрополия), причем иногда название города Козельска даже входило в титул крутицких владык.

XVII–XVIII века

Во время польско-литовского разорения, когда в 1610 году Козельск был сожжен дотла, а жители убиты, обитель, несомненно, должна была разделить судьбу города. Известно, что поляки и примкнувшие к ним разбойники из запорожских и донских казаков грабили и убивали не только мирян, но и духовенство, монахов. Архимандрит Леонид (Кавелин) цитирует летописца Смутного времени: «все монастыри края, хотя и не одновременно, были „без остатку разорены и выжжены литовскими людьми“»¹.

Но уже через несколько лет по окончании междоусобицы обитель была в

какой-то мере восстановлена и в 1625 году даже находилась под начальством игумена. На основании этого можно предположить, что количество братии должно было быть не менее 10–15 человек. Этот небольшой период расцвета обители, вероятно, связан с тяжелыми испытаниями – польско-литовским нашествием, заставившим многих переосмыслить свою жизнь. В 1629–1631 годах, скорее всего из-за ухудшения финансового положения, Оптиной пустыней руководил иеромонах («черный священник») в звании строителя, которое по статусу было ниже игуменского. Только в 1703 году монастырь вновь возглавил игумен. Вероятно, обитель, жившую лишь подаянием, преследовали какие-то неурядицы или сложности, так как смена игуменов на строителей происходила периодически до самого конца XVIII века.

Монастырь, не имевший высоких покровителей, постоянно конфликтовал с местными жителями. Мельницы, покосы,

¹ *И[еромонах] Л[еонид]*. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862. С. 17.

рыбная ловля, впоследствии лес – все это не раз становилось предметом тяжб и споров. Тем не менее в 1689 году началось строительство каменного храма: «разными укладчиками и мирским подаянием соборная церковь во имя Введения Пресвятыя Богородицы да теплая церковь с трапезою во имя преподобного Пафнутия»¹. Известно о помощи, оказанной малоизвестному монастырю Петром Алексеевичем, будущим великим императором, который в 1693 году пожертвовал вместе с братом Иоанном десять пудов меди. В этот же период упоминаются и другие царские вклады – царевны Софии Алексеевны и царевны Прасковьи Феодоровны².

В 1724 году, после введения Петром I «Духовного регламента», Оптиная пустынь, как «малобратственный» монастырь, была упразднена и приписана к Беллевскому Преображенскому монастырю. И хотя вскоре после смерти самодержца, в 1726 году, императрица Екатерина I своим указом разрешила восстановление упраздненных монастырьков, но, как отмечает монах Еразм (Вытропский), лишь при активном участии влиятельного боярина Андрея Шепелева судьба Оптиной пустыни разрешилась благополучно и обитель возродилась в «пакибытие», а насельники возвратились на свое место. Вообще, согласно вкладной книге и другим архивным записям, монастырь очень обязан родам Шепелевых, Желябужских, Воейковых, Чичериных, Кондыревых и некоторым другим, представители которых из поколения в поколение оставались благотворителями и покровителями Оптиной пустыни.

В 1750 году с помощью обергофмаршала Д. А. Шепелева († 1759) был заново отстроен Введенский храм, а в 1759 году освящен придел во имя преподобного Пафнутия. В 1769 году на

средства его племянницы Е. Н. Шепелевой была построена каменная колокольня с пятью колоколами, а в последующие несколько лет на ее же деньги окончена внутренняя отделка Введенского храма.³

В целом этот период был чрезвычайно трудным для Русской Церкви. Причинами снижения духовного уровня, застоя и ослабления святоотеческих традиций историки называют разрыв духовных связей с Византией и отравление религиозным латинизмом через проникающее влияние киевской духовной школы. Вдобавок в XVII–XVIII веках правовые отношения Церкви и государства оставались запутанными и противоречивыми. Однобокие и несовершенные реформы Петра I не привели к улучшению и оздоровлению церковной жизни. Напротив, историки обоснованно обвиняют императора в прямом преследовании монашества, разрушении его быта. Хотя поводы для недовольства были. Так, И. М. Концевич писал, характеризуя монашество того времени: «большие монастыри обращаются в привилегированные и весьма благоустроенные общежития с богатым питанием и частными изысканными „кормами“ на помин души»⁴.

Нуждавшееся в деньгах правительство Екатерины II в 1764 году издало указ, согласно которому все церковные владения (земли, имения, крестьяне) передавались в пользу государства, которое взяло на себя содержание церковных учреждений епархий, монастырей, приходских церквей в соответствующем денежном эквиваленте взамен изъятой собственности.

Для удобства расчетов епархии были поделены на три класса, монастыри делились на штатные (также трех классов и получавшие соответствующее классу содержание) и заштатные. Заштатные монастыри, к которым была причисле-

¹ Книга вкладная Козельской Введенской Оптиной пустыни за 1675–1784 гг. ОР РГБ. Ф. 214. Опт–326. Л. 36, 45 об.

² Там же. Л. 11, 11 об.

³ См. [Леонид (Кавелин), архим.] Указ. соч. С. 123.

⁴ Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 1993. С. 190.

на Оптина пустынь, продолжали существовать за счет собственных средств, а количество насельников было ограничено: строитель, четыре иеромонаха и два иеродиакона. Для обители такой статус, в общем, был милостью, так как многие мелкие и небогатые монастыри края в то время были упразднены и впоследствии совсем забыты. В их числе оказались Ферапонтова пустынь, Резванский Перемышльский монастырь, Рождества Богородицы в Перемышле, Афанасиевский в Лихвине, Жиздринский Успенский, Рождества Христова в Боровске и некоторые другие. Хотя секуляризация в целом прошла мимо бедной Оптиной пустыни, у которой отбирать в казну было нечего, обитель к концу XVIII века и без того пришла в упадок – как материальный, так, по всей видимости, и духовный. В монастыре вместо положенных семи числилось по два, три или четыре человека, да и то пожилых и больных. Зачастую, кроме настоятеля, и служить было некому. В начале 1790-х годов при строителе иеромонахе Иоасафе в Оптиной пустыни было три насельника: белый священник 60 лет, по немощи живший без послушаний, иеродиакон 68 лет, кроме иеродиаконской должности ни к чему не способный, и вдовый диакон 65 лет, причем сохранилась в целости только одна деревянная келья. О монашеском устроении принудительно сосланных вдовых священнослужителей говорить излишне.

Впрочем, снижение общего духовного уровня и нравственности отдельных насельников монастырей относилось не только к Оптиной, но и ко всей Русской Церкви, внутренняя жизнь которой обратилась во внешнее культовое благочестие и характеризовалась формализмом и обрядовостью¹. Благодетельное духовно-нравственное влияние в описываемый период мог оказать на обитель преподобный Макарий, основатель Белевской Жабынской пустыни.

В 1788 году церковная юрисдикция изменилась: Крутицкая митрополия была упразднена, Козельск некоторое время находился в составе Синодальной области, затем перешел в ведение Дмитровского викария Московской епархии, а 16 октября 1799 года была учреждена Калужская третьеклассная епархия.

Самым эффективным монашеским уставом для духовно-нравственного совершенствования признан общежительный (киновиальный), в основе которого находится послушание – отсечение своей воли, приводящее к смирению, по мере которого душа воспринимает спасительную благодать – цель монашеской жизни. Очень важен отказ от личной собственности, все должно быть общее – так исполняется обет нестяжания. Главным психологическим препятствием для устроения жизни по такому уставу, по мнению знатока средневековой эпохи И. К. Смолича, оказалась потеря правильного понимания сути, внутреннего смысла подвижничества. Традиции преподобного Феодосия Печерского в последующие несколько веков после его кончины были на Руси утеряны, так что даже некоторые великие подвижники понимали аскезу лишь внешне, а господствующий религиозный формализм, по мнению И. К. Смолича, явился одной из причин старообрядческого раскола. Обогащение обителей привело к упадку монашеской жизни и усилению пороков, однако в малых обителях и пустынях историки отмечали более высокий духовно-нравственный уровень. Секуляризация, как показало время, хотя и лишила монастыри собственности и других земных привязанностей, не привела к духовному оздоровлению монастырей, и проникающее обмирщение продолжало разлагать монашескую среду.

Оптина пустынь, в описываемый период жившая идиоритмом – особножительством, к концу XVIII века оказалась в глубоком кризисе – внутреннем и внешнем.

¹ Концевиг И. М. Указ. соч. С. 169, 190.

И. А. Виноградов

**Почитание преподобного
Серафима Саровского
в ближайшем окружении Н. В. Гоголя:
Москва и Оптиная пустынь**

Хотя канонизация Серафима Саровского в 1903 году прочно связывает для нас его имя со временами Иоанна Кронштадтского и царя-страстотерпца Николая II, однако масштабные, известные по многочисленным фотографиям торжества 1903 года не должны заслонять от нас того факта, что почитание старца Серафима началось еще при его жизни и стало приобретать всенародный характер сразу по его преставлении в 1833 году – другими словами, еще во времена старцев Льва, Макария, Моисея и Антония Оптинских.

Духовная связь насельников Оптиной пустыни с Серафимом Саровским, начавшаяся еще при жизни святого, имеет отношение к другому важному событию – трехкратному посещению обители в 1850–1851 годах Н. В. Гоголем. Православный художник и мыслитель, предки которого были священниками, Николай Васильевич за свою жизнь встречался с людьми, из которых, по крайней мере, шестеро были прославлены позднее в лике святых. Среди них – преподобные Макарий и Моисей Оптинские. При этом Гоголь не только был паломником пустыни, но даже отчасти способствовал пополнению ее братии. По свидетельству одного из иноков Оптиной – иеромонаха Климента (Зедергольма), поступившего в монастырь в 1853 году, началом его обращения в православие (из лютеранства) стал именно Гоголь – его книга «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847)¹.

¹ В августе 1853 г. послушник Л. А. Кавелин (впоследствии архимандрит Леонид, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры, известный

*Конгина иеромонаха Серафима,
пустынника и затворника Саровской
пустыни, 1833 года 2 января.
Литография Прохорова*

Последние годы жизни старца Серафима, а также начальный период его народного почитания совпадают со временем появления в печати произведений историк и археограф; 1822–1891) записал в Летописи скита Оптиной пустыни: «На днях прибыл в обитель некто г-н Зедергольм, намеревающийся принять православное исповедание веры... Особенно воодушевлен он Гоголем, и „Переписка с друзьями“ была началом его обращения к Православию, как сам он говорил мне». ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 129 об., 134.

Пушкина и Гоголя. В пушкинистике есть уже ряд работ, посвященных теме «Серафим Саровский и Пушкин». Однако в литературе о Гоголе тот факт, что начало прославления отца Серафима совпадает со временем творческого становления этого писателя, остается до сих пор без освещения. Одна из причин этого заключается в том, что сам Гоголь лишь однажды в дружеской переписке говорит о Саровском монастыре, а о самом старце в сохранившихся письмах нигде не упоминает. Между тем достаточно оценить круг общения писателя, чтобы усомниться в отсутствии сведений, указывающих на то, что почитание старца достигло и Гоголя. В окружении писателя, в том числе в Оптиной пустыни, хорошо знали о преподобном Серафиме – и от своих друзей Гоголь мог не только слышать о святом, но и знать подробности его жизни.

Имя преподобного Серафима Саровского стало известным Гоголю, по видимому, из самой первой публикации о святом, появившейся в печати спустя восемь лет после преставления старца, с подписью: «I. С.» (что означает «Иеромонах Сергей»). Автором жития был один из близких учеников старца иеромонах (впоследствии архимандрит) Сергей (Васильев; 1794–1861), который к тому времени перешел из Саровской пустыни в Свято-Троицкую Сергиеву лавру и в 1839 году был назначен здесь казначеем и постоянным членом ее собора.

Книга, а точнее, брошюра в 32 страницы носила название «Сказание о жизни и подвигах блаженных памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника». Она была издана в Москве осенью 1841 года¹. Как раз в это время, 17 октября, Гоголь приехал в Москву из-за границы для издания первого тома «Мертвых душ». Спустя полгода в Москве появляется первый

¹ [Сергий (Васильев), иером.] Сказание о жизни и подвигах блаженных памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника. М., 1841.

*Портрет Н. В. Гоголя.
Худож. Ф. А. Моллер. 1840-е годы*

печатный отклик на «Сказание о жизни и подвигах... отца Серафима...» Этот отклик принадлежит другу Гоголя, историку Михаилу Петровичу Погодину, в доме которого писатель прожил все время своего тогдашнего пребывания в Москве (до конца весны 1842 года). Отклик на «Сказание...» был перепечаткой обширных фрагментов из книги в журнале Погодина «Москвитянин»². Однако значение этой публикации заключается не только в свидетельстве глубокого почитания старца в московском образованном обществе. На страницах погодинского журнала словно происходит заочная встреча Гоголя с преподобным Серафимом Саровским. Дело в том, что фрагменты из жизнеописания старца Погодин поместил в том самом номере журнала (№ 3), в котором была опубликована повесть Гоголя «Рим»!

Надо сказать, что к публикации повести Гоголя в своем журнале Погодин готовился весьма тщательно. В предше-

² N. N. Сказание о жизни и подвигах блаженных памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника // Москвитянин. 1842. № 3. С. 201–205.

*Перенесение мощей прп. Серафима Саровского в Успенский собор Саровской пустыни
18 июля 1903 года. Хромолитография. 1904 год*

ствующем, втором номере «Москвитянина» он напечатал отрывок из своих путевых записок «Месяц в Риме», завершение которого было помещено в четвертом номере, – так что гоголевский «Рим» выступал как бы в «обрамлении» записок Погодина, в которых тот описывал месяц своего совместного проживания с Гоголем в Риме в 1839 году. В самом третьем номере журнала Погодин напечатал статью Федора Ивановича Буслаева, также общавшегося с Гоголем в Риме (статья называлась «Храм Св. Петра в Риме»). Тщательность, с которой Погодин отбирал в то время материалы для своего «Москвитянина», свидетельствует, что публикация жития Серафима Саровского также была здесь совсем не случайной.

О том, что одновременная публикация в «Москвитянине» повести Гоголя «Рим» и фрагментов жизнеописания старца Серафима имела особые причины,

свидетельствует то, что московский круг ближайших друзей Погодина и Гоголя обнаруживает уже не книжную, но самую непосредственную, живую, «биографическую» связь с преподобным.

К числу таких лиц из московского круга общения Гоголя и Погодина, кто лично знал преподобного Серафима, относится, во-первых, Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра близкого друга Гоголя, поэта Николая Языкова. Она была замужем за известным мыслителем и богословом Алексеем Степановичем Хомяковым – тоже единомышленником и приятелем Гоголя. В юности в Екатерину Михайловну был влюблен «служка Божией Матери и Серафимов» (как он сам себя называл) Николай Александрович Мотовилов, симбирский совестной судья, попечитель Серафимодивеевского монастыря. Он намеревался жениться на Екатерине Михайловне и беседовал о ней как набожной девушке-

«монастырке» с Серафимом Саровским¹. Известно, что самым тяжким из происшествий предсмертных дней Гоголя стала именно кончина Хомяковой.

Из московских знакомых Гоголя почитательницей преподобного Серафима Саровского была также Надежда Николаевна Шереметева, тетка поэта Федора Ивановича Тютчева. С этой благочестивой женщиной долгие годы переписывались не только Гоголь, Жуковский, Языков, Хомяков, Шевырев и Аксаковы, но и преосвященный Филарет (Гумилевский), святитель Иннокентий (Борисов), святитель Иннокентий (Вениаминов) и многие другие духовные лица. В 1845 году в одном из своих писем Шереметева сообщила: «...Не так давно в Тамбовской губернии в одной пустыне один старец высокой жизни заперся в своей келье и многие годы не отворял иначе дверь, как раз в неделю, когда приходили к нему с святыми дарами... Потом вышел, совершал литургию и, кто приходил к нему, всех принимал и говорил незабвенные истины. Скончался как праведник; бывши здоров, приобщился Святых Таин, назавтра нашли его на коленях умершим. Память его чтут, видя, что многое и со многими совершилось, как он предсказывал...»²

О Серафиме Саровском рассказывал, в свою очередь, друг Гоголя оптинский послушник отец Петр Григоров (22 июля 1850 года пострижен в мантию с именем Порфирий) в своей книге «Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его...». Из первого издания этой книги Гоголь сделал выписки еще в 1844 году; новое, третье издание писем Затворника

Граф А. П. Толстой

Георгия (Машурина; в монашестве Стратоника) он получил от отца Порфирия в 1851 году. В этой книге Гоголь познакомился с рассказом о том, как преподобный Серафим укрепил послушника Георгия в его затворническом подвиге, чудесным образом узнав об одолевавших подвижника помышлениях и передав ему через посланника свое наставление.

Как раз ко времени знакомства с отцом Петром Григоровым и относится единственное упоминание о Саровском монастыре в письмах Гоголя. Спустя чуть меньше месяца после первого посещения Оптиной пустыни 17–19 июня 1850 года Гоголь упоминает о Саровской обители в письме к графу Александру Петровичу Толстому (впоследствии обер-прокурор Святейшего Синода), которому советует побывать в Оптиной: «Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце... к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому... третий их брат игуменом Саровской <так> обители и тоже, говорят, очень достойный настоятель».

¹ Нилус С. А. Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992. – Репр. изд. Сергиев Посад, 1911. С. 142.

² Н. Н. Шереметева – И. С. Гагарину. 19 сентября 1845 // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой / Вступ. и сопровод. статьи И. А. Виноградова. Подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М., 2001. С. 259.

*Преподобный Моисей (Путилов),
старец Оптинский.
Литография. 1860-е годы*

*Преподобный Антоний (Путилов),
старец Оптинский.
Литография. 1860-е годы*

Речь в данном письме идет об известных в истории русского монашества братьях Путиловых: настоятеле Малоярославецкого Николаевского монастыря преподобном Антонии (1795–1865), настоятеле Оптиной пустыни преподобном Моисее (1782–1862) и настоятеле Саровской пустыни игумене Исаии (II) (1786–1858). Из них к Сарову имеет отношение не только последний – игумен Исаия, но и самый старший из братьев – преподобный Моисей Оптинский. Оба они были не только почитателями старца, но даже начинали свое монашеское поприще в «Саровском Иерусалиме» при преподобном Серафиме. Братья пришли сюда в 1805 году; старший пробыл в обители до 1811 года, средний брат – до конца дней, став еще при жизни отца Серафима, в 1822 году, казначеем монастыря, в 1842 году – настоятелем. Таким образом, в братьях Путиловых, упоминаемых Гоголем, мы видим одновременно и «саровцев», и «оптинцев». Неудивительно, что в Оптиной Гоголь мог видеть

устроенный в одном из храмов учениками и почитателями Серафима Саровского, «сразу после его кончины», «уголок с его личными вещами (мантия, епитрахиль, книги – все это видно на сохранившейся в Оптиной фотографии этого памятного серафимовского уголка). На каждой панихиде поминалось имя „отца нашего приснопамятного иеромонаха Серафима“»¹. (В 1876 году в Оптиной скончался родственник отца Серафима, бывший «курский мещанин» Иван Михайлович Токарев, которого в молодости старец учил Иисусовой молитве².)

К представителям, так сказать, «саровско-оптинского» круга относится еще одно лицо из ближайшего окружения Гоголя. Это Наталья Петровна Кире-

¹ *Ильюнина Л. А. Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века. СПб., 2012. С. 42.*

² *Подвижники благочестия Оптиной пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. [Козельск]: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2012. С. 141–142.*

*Игумен Исаия (II) (Путилов),
настоятель Саровской пустыни.
Литография. 1830-е годы*

евская (урожденная Арбенева), жена не менее известного гоголевского приятеля Ивана Васильевича Киреевского. В ранней молодости она была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, после его кончины – старца Филарета Новоспасского (также подвизавшегося ранее в Сарове при отце Серафиме). После кончины своего второго духовника (в 1842 году) она перешла к преподобному Макарию Оптинскому, под чьим руководством принимала вместе с мужем большое участие в издательских делах Оптиной пустыни (погребена в стенах обители в 1900 году).

Наконец, целая история связывает с преподобным Серафимом еще одну женщину из ближайшего окружения Гоголя, а именно графиню Анну Георгиевну Толстую, супругу упомянутого графа Толстого. О графе Толстом, по назначении его в 1856 году обер-прокурором, Н. П. Гиляров-Платонов, в частности, замечал: «...Он принадлежит к разряду тех людей, которых я не умею иначе охарак-

теризовать, как назвать их *оптинскими христианами*»¹. Направленный в 1850 году в Оптину Гоголем, Толстой скончался в 1873 году на руках оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма), путь которого к Оптиной тоже, как указывалось, был определен Гоголем, его «Перепиской с друзьями». Именно графу Толстому, постоянному собеседнику Гоголя по профессиональным вопросам, посвящено несколько важных статей в этой книге, в том числе – «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», «Нужно любить Россию», «Занимающему важное место».

А. О. Смирнова вспоминала об А. Г. Толстой: «Тридцати пяти лет княжна вышла замуж за графа Александра Петровича Толстого, святого человека», который «жил с нею как брат»². (Сам Гоголь говорил родным, что Толстой «одно время носил даже тайно вериги»³.) По воспоминаниям компаньонки графини Толстой, Ю. А. Троицкой, Анна Георгиевна «постилась до крайней степени» и «очень часто любила есть тюрю из хлеба, картофеля, квасу и луку и каждый раз за этим кушаньем говорила: „И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю“»⁴. Будучи рождена княжной Грузинской, она в юности жила у своего отца в селе Лысково Нижегородской губернии и влюбилась в своего сводного брата, внебрачного сына князя Грузинского (не зная, кем приходится ей молодой человек; понятно, что брак между ними был невозможен). Потом некоторое время она жила в Белбажском монастыре⁵ (ныне это скит Серафимо-Дивеевской обители), ездила к Серафиму Саровскому за

¹ Русское Обозрение. 1896. Т. 41. Декабрь. С. 997.

² Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2012. Т. 2. С. 232.

³ Там же. Т. 1. С. 163.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ Там же. Т. 2. С. 232.

Прп. Антоний (Медведев) Радонежский, наместник Троице-Сергиевой лавры. Конец 1850-х – 1860-е годы. Неизвестный художник. Портрет создан в живописной мастерской Оптиной пустыни

советом, затем вступила в духовный брак с графом Толстым. Ее сводный брат, которого она так неудачно полюбила, в свою очередь, стал монахом, поступил в Саровский монастырь, стал учеником старца Серафима, а затем, по предсказанию преподобного, был поставлен наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Совсем недавно, в 1996 году – одновременно с оптинскими старцами, он был причислен к лику святых: это преподобный Антоний (Медведев; 1792–1877)¹. Сам Серафим Саровский завещал похоронить его с тем образом преподобного Сергия Радонежского, который прислал ему из Лавры его ученик отец Антоний, что и было исполнено.

Историю графини Толстой и ее побочного брата знала в подробностях (так же, как и сам Гоголь) Александра Осиповна Смирнова, которая в 1847 году, посетив Лавру, сообщала Гоголю, что на-

¹ См.: Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996.

местник Антоний, ученик преподобного, «очень многим доволен» в гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями», «радуется духу» Гоголя и желает ему «не бояться говорить громко в этом мире» о христианских истинах². В 1849 году, во время посещения Лавры самим Гоголем, отец Антоний, по свидетельству В. С. Аксаковой, благословил его образом³. Личная встреча с учеником старца Серафима имела, несомненно, важное значение для Гоголя. Именно благожелательный отзыв наместника о «Выбранных местах...», вместе с таким же (услышанным в тот же день, 19 августа) отзывом о книге иеромонаха Лавры (впоследствии архимандрита) Феодора (Бухарева), вероятно, побудили Гоголя сразу по возвращении из обители, неожиданно для всех, прочесть вечером первую главу второго тома «Мертвых душ» Аксаковым⁴.

В те же месяцы эпизод из жизни старца и его ученика, монаха Антония, Смирнова рассказала Гоголю в письме: «Однажды, у кельи Серафима, наместник Троицкий, еще в молодости, стучался часа два, умоляя его впустить к себе и дать совет; тот немилосердно отказал. Антоний бросился домой, в горе и отчаянии схватил образ и начал молиться. Успокоился и заснул с образом. Дня через два к Серафиму пошел; тот тотчас его принял и был ласков с ним. Антоний спросил, зачем он его не пустил тогда к себе. „Я знал, что тебе лучше быть одному, что это нужно было тогда“, – ответил Серафим»⁵. Показательно при этом, что Смирновой не по-

² Письмо от 2 октября 1847 года (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Киев, 2013. Т. 13. Переписка 1845–1846. С. 399). Датировка письма уточнена: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 235.

³ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 871.

⁴ Там же.

⁵ Письмо от 29 октября 1849 года (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 273).

надобилось уточнять, о каком Серафиме идет речь; Гоголю это имя было хорошо известно.

Надо сказать, именно благодаря преподобному Антонию поступил из Саровской обители в Лавру и упомянутый выше автор первого жизнеописания старца Серафима архимандрит Сергей (строки которого о Серафиме Саровском оказались в погодинском «Москвитяине» по соседству с гоголевским «Римом»).

Кроме отцов Антония (Медведева) и Сергея (Васильева), Гоголь мог встречать в Лавре и других учеников преподобного Серафима – иеромонаха Георгия (Иванова, бывшего послушника Гурия), иеромонаха Авеля (Ванюкова; † 1869). Все они в течение 1830-х годов перебрались сюда из Саровской пустыни к наместнику Антонию – и в свою очередь принимали участие в составлении записок о старце (публикации 1844 и 1860 годов)¹. Именно преподобный Антоний вместе со священником Филаретом (Дроздовым), ми-

трополитом Московским, в конце 1830-х годов много сделал для издания первого жизнеописания Серафима Саровского.

Таким образом, прослеживаются как бы две линии, восходящие к Серафиму Саровскому: с одной стороны, ученики и почитатели старца в Оптиной пустыни, с другой – такие же ученики и почитатели в Москве и в Сергиевой лавре. И с представителями обеих этих линий – назовем их условно «саровско-оптинской» и «саровско-сергиевой» – был знаком и встречался Гоголь.

Подведем предварительные итоги. Архимандрит Сергей (Васильев), Михаил Погодин, Екатерина Хомякова, Надежда Шереметева, оптинцы – отец Порфирий (Григоров), преподобный Моисей (Путилов), Наталья Киреевская, графиня Анна Толстая, преподобный Антоний (Медведев), Александра Смирнова... – вот сразу целое сплетение живых нитей, связывающих Гоголя с преподобным Серафимом Саровским. Судя по всему, круг лиц, от которых Гоголь мог знать о святом, был еще шире, и нам еще предстоит открыть новые свидетельства о почитании писателем и его друзьями батюшки Серафима.

¹ См.: Руди Т. Р. Ранние жития Серафима Саровского: вопросы литературной истории // ТОДРЛ. СПб., 1999. С. 427–434; Первые жития преподобного Серафима Саровского / Сост., коммент. С. С. Бычкова. Н. Новгород, 2006.

В. А. Десятников

Свет добрых дел

Козельский краевед Василий Сорокин

От редакции

В эпоху гудовицных репрессий против Церкви, ненадолго прерванную Великой Отегественной войной, на Руси, несмотря на гонения, находились люди, пытавшиеся наполнить нравственным содержанием духовный вакуум советского времени, восстановить историгескую память. Одним из таких людей был Василий Николаевич Сорокин (1915–1981).

В душе этого геловека, нагавшего службу в армии в 1938 году рядовым, отразились все противорегия эпохи. Фронтowej политрук, партийный геловек, он беспокоился о судьбе арестованного оптинского иеромонаха Рафаила (Шейгенко), намеревался ходатайствовать о его освобождении, а в 1949 году крестил в Благовещенской церкви города Козельска своих детей – сына Георгия и дочь Нину. О желании помочь преподобному Рафаилу и о крещении детей, конечно же, стало известно властям (в среде священнослужителей и прихожан были осведомители), хотя из страха перед системой Василий Николаевич пытался это скрыть. Тем не менее в 1951 году В. Н. Сорокин был уволен в запас с формулировкой: «за невозможностью использования на политигеской работе».

Это своего рода гонение позволило Василию Николаевичу заняться делом всей его жизни – организацией краеведгеского музея и работой по возрождению Оптиной. «Надо сказать спасибо Василию Николаевичу Сорокину, сдвинувшему дело с мертвой точки и нагавшему с нуля», – писал о деятельности бывшего фронтовика В. А. Солоухин¹. В. Н. Сорокин сумел привлечь внимание общественности к судьбе Оптиной пустыни, благодаря гему были спасены построенные во времена старцев Иоанно-Предтегеский храм, Ключарёвский и Золотухинский корпуса в скиту. Он организовывал различные мероприятия, пытался привлечь молодежь и гезиз изугение творчества великих русских писателей наугить ее любви к Родине, хоть немного раскрыть подлинную историю страны.

Братия Оптиной пустыни огень обязаны Василию Николаевичу, и, гтобы погтить его память, мы предлагаем вниманию гитателей статью заслуженного деятеля искусств России Владимира Александровига Десятникова.

*Т*рудно представить, чтобы в Козельске, где перебывал весь цвет русской литературы – от Жуковского и Пушкина до Гоголя, Толстого, Тургенева и Достоевского, – не было бы музея. Тем не менее это факт. Музея не было, и удалось создать его лишь в 1969 году. Главная заслуга здесь принадлежит В. Н. Сорокину.

При Козельском Доме пионеров в начале 1950-х годов существовал (в одной небольшой комнате) краеведческий кружок, и жизнь в нем теплилась благодаря энтузиазму нумизмата-любителя, учителя

¹ Солоухин В. А. Время собирать камни // Оптинский альманах. Вып. 1. [Козельск], Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2007. С. 16.

истории Н. Н. Анисимова. Демобилизовавшийся в 1952 году армейский политраб-ботник гвардии майор Василий Николаевич Сорокин вдохнул новые силы в Общество краеведов Козельска.

Это был человек, прошедший большую и серьезную школу жизни. В 1932 году он окончил Козельский педтехникум. Работал учителем, писал стихи, очерки, статьи, в 1934-м девятнадцатилетний Сорокин был назначен ответственным секретарем газеты «Козельская правда». Потом окончил в Москве трехгодичный курс во Всесоюзном коммунистическом институте журналистики (знаменитый КИЖ), служил в армии. Участвовал в боях с японцами на Хасане и Халхин-Голе, в Советско-финской войне, а потом – в Великой Отечественной. И все это время Василий Николаевич работал как журналист.

Вернувшись в родной город, он заведовал отделом в «Козельской правде», активно сотрудничал со столичными газетами и журналами. Постепенно главной темой его публикаций стало краеведение, в частности, пребывание писателей в бывшем Козельском уезде. Вот здесь В. Н. Сорокин и нашел себя – он изучал: кто и когда приезжал в Козельск, Оптину и Шамординскую пустыни, где останавливались, что здесь было задумано и написано, у кого из козельчан сохранились письма и мемориальные вещи писателей. С годами архив В. Н. Сорокина вырос настолько, что к нему стали обращаться за справками крупные литературоведы, писатели, учителя.

Строго говоря, начало литературному музею положил краеведческий поиск, проведенный В. Н. Сорокиным. Участь в Московском заочном полиграфическом институте, Василий Николаевич в качестве курсовой работы представил сделанные им в 1957 году записи воспоминаний козельчан, встречавшихся с Л. Н. Толстым. К тому времени в Козельске и его окрестностях было довольно много долгожителей, некоторые из них еще и

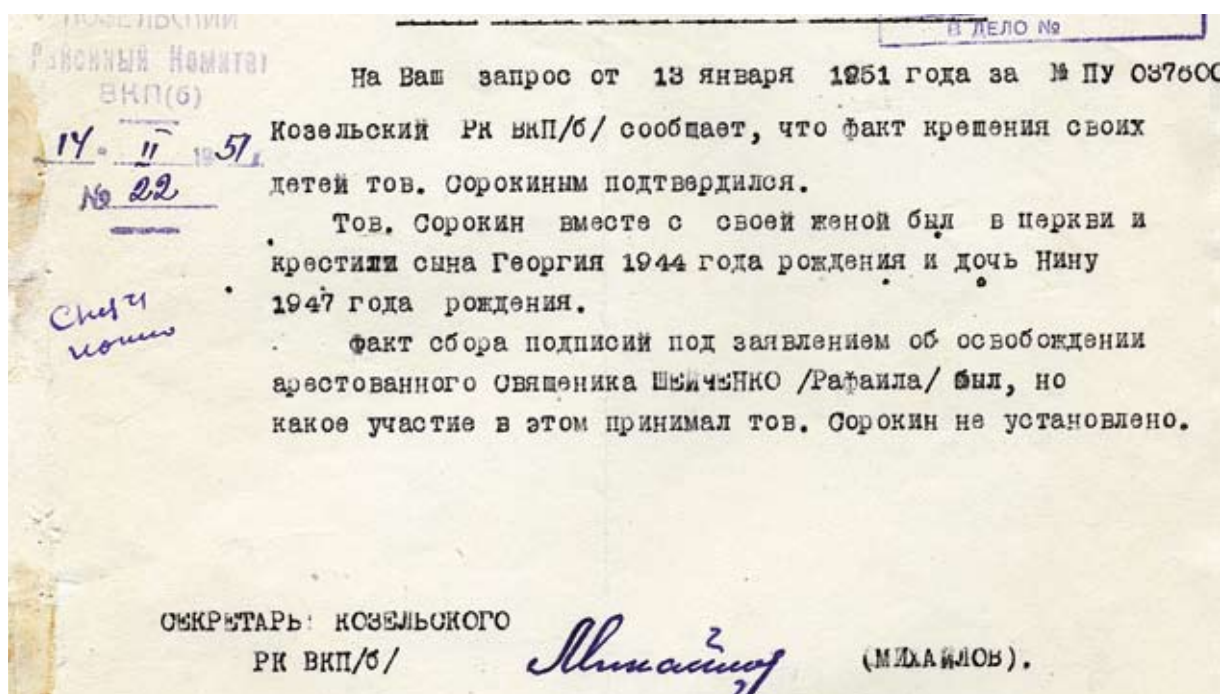

*В центре – В. Н. Сорокин.
Назало 1950-х годов (?)*

на пенсию не выходили, продолжая трудиться. Интересный рассказ Василий Николаевич услышал от К. М. Родионова, который в молодости работал столяром в Оптиной пустыни. В свой приезд зимой 1890 года в Оптину Л. Н. Толстой заходил в столярную, смотрел, как трудятся мастера, расспрашивал их о семьях, интересовался учебой детей. Когда рабочие сравнивали свою тяжелую жизнь с монашеской, Лев Николаевич открыто хулил праздность монахов.

Летом 1896 года Л. Н. Толстой с женой побывал в Шамординском монастыре у своей сестры – Марии Николаевны, а потом три дня жил в Оптиной, в гостинице. Крестьянин села Нижние Прыски Ф. В. Кострилов вспоминал, что во время сенокоса Толстой выходил на луг и помогал крестьянам убирать сено. Он сноровисто работал вилами, накладывал сено в повозку и шутливо предлагал графине поработать граблями.

В Старой Казачьей слободе, на окраине Козельска, В. Н. Сорокин познако-

Документ из личного дела военного журналиста В. Н. Сорокина. 1951 год

мился с бывшим извозчиком П. И. Волкочедовым, который вез Л. Н. Толстого в октябре 1910 года от станции Козельск в Оптину пустынь, и записал его рассказ. Доехав до паромной переправы через Жиздру, Лев Толстой щедро расплатился с Волкочедовым и договорился, чтобы на следующий день поехать в Шамордино к сестре. Записи Сорокиным бесед и встреч разных людей с Л. Н. Толстым составили объемистую рукопись; к ней Василий Николаевич приложил редкие фотографии.

Будучи по складу характера человеком активным, напористым, Сорокин, находясь на экзаменационной сессии в Москве, выступил с лекциями в Доме учителя, в Географическом обществе СССР и в Государственном литературном музее.

Тему лекций Василий Николаевич расширил, включив в нее сведения о пребывании в Козельске А. С. Пушкина и его «парнасского отца» В. Л. Пушкина. Изучив архивные материалы, он смог «вычислить» дом, где была ямская станция, в помещении которой останавливался А. С. Пушкин, совершая свое путешествие в Арзрум. Поэт не случайно съехал с «прямоезжей» дороги и дал большой

крюк через Козельск и Белёв: он хотел повидаться с героем войны 1812 года генералом А. П. Ермоловым в его орловском имении.

Интересны были и материалы о находящейся недалеко от Козельска усадьбе Березичи, в 1825 году доставшейся по разделе наследства родному дяде А. С. Пушкина Василию Львовичу. В Березичах В. Л. Пушкин бывал довольно часто, здесь ему хорошо работалось. Сохранились его письма березичского периода – в частности, к поэту П. А. Вяземскому.

В. Н. Сорокин, читая лекции в Москве, знакомил слушателей и с другими своими разысканиями – касающимися приездов на охоту в Козельск И. С. Тургенева. «Что делать! Охоту я люблю страстно», – писал И. С. Тургенев другому заядлому охотнику, Н. А. Некрасову. Впечатления, полученные во время охоты в Козельском уезде, нашли отражение в повести «Собака». «И вдруг на меня нашел какой-то стих, – писал И. С. Тургенев 24 марта 1864 года П. В. Анненкову, – и я, как говорится, не пимши, не емши – сидел над небольшим рассказом, который сегодня кончил и сегодня же прочел

в маленьком русском обществе, причем получил необыкновенный успех»¹.

Исходив вдоль и поперек все окрестности Козельска, И. С. Тургенев, по данным В. Н. Сорокина, так и не нашел времени зайти в Оптину пустынь. Не исключено, что Ф. М. Достоевский любопытствовал у монахов об этом факте. В «Братьях Карамазовых» он тонко, как считал В. Н. Сорокин, «прошелся» по этому поводу. «Либерал сороковых и пятидесятих годов, вольнодумец и атеист», вальяжный барин Миусов – явный западник и не без намека на «европействующего» И. С. Тургенева. Описывая его приезд в монастырь, автор романа заметил: «Миусов так лет тридцать, может быть, и в церкви не был. Он озирался с некоторым любопытством, не лишенным некоторой напущенной на себя развязности. <...> Миусов рассеянно смотрел на могильные камни около церкви и хотел было заметить, что могилки эти, должно быть, обошлись дорогонько хоронившим за право хоронить в таком „святом“ месте, но промолчал...»

Цель, которую ставил перед собой В. Н. Сорокин, выступая в Москве, была конкретна. Ему нужно было заручиться поддержкой столичной общественности – писателей, ученых, журналистов, учителей, профессуры, которые помогли бы сформировать в «инстанциях» мнение о необходимости создания литературного музея в Оптиной пустыни. К тому времени Сорокин уже неоднократно испрашивал в Козельске такое разрешение на музей, но всякий раз получал отказ. Его даже стали прорабатывать на партийных собраниях, обвиняя в идеологической близорукости, в попытках возрождения славянофильского «гнезда», в потворствовании церковникам-мракобесам. Но Сорокин твердо отметал все наветы и продолжал строить, как многим казалось, совершенно несбыточные прожекты.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1981. Т. 7.

В скиту Оптиной пустыни он рассмотрел два деревянных строения, которые назвал в своих прошениях «Домиком Ф. М. Достоевского» и «Домом Н. В. Гоголя», и предлагал райисполкому отселить жильцов и отдать здания под музейную экспозицию.

Успех лекций В. Н. Сорокина в Москве дал надежду на аренду музейного помещения в Оптиной. Однако козельское начальство вкупе с калужским уполномоченным Совета по делам религий категорически восстало против затеплившегося «очага религиозного дурмана», как было объявлено В. Н. Сорокину. Пришлось временно отступить и заняться кропотливой работой по сбору материалов для литературного отдела Козельского самодеятельного краеведческого музея. Из экспонатов этого отдела, созданного, кстати, по инициативе Василия Николаевича, впоследствии и выросла экспозиция в Оптиной. К тому времени В. Н. Сорокину и Н. Н. Анисимову удалось исхлопотать одну комнату в бывшем купеческом особнячке на задворках Козельска и перевести туда народный краеведческий музей. Доказав своей неутомимой работой его жизнеспособность, они создали дружный актив среди интеллигенции города и вместе «выбили» под музей весь особнячок. Признавая заслуги В. Н. Сорокина как краеведа и талантливого лектора-пропагандиста, дирекция Калужского областного краеведческого музея в январе 1969 года назначила его заведующим Козельским филиалом музея.

Для Козельска, где нет ни театра, ни концертного зала, ни филармонии, музей, без преувеличения, – первое по значимости учреждение культуры. В. Н. Сорокин прекрасно понимал эту простую истину и настойчиво добивался, чтобы под музей был выделен памятник архитектуры XIX века – двухэтажный дом Брюзгиных, бывших владельцев парусной фабрики. Василий Николаевич был уверен, что музей будет именно в этом красивом здании

Музей в Иоанно-Предтегском скиту. 1970-е годы (?)

эпохи классицизма. Здесь он мечтал развернуть новую обширную экспозицию. Однако стену равнодушия и косности нелегко бывает пробить и сейчас, не говоря уже о том времени.

«Велико незнание России посреди России», – говорил Н. В. Гоголь и рекомендовал при этом «проездить» по стране. Известно, что писатель строил планы объехать все монастыри России, и не только потому, что человек он был богомольный. Целью задуманного им путешествия было написание географического сочинения, так, «чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». Свои планы путешествий по монастырям Н. В. Гоголь, хоть и начал осуществлять, не выполнил. Зато у великого путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, в известном смысле последователя Н. В. Гоголя, описаний монастырей, скитов, пустыней, соборов, церквей, часовен, памятных крестов предостаточно. К примеру, открываем изданную под его руководством книгу «Россия», том 1

(СПб., 1899)¹ и на 322-й странице читаем: «В четырех верстах от Козельска, на правом берегу Жиздры, под сенью вековых дубовых лесов находится столь известная всем богомольцам России Оптино-Введенская пустынь...»

Будучи студентом, я сделал себе эту выписку, но так до окончания университета и не съездил в Оптину пустынь. К тому времени на моем счету было уже около ста паломничеств по монастырям России: на Соловки и Кий-остров, на Валаам и в Хутын под Новгородом, в Кириллов и Ферапонтово, в Псково-Печерский монастырь и Новый Иерусалим... По справочнику Л. И. Денисова «Православные монастыри Российской империи», выпущенному в Москве в 1908 году, в нашем Отечестве насчитывалось 1105 мужских

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: В 19 т. / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. руков. П. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1899–1914.

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827–1914) – крупнейший русский ученый-географ, ботаник, государственный и общественный деятель. – *Примеч. ред.*

и женских монастырей. Так что мне надо было поспешать, чтобы успеть отснять священные руины и сделать краткую их «инвентаризацию». Путешествия мои носили не только познавательный, но и конкретный, деловой характер. Посоветовавшись с реставраторами, я разработал методику фотофиксации памятников архитектуры, с тем чтобы снимки могли со временем быть использованы для восстановления святынь, когда придет время поднимать их из руин.

Словом, в праздничный день Первомай 1968 года я оказался в Оптиной пустыни. Готовясь к поездке, я переснял из старой книги литографию гоголевских времен с видом Оптиной. На литографии пустынь была ограждена каменными стенами с башнями. Они, несмотря ни на что, в основном сохранились, но не по всему периметру. Хуже было с высотными доминантами: величественная трехъярусная колокольня была взорвана, больничная Владимирская церковь разобрана, а все остальные храмы обезглавлены. Войдя через пролом в ограде, я обнаружил на территории пустыни полигон для тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Как мне объяснили, хозяином здесь было СПТУ, готовившее механизаторов широкого профиля. И действительно, профиль машин был довольно разнообразный, и все вокруг было изрыто, изъезжено и, как водится, залито соляркой. Не лучше дело обстояло и в скиту, находящемся, по свидетельству Ф. М. Достоевского, шагах в четырехстах от монастыря.

«Я заезжал по дороге в Оптиную пустынь, – писал Н. В. Гоголь 10 июля 1850 года А. П. Толстому, – и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше <...>. Я уверен, что эта обитель оставит у Вас, как и у меня, одно из приятнейших воспоминаний». Позже Н. В. Гоголь еще раз в своих письмах вспоминает Оптину: «Какая тишина, какая простота. Я... всегда заезжаю в эту пустынь и отдыхаю душой».

Однако мне отдохнуть душой в тот приезд в Оптину не удалось. В скиту, куда на встречу с духовным отцом братьев И. и П. Киреевских старцем Макарием не раз приходил Н. В. Гоголь, я нашел «мерзость запустения». В свое время поэт А. Н. Апухтин писал: «Такой массы и таких чудных цветов, как в Оптинском скиту, я уж потом во всю жизнь не знал». Мне трудно было представить, что скит когда-то отличали образцовый порядок, тишина и цветы. Его ограда была разнесена вдребезги. Уцелели лишь две башенки и надвратная колокольня. В хибарках старцев Макария и Амвросия жили семьи рабочих и преподавателей СПТУ. Под жильем были заняты и все остальные кельи. К ним пристроили кто свинарник, кто курятник, кто овчарню...

Мое внимание привлекла необыкновенной красоты деревянная церковь Иоанна Предтечи 1822 года с двумя классическими портиками с колоннами. Погода была солнечная, весенний день, несмотря на мои огорчения, был воистину праздничным. Я достал свои фотоаппараты с узкой и широкой пленками и стал фотографировать церковь, бывшие кельи, скитский пруд с гогочущими гусями, стараясь представить, как здесь было во времена Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского.

За этим занятием меня и застал В. Н. Сорокин. Он делал обмеры небольшого домика в углу скита и, когда закончил работу, подошел ко мне. Мы познакомились. Василий Николаевич имел редкостную способность увлекать людей своей идеей. Он рассказал мне, что давно мечтает создать литературный музей – не на бумаге, а реальный, куда можно было бы прийти, чтобы увидеть портреты оптинцев, картины, книги, задуманные здесь, иллюстрации к ним, вещи писателей. Не мешкая, Василий Николаевич с жаром принялся «верстать» меня в свои союзники. Дескать, надо создать такую «температуру» общественного мнения, которая смогла бы «расплавить» чугуновых тугодумов и заставить их принять

решение переселить литературный отдел из тесноты Козельского краеведческого музея в Оптину, в домик, который он присмотрел в скиту.

– «Зачем живет такой человек!» – помните знаменитую сцену в хибарке из «Братьев Карамазовых»? – спросил Василий Николаевич и продолжал: – Именно здесь все и происходило. В той вон хибарке, – указал Сорокин, – старец поклонился в ноги Мите Карамазову...

– А нельзя ли попросить нынешних хозяев, чтобы они разрешили нам посмотреть их «покой»?

– Пойдемте, – решительно сказал Сорокин. – Там живут хорошие люди. Я к ним пришел как-то, поговорил и попросил, чтобы интерьер хибарки не перделывали. Ведь это наша историческая реликвия! Здесь старец Амвросий принимал Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Меж тем мы с В. Н. Сорокиным вошли в ограду хибарки старца Амвросия. Василий Николаевич попросил меня подождать, а сам зашел внутрь. Минуты через две на крыльце появился хозяин, Сергей Константинович Абрамов, и пригласил в гости.

– Вот здесь был вход в спальню старца, – показал Сорокин. – А в этой комнате, где мы стоим, принимал старец семейку Карамазовых.

«Старец уселся на кожаный красного дерева диванчик, очень старинной постройки, а гостей, кроме обоих иеромонахов, поместил у противоположной стены, всех четырех рядышком, на четырех красного дерева обитых черною сильно протершеюся кожей стульях».

Я внимательно присматривался к мебели в бывшей хибарке Амвросия. Стулья были явно советской «постройки», а вот диванчик показался мне «породистым», середины прошлого века, только уже обтянут не кожей, а дерматином, как сказал хозяин. Василий Николаевич тут же сговорился с хозяином, что готов предоставить ему из музейного фонда почти новую тахту взамен диванчика.

– Вот так и приходится собирать экспозицию, – горестно вздохнул Сорокин.

– Ясное дело, утраченного ворохами не соберешь крохами, – резонно заметил хозяин.

– А вы не смогли бы сделать снимки интерьера кельи старца Амвросия? – обратился Сорокин ко мне и пояснил: – Мне через пару недель придется выступить в Москве в Доме ученых, и потребуется иллюстративный материал.

Остаток дня мы провели за съемкой. Отсняли скит, раковую аллею, сам монастырь и остатки некрополя. Когда-то он насчитывал сотни богатых захоронений. Можно быть уверенным: никто из тех, кто покупал здесь место для последнего упокоения, не мог даже в горячем бреду предположить, что их прах будет осквернен, а могильные камни будут проданы нуворишам в Калугу и Москву еще при жизни внуков, – ни зять Пушкина Николай Иванович Гартунг, ни сестра адмирала Нахимова Мария Кавелина... Это могли провидеть лишь оптинские старцы, но они были великими молчаливниками.

– А где же захоронен старец Амвросий? – спросил я. – Покажите мне его могилу.

– Какая она была, могу показать, – и Сорокин достал старинную открытку.

– А в натуре?

– Могилы всех старцев сровнены с землей. – И Василий Николаевич повел меня к Введенскому храму. Отмерив от юго-восточной апсиды несколько шагов, Сорокин снял кепку и сказал: – Здесь лежит старец Амвросий, рядом старец Макарий, а вот там, – и он указал рукой, – братья Иван и Петр Киреевские...

В Доме ученых мы выступали с Василием Николаевичем вместе. Писательница Н. А. Павлович, которая была свидетелем закрытия монастыря в 1923 году, от имени московской общественности зачитала в заключение вечера письмо в Министерство культуры СССР. Решено было потребовать постановки всех памят-

ников Оптиной пустыни на государственную охрану и создать в скиту литературный музей. Под петицией поставили свои подписи ученые, писатели, художники, рабочие – граждане России.

Летом следующего года состоялось открытие литературного музея в скиту и мемориальных плит на могилах братьев И. В. и П. В. Киреевских.

В. Н. Сорокин в официальных случаях отрекомендовывался не иначе как «козельский краевед». На самом деле он был и литературоведом, и фольклористом, и искусствоведом, а главное, подвижником – человеком, «горевшим в одно пламя». По его замыслу, Козельск, Оптина пустынь и Шамордино должны были войти в Золотое кольцо России. Но как достичь этой цели? Нужны были союзники.

По просьбе Василия Николаевича я привез в Козельск Владимира Солоухина. Специально мы не подгадывали, но так уж получилось, что наша поездка пришлась на середину лета. «Есть прелестный подбор цветов этого времени», – читаем у Толстого в «Хаджи-Мурате». Все это воочию мы увидели на шамординских лугах: «...красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; нахальные маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой „любишь-нелюбишь“...». Время течет, а в шамординской природе мало что изменилось.

Вместе с В. Н. Сорокиным мы стояли на высоком откосе над речкой Серёной и пытались восстановить, какой дорогой шел Лев Толстой, когда встретил сломан-

Открытие памятника Ивану Васильевичу и Петру Васильевичу Киреевским. Оптина пустынь. 1970-е годы

ный, раздавленный колесом, но все-таки поднявшийся куст «татарина». Особенно гадать не приходится – там вот, у столетней липы, стоял дом Марии Николаевны, а здесь вот – монастырская гостиница, где останавливался Лев Николаевич. Так что нетрудно представить, как и где все это происходило.

У графа Толстого с оптинскими старцами отношения не сложились, а вот сестру его, Марию Николаевну, старцы

Конференция краеведов и писателей. В. Н. Сорокин (слева). Оптина пустынь. 1970-е годы

любили как родную. Старец Амвросий сам ей место выбрал для хибарки, когда она решила переехать из Белёвского женского монастыря в Шамордино, часто и подолгу душевно беседовал с ней. Понять нетрудно – Толстой был художником. В нем жизнь клокотала до самого последнего дня, а старцы и Мария Николаевна – умные, образованные люди, но отошедшие от мира.

Кто был в Ясной Поляне, тот, наверное, заметил в комнате Льва Николаевича на втором этаже на кровати небольшую темного цвета подушку с вышитой по краю надписью: «От одной из ш-ских дур». Не правда ли, странная надпись? Однако она имеет прямое отношение к Шамордину. Оказывается, Лев Николаевич в одну из встреч с сестрой полуиронично-полусерьезно спросил у нее: дескать, сколько вас, таких дур, в монастыре? Сестра припомнила братцу его не очень-то церемонный вопрос. С любовью вышив ему на память подушечку-думку, она не преминула вставить: «От одной из

ш<амордин>ских дур». Мария Николаевна была остра на язык.

Дом Марии Николаевны уцелел, хотя и стоит нынче не на своем месте. После ее смерти дом продали в Козельск (ул. Мира). Особой перестройке, к счастью, он не подвергся. Старый фотоснимок, на котором Мария Николаевна и Лев Николаевич сфотографированы на террасе этого дома, послужит основным документом, когда придет время поставить дом на свое место. Вернут на свое место и гранитный камень над могилой Марии Николаевны. Его увез из монастыря в соседнюю деревню один «благодарный» сын Отечества. Старую надпись он сбил и установил камень на могиле своих предков.

Василий Николаевич провел нас к месту, где находился дом Марии Николаевны. Мы молча постояли у заросшего крапивой и лебедой котлована, сфотографировались на память. Для ориентации и привязки к местности я отснял несколько кадров, так чтобы в объектив попали большие старые деревья, посаженные еще при Сергее Васильевиче Перлове –

строителе Шамординского монастыря. Это тот самый Перлов, чайный магазин которого в виде китайской фанзы на Мясницкой знают все москвичи.

Пригласив нас в гости, В. Н. Сорокин не без основания надеялся, что мы сможем помочь ему в деле сохранения исторического наследия Козельска и его окрестностей. Показывая Шамордино, Василий Николаевич то и дело акцентировал внимание на утратах, на необходимости срочного восстановления гибнущих памятников. В шамординской гостинице, где останавливался Л. Н. Толстой во время своих приездов, мы прошли через анфиладу комнат. В одной половине жили рабочие совхоза «Шамординский». Удивительное чувство возникает, когдаходишь в комнату, в которой жил в последний свой приезд сюда Лев Николаевич. Вот здесь стояла кровать, у окна – столик, за которым он вел записи в дневнике. В комнате никто не жил. Изразцовая печь и пол были разобраны. Я выглянул из окна. Оно выходит прямо на Казанский собор. На всякий случай (может быть, когда-то пригодится) сделал несколько снимков через окно и из окна, а также внутри комнаты, в коридоре, заснял и единственную уцелевшую от того времени филенчатую дверь.

Выходим из гостиницы. Каштан, посаженный Толстым в один из своих приездов, разросся и шумит огромной кроной.

– Надо будет взять несколько орехов, – сказал Сорокин и стал собирать большие коричневые плоды. – Думаю насадить в центре Козельска красивую аллею из оптинских и шамординских сосен, лип, каштанов, кленов в честь великих людей, ступавших на козельскую землю.

Среди долгожителей в Шамордине никто уже не помнит последний приезд Толстого. Дом, за который писатель дал задаток три рубля, собираясь там жить после ухода из Ясной Поляны, сгорел в большой пожар 1925 года. На этом месте сейчас пустырь, никем не застроенный. Подробное описание дома на случай восстановления

шамординского толстовского мемориального комплекса Василий Николаевич сделал загодя. Кто знает, может быть, оно скоро понадобится? Тогда бесценными будут свидетельства живущей в селе Нижние Прыски монашки Евдокии Ивановны Агибаловой. Родилась она в 1878 году. Родители ее вскоре умерли, и она была отдана на воспитание в Шамординский монастырь. Послушание, то есть приготовление к принятию монашества, она проходила в монастырской пекарне. Здесь ее и заприметила М. Н. Толстая. Хорошими словами вспоминала Агибалова свою «старшую сестру» Марию Толстую. Вспоминая о былом, старая женщина, прошедшая суровой жизненной стезей, несмотря ни на какие испытания, оставалась приветливой и светилась изнутри добротой и лаской.

– Мария Николаевна любила рулет с маком, – рассказывала Евдокия Ивановна. – Я хорошо пекла, и она мне часто его заказывала. И в тот последний приезд брата Мария Николаевна потчевала Льва Николаевича рулетом с маком.

Скорее всего, так оно и было. Октябрь 1910 года был холодным и дождливым, так что горячий чай с рулетом как раз был кстати.

Е. И. Агибалова после закрытия Шамординского монастыря была выслана вместе с другими монашками в Узбекистан. Числились они там «расконвоированными» (была такая градация мер пресечения), но жили все в одном бараке, чтобы легче было контролировать нравственное перевоспитание «от тьмы к свету». Работали монашки на фабрике, изготовляли стеганые халаты и одеяла, да еще дома прирабатывали. Мастерство и добросовестность были таковы, что начальство не хотело отпускать их вплоть до начала 1960-х годов. Получив наконец паспорт, а с ним и свободу, Евдокия Ивановна, естественно, приехала туда, куда душой тянулась все эти годы. Ее радушно принял к себе в дом настоятель Преображенской церкви в Нижних Прысках отец

Леонтий и его жена – матушка Тамара Ивановна.

То, что мы с Солоухиным пришли в дом к отцу Леонтию не «самотеком», а вместе с Сорокиным, послужило доброй рекомендацией, и хозяева встретили нас с открытой душой. Мы пили чай, разговаривали и рассматривали старые открытки с видами Шамордина. Пояснения давала матушка Евдокия Агибалова. Хотя ей к тому времени перевалило за сто, память ее была светла, а сама манера обращения свидетельствовала о благородстве и достоинстве. Простую крестьянскую девочку жизнь и судьба «отшлифовали» так, что, казалось, мы разговаривали если не с самой графиней М. Н. Толстой, то, во всяком случае, с ее духовной сестрой.

Знакомство с памятниками Козельска, с усадьбой князей Оболенских Березичи, с Оптиной пустыней и Шамордином... В. Н. Сорокин постарался сделать нашу поездку интересной и насыщенной. Однако нам с Владимиром Солоухиным предстояло дело, в которое мы никак не хотели ввязывать Василия Николаевича. Мы попросили аудиенции у руководства Козельска, уведомив, что хотели бы побеседовать о состоянии памятников прошлого в городе и районе, о музейных делах. В тактических целях решили, что В. Н. Сорокин на эту встречу идти не должен. Мы с Солоухиным собирались говорить резко и неловко, но мы поговорим и уедем, а Василию Николаевичу жить и работать в Козельске. Разговор состоялся. На нем кроме нас присутствовали первый и второй секретари райкома партии и председатель райисполкома. Когда мы стали говорить о таких вещах, как уничтожение силуэта города в связи со взрывом и сносом ряда памятников старинной архитектуры, хаотичности новой застройки и отсутствии в ней эстетического начала, о прозябании музея, который находится в не приспособленном для него помещении, тон беседы резко изменил-

ся. У начальников появился привычный металл в голосе.

– Это вам Сорокин справку готовил?

– Какую справку? – опешили мы. – Что мы, без справки, сами, что ли, не видим? Такому городу, как Козельск, стыдно иметь музей на задворках. Будь наша воля, мы бы музей перевели в самое красивое здание – дом бывших фабрикантов Брюзгиных. Там интерьеры в стиле классицизма...

– Вон вы куда... Там у нас службы исполкома.

– Службы исполкома при желании можно было бы разместить в любом современном здании.

– Нам виднее...

На этом, собственно, «протокол» беседы можно и закончить. Мы попрощались и, когда уже уходили, услышали разговор «триумвирата» между собой, но последняя фраза предназначалась явно для нас:

– Это все Сорокин мутит воду.

После своего неудачного визита мы не поехали к В. Н. Сорокину пить чай, как это обычно делали вечером. Не хотели огорчать его. Еще раз побывали в Оптиной, у Введенского собора поклонились старцу Амвросию и положили цветы на голую землю. Ни могилы, ни креста тогда еще не было, оттого что ревностные атеисты по указанию свыше всякий раз сравнивали с землей импровизированную могилу старца.

Утром следующего дня по наплавному мосту мы перешли через Жиздру и оказались на заречной стороне Козельска. Хотелось хотя бы километр пройти по той дороге, которой когда-то ехал А. С. Пушкин к генералу А. П. Ермолову. Старая дорога, обсаженная столетними корявыми вязами, уперлась в железнодорожную насыпь. Над макушками деревьев мерно отстукивали колеса груженых вагонов. Пути пересеклись...

Заехав за Василием Николаевичем, мы двинулись еще раз в Шамордино. Пока в Шамордино хорошей дороги не положили. Пользуются той же, которой ез-

дил и Толстой. Осенью и весной по ней проехать не так-то просто.

Вместе с обступившей нас любопытствующей детворой мы рассматривали прихваченный В. Н. Сорокиным ставший библиографической редкостью старинный альбом с видами Шамордина, каким его застал Лев Толстой. Хорошее издание, ничего не скажешь, и цветные открытки, оказывается, до революции здесь можно было купить. К сожалению, сейчас любознательному туристу в Шамордине ничего не предложат.

– А ведь как было бы хорошо, – сказал В. Н. Сорокин, – если бы можно было купить в Шамордине «Хаджи-Мурата» да еще поставить на память изготовленный по такому случаю штампель с датой посещения этих дорогих для всех читателей мест.

День клонился к вечеру. Мы покидали Шамордино. Когда машина была уже за монастырем, Солоухин затормозил. Все вышли на обочину дороги. Спустились в канаву, и, обмотав руку платком, Василий Николаевич сорвал нам по цветку «чудного малинового, в полном цвету, репья». Того самого, который когда-то поразил своей жизненной энергией Толстого.

На память о Козельске Владимир Солоухин увозил в Москву кроме цветка репья камень с кулак величиной, почти прямоугольной формы, подобранный в Оптинском скиту.

– Пусть лежит на столе вместо пресса для бумаг, – сказал он. – Напоминание...

– Извечная мудрость, – в тон ему ответил я. – Время разбрасывать камни, время – собирать...

– А я все думал, как назвать очерк о нашей поездке... Так и назову: «Время собирать камни».

Написанный В. А. Солоухиным очерк имел широкий общественный резонанс. В нем писатель сполна отдал должное подвижничеству В. Н. Сорокина. Рассказывая о нем, Солоухин вспомнил «проповедь», обращенную Сорокиным к экскур-

Могила преподобного Аверосия Оптинского, восстановленная В. Н. Сорокиным. 1970-е годы

сантам, приехавшим в Оптину пустынь и пришедшим на место, где погребены старцы и братья И. В. и П. В. Киреевские. «Запомните это место, молодые друзья, – говорил он, – вам еще долго жить, возможно, и перед вами история поставит вопрос об отношении к прошлому. Не перед вами, так перед вашими детьми. А откуда дети могут набраться ума-разума, если не от вас, не от нас? А мы... от них, лежащих под этими плитами...»

Не надо забывать – то было время «сурьезное». Общественный резонанс – это одно дело, а «оргвыводы» районного аппарата – это совсем иное... Аппаратчики усмотрели в лекциях и экскурсиях В. Н. Сорокина чуть ли не крамолу. Объективных данных, чтобы снять его с должности, не было, поэтому для начала ему объявили выговор за то, что, находясь на переднем плане идеологической борьбы, он притупил «политическую бдительность».

«Дорогой Владимир Александрович, – писал мне В. Н. Сорокин, – 30 июля 1980 года с тоски я уехал в санаторий, хотя никогда бы не отлучился (кроме болезни) из Козельска и его Оптиной пустыни.

Я не знаю, как назвать сие. Но с 12 июня Оптина для экскурсий закрыта, скит тоже, музей Оптиной тоже. А ведь в ноябре – 70-летие со дня смерти Л. Н. Толстого, в феврале – 100-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Что я перечувствовал! Какая неблагодарность по отношению к Солоухину! Его произведение – великолепно, но наши-то дураки действуют хуже тех, кто рушил храмы в 20–30-х годах. Реставрация, по существу, прекратилась. Все, что сделано, можно сказать, сделано нами без помощи кого-либо.

Плиту с могилы [старца] Амвросия (Александра Гренкова) – прототипа Зосимы – куда-то убрали. Кто убрал – скрывают. Ваше письмо о переводе музея в другое здание пока не возымело действия. Я говорил по телефону с проверяющими, когда был в Калуге 23 июня. Они за вас и за нас. Но дело не движется. Попросите кого-либо из влиятельных лиц, чтобы открыли музей в Оптиной. Пишите или в санаторий (буду здесь до 18 августа), или домой.

С уважением В. Сорокин».

Получив письмо, я обратился к первому заместителю председателя президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) В. Н. Иванову с просьбой оказать помощь в охране памятников Оптиной пустыни и Шамордина и вторично обратился с письмом в адрес министра культуры РСФСР Ю. С. Мелен-

тьева, чтобы Козельскому музею был выделен под экспозицию памятник архитектуры XIX века – дом Брюзгиных.

«Ничего доброго из письма не получается, – сообщил мне В. Н. Сорокин 28 сентября 1980 года. – Здание нам не дают. Больше того, ругают за просьбу о благоустройстве могилы отца Амвросия. Закрыты до неизвестного времени музеи в Оптине. Надо бы принять более эффективные меры. Министерство культуры написало правильно, но местные власти к этому отнеслись весьма пассивно. Отношение к музеям ухудшилось... Хорошо, если бы Вы смогли приехать в Калугу, чтобы поговорить с 1-м секретарем ОК КПСС А. А. Кандренковым и секретарем по пропаганде А. А. Лебедевым».

Воспользовавшись поездкой в Калугу с группой художников в качестве экскурсовода, я встретился с заместителем председателя облисполкома А. П. Бархатовым. Разговор у нас не получился. Чувствовалось, что отношение властей к Сорокину приобрело, как у нас любят говорить, «самый негативный характер». Должны были последовать строгие «выводы», но В. Н. Сорокину уже было все равно. Он был серьезно болен и вскоре умер. На похороны человека, который сделал столько добра для родного города, ни один руководитель ни из Козельска, ни из области не пришел и не приехал. Зато отец Леонтий, настоятель Нижнепрысковской церкви, помянул коммуниста Василия Сорокина на вечерней службе словами Нагорной проповеди: *зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела* (Мф. 5, 15).

Воистину свет добрых дел В. Н. Сорокина видят многие из нас.

Иеромонах Платон (Рожков)

Некоторые аспекты изучения материалов судебно-следственных дел в контексте прославления святых

Благоприятный период для изучения материалов судебно-следственных дел закончился с принятием известного приказа трех министров от 25 июля 2006 года¹, ограничивающего доступ к материалам прекращенных уголовных, административных и фильтрационно-проверочных дел, а также после уничтожения в архивах ФСБ некоторой информативной части материалов (оперативной информации, агентурных донесений, меморандумов) из состава судебно-следственных дел. Однако полемика продолжается, поскольку значительное количество документов уже было введено в научный оборот.

По мнению некоторых исследователей, судебно-следственные документы не являются достоверным историческим источником, поэтому верить их содержанию, особенно протоколам допросов обвиняемых, не следует. Они же призывают не использовать такого рода материалы при канонизации подвижников. При этом приводятся доводы, что протоколы допросов – это продукт творчества следователя-«литератора», а подписи добывались следователем-«забойщиком» силой и угрозами. Безусловно, такие явления могли иметь место. При изучении дел нетрудно видеть, что каждый следо-

ватель являлся «литератором», а в случае необходимости – и «забойщиком». Однако проблема не только в этом.

Большое значение имеет подпись обвиняемого, подтверждающая его «согласие» с тем фальсифицированным обвинением в контрреволюционной деятельности, которое ему всегда предъявлялось. Если арестованный поставил подпись под документом с фальсифицированным обвинением – это грех лже-свидетельства, который не перестает быть грехом, духовной слабостью, даже если совершен под принуждением «забойщика» и оформлен «литератором».

Процесс канонизации – не самоцель, это поиск примеров святости, которые, как показывают исследования, единичны. Если человек в результате мучений оступился – можно и должно ему посочувствовать, но такой поступок говорит об отсутствии у этого человека христианского совершенства. Мученик же всегда является исполнителем заповеди: *будь верен даже до смерти и дам тебе венец жизни* (Апок. 2, 10).

Изучение практически любого группового следственного дела дает богатейший материал для беспристрастного исследователя, для которого в документах ярко высвечивается разность поведения обвиняемых в примерно равных условиях следственных действий, проводимых одними и теми же следователями – «литераторами» и «забойщиками»: кто-то дорожит своей позицией («страшен только грех», – сказал один исповедник), другой колеблется, третий соглашается с любыми

¹ Приказ Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел».

требованиями гонителей: лжесвидетельствует, становится агентом спецслужб. Но есть примеры, когда обвиняемый вообще не подписывает протоколы допросов и следователь это фиксирует.

Протоколы допросов, как правило, дают возможность понять позицию обвиняемых. В этом и состоит искусство исследователя, чтобы стремиться понять нюансы духовного поведения подсудимого, найти крупинки истины под грудой «литературного» труда. И это оказывается возможным, что видно из сравнения «признательных» и «непризнательных» протоколов.

Из числа известных случаев можно привести пример группового дела, по которому проходили митрополит Кирилл (Смирнов) и митрополит Иосиф (Петровых). Поведение первого дало однозначное основание причислить его к лику святых, поведение второго этому не соответствовало. Епископ Григорий (Лебедев) не дал признательных показаний в отличие от всего духовенства, проходящего с ним по одному делу¹, и был прославлен в лике святых. Можно привести множество других похожих примеров.

Состояние совести человека во время следствия можно, условно говоря, представить графически. При изучении протоколов допросов святого мученика ясно видно, что его духовное поведение строго соответствует Евангелию. Линия духовного состояния прямая, ясная, безгрешная. Мученик не нарушает святых заповедей. Его подпись стоит под «безгрешным» протоколом. Даже если следствие вел «литератор» и «забойщик» в одном лице, он ничего не мог сделать с «упрямым» святым.

Но вот тот же следователь работает с другим обвиняемым. В этом случае линия поведения подсудимого выглядит тревожно: делает различные зигзаги, извивается – очевидно противоречит Евангелию, и легко заметить, что

подследственный в той или иной степени сломлен, оказывается лишенным духовного стержня. Страх Божий покинул его. Человек становится игрушкой в руках дьявола и следователя. Вера его едва теплится или совсем угасла.

Если же подсудимому удалось как-то обмануть (воспользовавшись его «плохим зрением» или другими обстоятельствами) и он поставил подпись под вымышленным протоколом, то в этом случае никто не сможет доказать, что все произошло именно так, а не по малодушию. Вопрос о прославлении такого страдальца, чтобы не ошибиться, следует отложить в сторону за абсолютной недоказуемостью и неясностью.

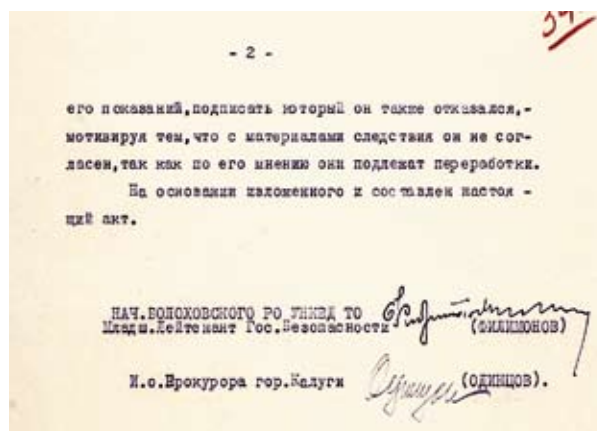
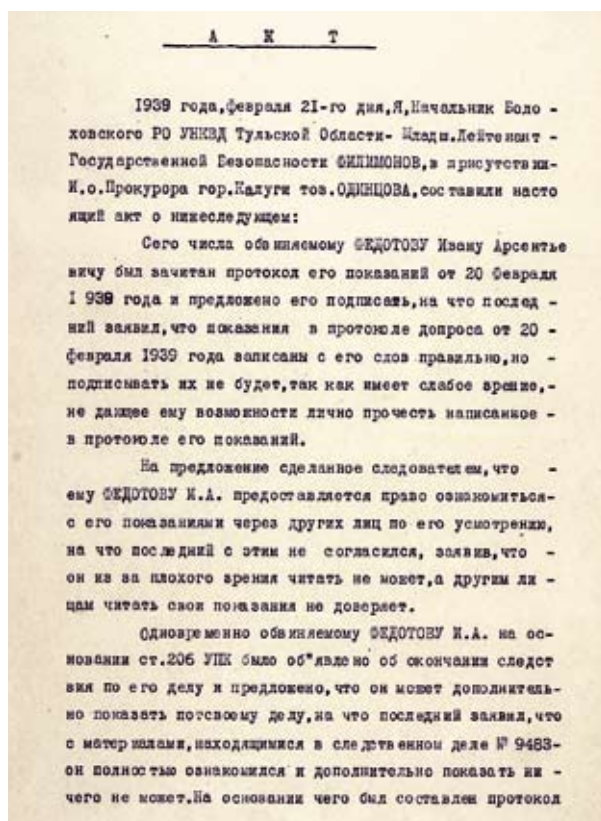
В рассматриваемой сложной проблеме есть еще один важный аспект. Некоторые исследователи настаивают на возможности подделки подписи. Заметим лишь, что не было еще ни одного доказанного случая такой подделки. В книге «Бутовский полигон»² из материалов архивно-следственного дела приводится показательный пример того, как подпись обвиняемого меняется от допроса к допросу, становясь все более неразборчивой, что убедительно свидетельствует о незаконных методах следствия. Опираясь на многолетний опыт исследования судебно-следственных документов, мы также можем подтвердить это похожими примерами.

Мучения обвиняемых, продолжавшиеся иногда очень долго, свидетельствуют о том, что следователю важно было получить подпись самого обвиняемого. Естественен вопрос: зачем такие сложности, зачем избивать, мучить, если можно просто составить протокол и подписать его от имени обвиняемого? Нет, достоверность ложного обвинения должен был подтвердить своей подписью сам подсудимый. Необходимо понимать, что задачей следствия в то время был не поиск истины, а выполнение

---

¹ УФСБ по Тверской обл. Д. П-24937.

² Бутовский полигон. М., 2004. С. 69.

Документ из следственного дела в отношении оптинского иеромонаха Иеронима (Федотова), в котором засвидетельствован его отказ поставить подпись. 1939 год. Архив УФСБ по Калужской области

политического заказа советского руководства – подвести под приговор, обвинить в контрреволюционной деятельности, обосновать «преступление врага», сломать его и наказать (уничтожить). Здесь борьба, поединок, страсть. В признательной подписи – удовлетворение, торжество. Но при этом необходима была и видимость законности.

Подпись обвиняемого во все времена, при любой власти считалась одной из главных целей следствия. Ее всегда пытались добиться, «выбить» любыми средствами. Такова логика следствия, доказательство «профессионализма», условие «законности». Подпись – это итог, конец, победа, печать. Подпись – требование самой Системы. Подделка – обман Системы, и в этом случае следователь сам становился врагом. А поскольку он сам находился под строгим контролем, то подделка подписи, то есть должностное преступление, могла стоить ему карьеры, а в 1930-е годы и жизни. Доказательство тому – «шпионские» и «вредительские» процессы. Следователем двигал карье-

ризм, стремление к званиям, наградам, а рвение в уничтожении врагов советской власти есть доказательство его идеологической, классовой бдительности.

После 1937 года довольно часто возбуждались дела в отношении сотрудников НКВД, использовавших незаконные методы следствия. В вину им предъявлялись угрозы подследственным, нанесение побоев, применение «стоек» и т. д., но нам ни разу не встретился случай обвинения в подделке подписи.

Если же подследственный, несмотря ни на что, не давал нужных показаний, то в практике НКВД существовал институт «дежурных» свидетелей, которые подписывали нужные следователю показания, на основании которых достигалась цель следствия.

Нам известны случаи, когда эти же свидетели позже утверждали, что их подписи – фальшивка и они не давали таких показаний. Очевидно, что здесь мы имеем дело с человеческим фактором: никто добровольно не признается в лжесвидетельстве, послужившем основанием для обвинения других лиц, ибо в этом случае он сам может подпасть под действие закона и быть репрессирован. Эти «дежурные» свидетели прекрасно понимали, что они делают, когда выполняли требования

Документ из следственного дела Деянова Г. К. (Гриша юродивый), в котором отмечено, что обвиняемый отказался давать показания. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

сотрудников НКВД, и не важно по какой причине. Теперь они сами могли быть обвинены в даче ложных показаний. Поэтому по прошествии времени, когда в стране развернулась борьба с культом личности, когда массовый террор закончился, можно было без опаски валить вину на репрессивные органы и на следователей: некоторые из них к тому времени уже были репрессированы и потому не опасны, другие оказались под угрозой стать обвиняемыми.

Согласно материалам судебно-следственных дел, большая часть духовенства и верующих подписала признательные показания. Этот факт, поражая воображение некоторых исследователей, приводит их к выводу, что документы ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ – подделка. Но вот что пишет священномученик Киприан Карфагенский о гонениях своего вре-

мени: «Тотчас, при первых словах угрожающего врага, большое число братьев продало свою веру...»¹ И в другом месте читаем: «Враждебная буря, низвергнувшая большую часть народа нашего, чрезмерно увеличила скорби наши тем, что в своем разрушительном стремлении захватила и часть клира»². О пораженных страхом во время гонений, массово отрекающихся и приносящих языческие жертвы христианах писали Евсевий Памфил и другие церковные авторы. А это были первые века христианства, когда вера была не в пример крепче. Что же говорить о начале XX века, которое характерно отходом от христианских ценностей, когда вера многих находилась на бытовом уровне, существовала лишь в силу привычки. Колебания, падения многих во время следствия являют собой впечатляющий дидактический пример и прямо предостерегают нас: *блюдите убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15).

Конечно, нельзя проводить прямую аналогию с первыми веками христианства, когда мучители требовали отречения от Христа. В XX веке формально христианство не было под запретом. С Церковью и духовенством боролись с помощью обвинений в антигосударственной деятельности. Согласившийся же с обвинениями и подтвердивший это собственной подписью лжесвидетельствовал против себя и Церкви. При этом обвиняемый, даже если давал признательные показания или оговаривал кого-либо, чаще всего не избегал насильственной смерти или иного наказания. И в этом случае очевидно, что факт гибели и страданий человека не дает оснований для причисления его к лику святых.

Рассмотрим вопрос, который может возникнуть при подобных исследованиях – о покаянии. Человек, говорят некоторые исследователи, мог перед смертью

¹ Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского / Общ. ред.: проф. А. И. Сидоров. М., 1999. С. 212.

² Там же. С. 480.

покаяться, как покаялся святой апостол Петр в своем отречении от Христа... Действительно, нельзя отрицать того, что если, пройдя через весь ад страданий, человек не потерял веру, он, скорее всего, потом каялся в своем падении. Но нельзя отрицать вероятности и того, что человек оступившийся мог оказаться ввергнутым в бездну отчаяния, что даже более для человека естественно, так как совершённый грех помрачает душу и разум, и именно в этом состоянии он мог принять насильственную смерть.

Однако в чем же разница между покаянием бесчисленного числа оступивших страдальцев и покаянием святого апостола Петра? Скажем кратко: в плодах покаяния, в его глубине. Сам Христос принял покаяние ученика, возвратил ему апостольское достоинство. И весь оставшийся земной путь апостола и его мученическая кончина, его великое христианское мужество говорят о высокой благодатности, великой святости. Покаяние не есть некий единичный формальный акт. Может не хватить и всей жизни, чтобы вернуться хотя бы в прежнее свое духовное состояние, а чтобы достичь обильных плодов покаяния, тем более плодов святости, нужен великий подвиг, великое самоотречение. Плач потерявших душу должен быть предельно горестным – по крайней мере, как у Адама и Евы.

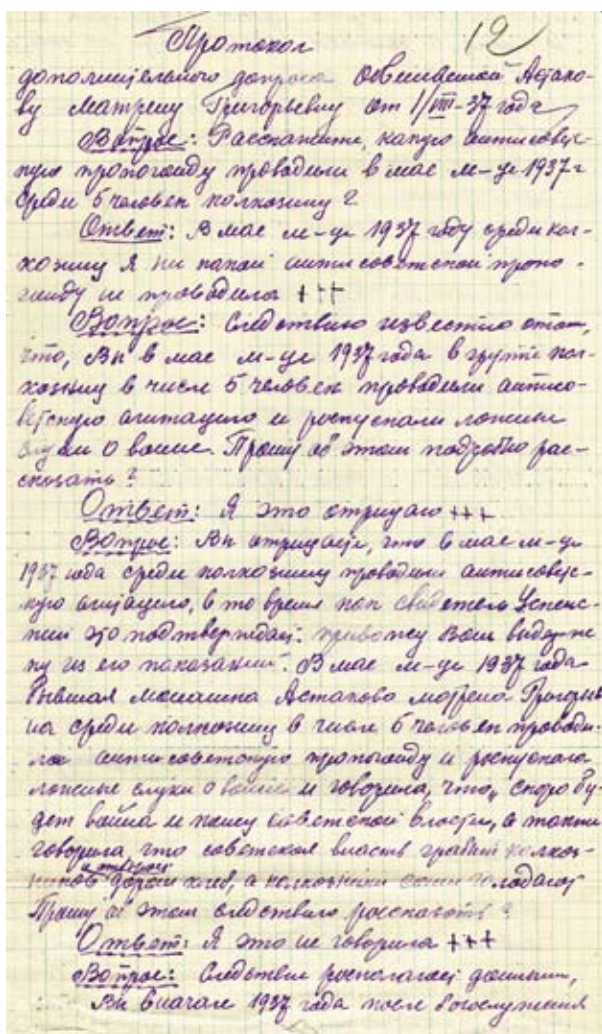
Три врага восстают против арестанта: мир, плоть и дьявол. Смешение правды и лжи приводит к падению на следствии, разрушает душу узника до основания, и в ней просыпаются звериные инстинкты, на поверхность всплывает вся грязь. Гаснет рассудок, теряется вера, и страх человеческий вытесняет страх Божий. Тяжелый груз ложится на сердце, закрывается ум для молитвы. В душе страдальца наступает серьезнейшее и глубочайшее перерождение – происходит утрата евангельского идеала, утрата себя, религиозного смысла, смута, дьявольский хаос. Малодушие, маловерие, слепое безумие – это греховная интоксикация души, ее разложение,

деградация, разрушение, распад, пустота. Тогда человек отходит от Бога, а где нет Бога, там будет – Зверь. Утрачен стержень бытия, утрачена Жизнь. И без глубочайшего, деятельного покаяния не наступит примирения с Богом, с совестью. Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Человек так глубоко поврежден, растлен, осквернен грехом, до бесконечности многовидным, что и подвизаясь долго в созерцании и богомыслии, если на минуту выпустит духовные бразды ума и сердца, – сейчас может испуститься до мыслей и чувств низменных, плотских, скверных, ибо корни грехов глубоко и во все стороны проникают в сердце человеческое и бывает нередко, что до смерти остаются в нем и парализуют душу его. Только терпением, воздержанием, молитвою непрестанною, болезнями и страданиями искореняются»¹. «Все мы, бедные, – писал известный подвижник архимандрит Александр Арзамасский († 1845), – должны опасаться собственной слабости и естественного растления нашего. Одна минута может человека сделать из праведника грешником. Адам пал, Соломон забыл Бога, святой апостол отвергся Иисуса Христа»².

Говорить о покаянии в контексте спасения человека можно. В правилах Св. Церкви предусматривалась епитимья человеку, которому «изменила немощь плоти». В истории встречаются примеры, когда падшие впоследствии добровольно шли на мучения, и таких священномученик Петр Александрийский велел принимать во общение, то есть не лишать Причастия. Священномученик Киприан Карфагенский в письме к падшим, просящим прощения, говорит: «Если кто истинно и твердо раскаивается в своем поступке, если в ком теплота веры превозмогает, то не желающий ждать <окончания срока епитимьи. – И. П.> может

¹ Иоанн Кронштадтский, *св. прав.* Живой колос с духовной нивы. Минск, 2014. С. 228, 229.

² ОР РГБ. Ф. 214. Опт–447. Л. 8 об.

Протокол допроса, в котором зафиксировано, что монахиня не соглашается с обвинением и, т. к. неграмотна, вместо подписи ставит крестики. Следовательно при желании легко мог написать любой текст. Архив УФСБ по Калужской области

искать венца»¹, то есть предать себя на мучения. В этом случае мученическая кончина послужит во искупление грехов: «Иные потому стояли неустрашимо, что желали искупить содеянные грехи чрез омытие в крови своей, и чрез смерть надеялись опять получить жизнь те, которые при жизни считались мертвыми»².

Таким образом, если речь идет о канонизации, нужно иметь свидетельство

¹ Творения священномученика Киприана. С. 445.

² Там же. С. 400.

деятельного покаяния, его плодов, например последующего задокументированного исповедничества или мученичества. Оговоримся, что если на основании показаний подследственного кто-то пострадал, речи о прославлении того быть не может.

Выдвигаются и нелепые версии. Одна из них состоит в том, что спецслужбы в документах следствия умышленно компрометировали подвижника, чтобы избежать его последующего прославления. Это совершенно исключено, поскольку документы репрессивных органов имели гриф секретности, доступ к ним был строго ограничен, безусловно не планировалась их публикация и ни о каком последующем прославлении никто не мог и подумать.

Изучение документов времен репрессий требует взвешенного подхода, критерии канонизации должны быть строгими, чтобы по прошествии времени не обнаруживались печальные факты, компрометирующие подвижника.

Одним из примеров необъективного подхода к изучению документов времен гонений является книга «Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского)», изданная в 2010 году без разрешения Издательского совета РПЦ³. Последние протоколы допросов владыки содержат стандартные для того времени признательные показания в антисоветской деятельности. Поскольку содержание протоколов не соответствует стилю речи архиепископа, то автор делает вывод, что это фальсификация. Подпись же под протоколами, «неизвестно как полученная», не берется во внимание автором. Собственноручная правка показаний владыки объявляется фальшивкой.

Из этого можно только сделать вывод, что автор игнорирует накопленный опыт исследований в этой области и вообще научный подход к изучению

³ Петрова Т. В. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2010.

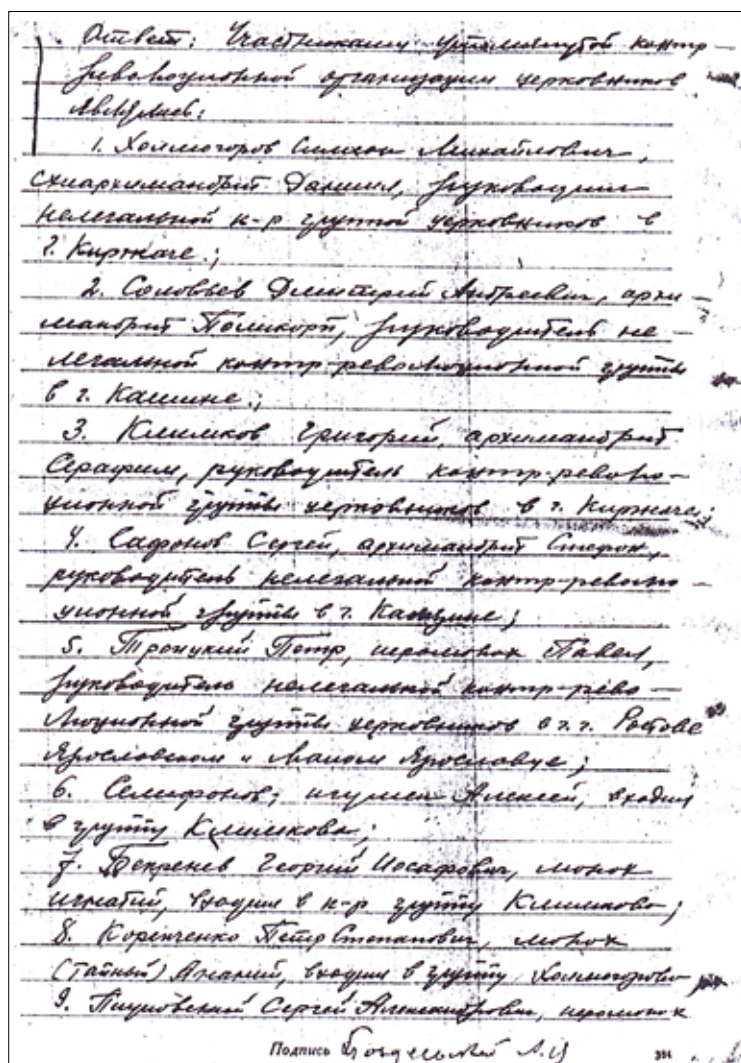

и осмыслению выбранной темы, всегда основывающийся на фундаменте предшествующих исследований. Причина же этих ошибок субъективна. Все дело в том, что заинтересованный исследователь не может смириться с полученной информацией и начинает выстраивать свою версию произошедших событий, именуя все компрометирующие факты клеветой на уважаемого архиерея.

Архиепископ Феодор был сломлен не сразу. На первых допросах он колебался, делал попытки схитрить, скрыть некоторые свои связи с единомышленниками, не желая подвести близких, но затем признавался в даче ложных сведений. Дело осложнялось тем, что один близкий к владыке человек ранее дал нужные следствию показания. Архиепископ поначалу сопротивлялся обвинениям в создании и руководстве неким «контрреволюционным» центром, но под нажимом довольно информированного и настойчивого следователя был сломлен.

Не исключено, что во время следствия применялись незаконные методы. Хотя, как показала практика изучения материалов судебно-следственных дел, на человека гораздо сильнее действуют методы психологического, нежели физического воздействия, особенно на людей образованных, неординарных, знающих о своей неординарности и не готовых в один миг от такого самосознания отказаться.

Конечно же, на архиерея не жалели времени и сил. Велась смертельная борьба. Человек – очень хрупкое создание. По словам узника Колымы Варлама Шаламова, уже через две-три недели нахождения в застенках, при тяжелой работе, холоде, голоде, побоях и отсутствии надежды он мог совершенно измениться,

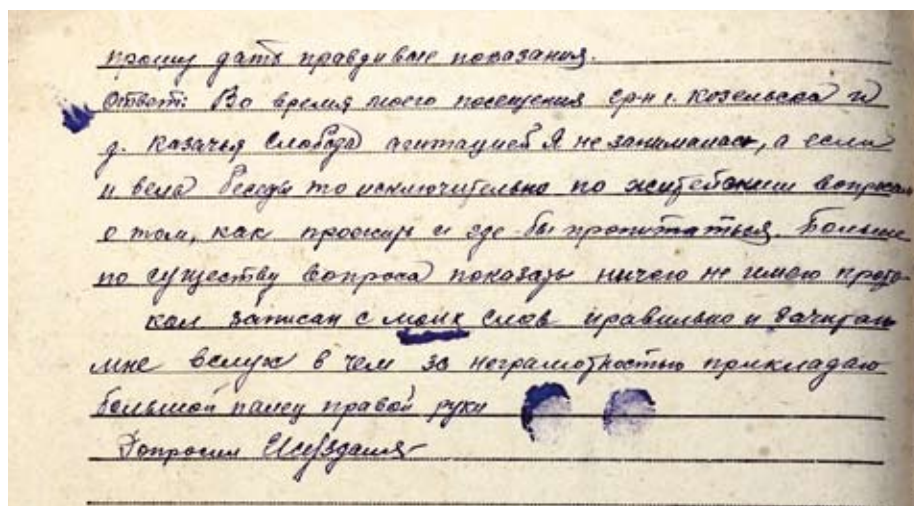

Показания архиепископа Феодора (Поздеевского) от 19.07.1937 с его подписью

сломаться, и очевидно, что три месяца интенсивных допросов не прошли даром для архиепископа. Многоскорбная душа владыки не устояла, и на допросе 19 июня 1937 года он подписал первый «признавательный» протокол. Аналогичные показания были даны им также на допросах 25 июня и 25 июля¹.

Ф. М. Достоевский, исходя из своего арестантского опыта, говорил, что труднее всего переживаются не физические лишения, а нравственные, что человеку интеллигентному нет ничего ужаснее, как находиться в чуждой среде, он как рыба, вытасченная из воды на песок. Упорная,

¹ УФСБ по Ивановской обл. Д. 7014-П.

Фрагмент протокола допроса. Обвиняемый неграмотен и ставит отпечаток пальца вместо подписи. С обвинением он не согласен, и следовательно это фиксирует. Архив УФСБ по Калужской области

всеобщая, ничем не смиряемая ненависть отравляет. Невыносимы отчуждение и одиночество.

Владыка, видимо, понимал, пугался, что он сдает духовные позиции, отступает, теряет себя. Ему желалось облагородить, смягчить, округлить формулировки, хоть немного самооправдаться в своей слабости, успокоиться. Поэтому он и вносил собственноручную правку в протоколы, пытался как-то объяснить, самоидентифицироваться. И, к сожалению, владыка подписал показания не только против себя, но и против десятков людей, якобы «участников контрреволюционной организации», и его показания в дальнейшем использовались следствием. И подписи не были подделаны, как утверждают некоторые. Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ было установлено, что в этом деле «подписи выполнены самим Поздеевским Александром Васильевичем»¹.

Если истязания одержали верх над человеком, то это обстоятельство, безусловно, может содействовать прощению, он имеет право на сострадание, но автор упомянутой книги желает во что бы то

ни стало прославить в лике святых «своего» подвижника, как будто добивается для него награды. Эмоции берут верх. Однако во всех сомнительных случаях во избежание ошибки справедливо руководствоваться принципом презумпции виновности. И, кажется, некоторые забывают о том, что посмертная участь человека от канонизации не меняется...

Не все подписали признательные показания в деле, по которому проходил архиепископ Феодор (Поздеевский). Три месяца вели неравную борьбу монахиня Пиония (Лебедева) и Антонина Баранова. Возможно, их истязали не так, как владыку и другое духовенство, но женщины – немощной сосуд – более беззащитны перед мучителями. Но они выдержали, не дали признательных показаний, и затем были осуждены на 10 лет лагерей.

Некоторым трудно принять реальное положение вещей, выявляемое при исследовании этих специфических документов. И когда не находится сил, желания или способностей осознать действительность, возникает соблазн отрицания. Но это не решает проблему, а загоняет ее вглубь, заставляя жить в выдуманном мире. Хотя христианство – это религия трезвения: *бдите и молитесь, да не внидите в напасть* (Мф. 26, 41), *блудите, бдите и молитесь* (Мк. 13, 33). Известный сербский богослов Владета Еротич сказал: «Истинная вера, подлинно пере-

¹ Иноземцева З. П. Искусство ставить вопросы. Архивно-следственные документы в агиографических исследованиях. Проблемы и решения // Журнал Московской Патриархии. № 4. 2014. С. 50.

живаемая, освобождает нас от иллюзий, как правило, служащих признаком нашей душевной и духовной незрелости»¹. Замалчивание и неприятие «принципа реальности» разрушает веру самого исследователя, а также может оттолкнуть проходящих. Беспристрастное изучение истории помогает понять, что ни монашество, ни священный сан, ни даже насильственная кончина сами по себе не являются достаточным условием ни для спасения, ни тем более для канонизации. «Не думаю, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – чтобы в среде священников было много спасающихся; напротив – гораздо больше погибающих»². «Неистребимо человеческое желание обожествлять людей – в политике, в искусстве и особенно в религии», – замечает Владета Еротич³.

Но и отчаиваться не нужно, опыт новомучеников XX века нам доказывает, что одно из явных чудес в Церкви происходит безусловно, это чудо – способность человека следовать своим убеждениям даже до смерти. Этот опыт учит нас: *неверный в малом неверен и во многом* (Лк. 16, 10), и самым впечатляющим примером для нас является именно то, что это оказалось возможным для сонма святых, пострадавших в эпоху последних гонений. Примером безупречного исследовательского подхода являются работы ученого и агиографа игумена Дамаскина (Орловского), использующего самые строгие научные и вместе нравственно-христианские критерии при изучении истории XX века, при написании житий святых и жизнеописаний подвижников благочестия.

В последнее время делаются попытки записать всех пострадавших в годы массовых репрессий во святые, что нельзя не охарактеризовать как противоцерковную деятельность, неважно, понимают ли

это сами таковые делатели или нет. Они бездоказательно предполагают, что все совершённые нравственные преступления и факты предательства и оговоров людей, приведшие к их аресту и смерти, совершены по причине грубого насилия тогдашних репрессивных органов власти, считая, что внешнее насилие само по себе оправдывает предательство. Однако такой взгляд на происходившие в то время события совершенно не соответствует действительности и реалиям человеческой личности. Никто, кроме добровольно предпочтенной страсти сребролюбия, не принуждал Иуду к предательству. Он сам стремился к предательству, искал встречи с покупателями, сам договаривался о цене и сам искал удобного времени и места для совершения злодеяния. Точно так же некоторое число пострадавших во время массовых репрессий, прежде чем они пострадали сами – получили сроки заключения или даже были расстреляны, – добровольно шли за житейские преимущества и блага тридцати сребреников в осведомители и предатели, и прежде чем пролилась их собственная кровь во время Большого террора 1937–1938 годов, они успели перепачкаться в крови тех, кого успели предать. Точно так же многие из тех, кто оказался под следствием и лжесвидетельствовал и оговаривал других, делали это без физического насилия со стороны власти.

По существу, попытка канонизировать всех пострадавших в годы репрессий, включая осведомителей или так называемых секретных сотрудников репрессивных органов, лжесвидетелей и попиравших веру Христову в годы испытаний, без всякого рассмотрения материалов, является разрушительной. Характеризуя специфику следствия в XX веке в период репрессий, когда далеко не всегда ставился прямой вопрос, верует ли человек в Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил, что вопросы «задавались косвенно: „Кого еще

¹ Еротич В. Корабль спасения. М., 2007. С. 106.

² Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. В 12 т. Сергиев Посад, 2013. Т. 9. С. 38.

³ Еротич В. Указ. соч. С. 65.

вы можете назвать? Кто вместе с вами в храм ходил? С кем еще вы беседовали на религиозные темы? А что вам ответил тот или иной человек?» – чтобы допрашиваемый назвал имена других, к чему и стремились те, кто осуществлял массовые репрессии. Нередко они убеждали допрашиваемого в том, что человек, против которого он не хочет свидетельствовать, на самом деле все уже про него рассказал и назвал его врагом. Теперь, мол, тебе нужно просто ответить тем же: скажи, что и он враг. И многие говорили, но их участь ничем не отличалась от участи тех, кто не говорил... Поэтому смертная казнь в годы репрессий сама по себе не является достаточным основанием для канонизации. В таком случае нужно было бы канонизировать всех, кто был репрессирован.

Церковь не пошла по этому пути, – подчеркнул Патриарх, – и сегодня она

останавливает всех тех, кто, желая увеличить количество новомучеников в рамках епархии или самоуправляемой Церкви, стремится идти по этому легкому пути: был казнен – значит, святой. А если этот „святой“ в преддверии казни привел к казни многих других? Если косвенно на нем кровь других?»¹

С учетом всего вышеизложенного и на примере изучения материалов дела 7014-П УФСБ по Ивановской области можно сделать вывод об исключительной информативности судебно-следственных дел как исторического источника и о целесообразности использования этого типа дел при подготовке к канонизации святых, используя правильную методику прочтения.

---

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/3562402.html>.

Источники и литература

Схиархим. Гавриил (Бунге).

«Добродетель ангелов».

Он же. Моисей был кротчайший из людей. Немного о сущности старчества

Bunge G. Geistliche Vaterschaft. Christliche Gnosis bei Evagrius Pontikos. Pegensburg, 1988.

Bunge G., Vogüé A. de. Quatre ermites égyptiens d'après les fragments coptes de l'Histoire Lausiaque. Bellefontaine, 1994. (Spiritualité orientale; 60).

Evágre. Scholia in Psalmos. Vaticanus graecus 754. OCP. 1960. Vol. 26.

Les six centuries des "Képhalaia gnostica" d'Évagre le Pontique. (Patrologia Orientalis; 28).

Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 2014.

Творения аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты / Пер., вступ. статья и коммент. А. И. Сидорова. М., 1994.

Иоанн Мосх, блж. Луг духовный: достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов.

Игнатий (Брянганинов), свт. Отечник.

Преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина Собеседования египетских отцов.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

Е. М. Аксененко. Игумен Антоний (Бочков) и Оптина пустынь. О судьбах русского монашества в XIX веке

РГИА. Ф. 1680. Оп. 1. Ед. хр. 5, 11–13, 15.
РО ИРЛИ. 3577, 3589.

День. 1865. № 35, 36.

Русская старина. 1874. № 2; 1889. № 11.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1874. Кн. 1, 4.

Дон-Кихот русского монашества. Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова). СПб., 2010.

Игнатий (Брянганинов), свт. Полн. собр. творений. М., 2002. Т. 4.

Преподобный Лев. (Жития Оптинских Старцев). Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2006.

Игнатий (Брянганинов), свт. Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.

Каширина В. В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006.

Нилус С. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 2006. Т. 3.

Оптина пустынь: Монастырь и русская культура. М., 1993. Вып. 1.

Ученые записки Тартуского ун-та. 1960. Вып. 98. Иллюстрации: ИРЛИ; РГБ. Фонд изоизданий; АОП. Фонд изобразительных материалов.

В. Н. Торопова. «Дело созидания душевного спасения»

РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 31. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 232, 294, 412 а, 956, 993, 1718; Оп. 2. Ед. хр. 276/1, 1032.

ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 368; Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36.

МА МДМД. КП – 611/28, 614/16; Архив Г. Е. Померанцевой. Машинопись.

Альманах «Прометей». М., 1980. № 12.

Берковская Е. Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания. М., 2008.

Вениамин (Федженков), митр. О конце мира. М., 1998.

Дурылин С. Н. В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991.

Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006.

Дурылин С. Н. В школьной тюрьме. Исповедь ученика. М., 1906 г.

Дурылин С. Н. Жалостник. Рассказ. Сергиев Посад. 1917. (Религиозно-философская библиотека.)

Дурылин С. Н. Рассказы, повести и хроники. СПб., 2014.

Дурылин С. Н. Русь прикровенная. М., 2000.

Дурылин С. Н. Сказание о невидимом Граде Китеже. М., 1916.

Дурылин С. Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 2014. Т. 1.

Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов. СПб., 2014.

С. Н. Дурылин и его время. Сб. статей. Кн. 1. М., 2010.

Записки Семинара по истории Церкви памяти свт. Стефана, просветителя Пермского. Вып. 11. М., 2004.

Литературная учеба. 1996. № 3.

Московский журнал. 2008. № 7.

Наше наследие. 2011. № 100; 2015. № 116; 2016. № 117, 118.

Нестеров М. В. Письма. Л., 1988.

Пастырь добрый. М., 2000.

Пономаренко Д., диак. Епископ Стефан (Никитин). М., 2010.

Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001.

Смирнова Т. В. «...под покров Преподобного». Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007.

Творческое наследие С. Н. Дурылина. Сб. М., 2013.

Торопова В. Н. Сергей Дурьлин: Самостояние. М., 2014.

Труды ГИМ. Вып. 158. М., 2006.

Флоренский П. А. Сочинения в 4 т. М., 1990. Т. 2.

Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. М., 2001. Т. 1.

«Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С. Н. Дурьлина и Е. В. Гениевой. М., 2010.

Иллюстрации: РГАЛИ; АОП. Фонд изобразительных материалов; МА МДМД.

М. А. Можарова. Они служили Отечеству. К истории некрополя Оптиной пустыни

ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Ф. 214. Ед. хр. 350, 361, 363; ГАКО. Ф. 903. Оп. 2. Ед. хр. 19.

Русская старина. 1884. Т. 41.

[Леонид (Кавелин), архим.] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1876.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. В 2 т. СПб., 1912. Т. 1.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986.

Оптинский альманах. Вып. 1. [Козельск], 2007.

Русаков В. М. Рассказы о потомках Пушкина. Л., 1982.

Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь. 2012.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 122.

Штутман С. М. Внутренние войска: История в лицах. М., 2004.

Он же. На страже тишины и спокойствия: Из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М., 2000.

Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы III научной конференции. М., 2000.

Иллюстрации: РГБ. Фонд изоизданий; АОП. Фонд изобразительных материалов.

Иеромонах Платон (Рожков). История Оптиной пустыни от возникновения до конца XVIII века

ОР РГБ. Ф. 213. К. 53. Ед. хр. 7; Ф. 214. Опт–326, 327.

Амвросий (Орнатский), еп. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. V.

Дмитрий Лужецкий, прот. Историческая заметка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования (16 октября 1799 – 16 октября 1899). Калуга, [1900].

[Ерост] В[ытроский]. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902.

[Леонид (Кавелин), архим.] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1876.

[Иеромонах] Л[еонид]. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. СПб., 1863.

Он же. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Калуга, 1862.

Леонид (Кавелин), иером. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М., 1863.

Концевиг И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 1993.

Смолиг И. К. Русское монашество 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

Шувалова Н. В. Русский православный монастырь XIX – начала XX в. (по материалам Козельской Введенской Оптиной пустыни). Диссертация... канд. ист. наук. Самара, 2003.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

И. А. Виноградов. Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Н. В. Гоголя: Москва и Оптина пустынь

ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361.

Русское Обозрение. 1896. Т. 41. Декабрь.

[Сергий (Васильев), иеромонах]. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и Затворника. М., 1841.

Москвитянин. 1842. № 3.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.: Киев, 2013. Т. 13.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2012.

Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996.

Ильюнина Л. А. Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века. СПб., 2012.

Нилус С. А. Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992.

Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001.

Подвижники благочестия Оптиной пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. [Козельск], 2012.

Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. С. 427–434; Первые жития преподобного Серафима Саровского / Сост., коммент. С. С. Бычкова. Н. Новгород, 2006.

Иллюстрации: РГБ. Фонд изданий; АОП. Фонд изобразительных материалов.

**В. А. Десятников. Свет добрых дел.
Козельский краевед Василий Сорокин**

Очерк о В. Н. Сорокине предоставлен автором, ранее был опубликован в изд.: Десятников В. А. Подвижники. М., 1993.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

**Иеромонах Платон (Рожков).
Некоторые аспекты
изучения материалов
судебно-следственных дел
в контексте прославления святых**

УФСБ по Ивановской обл. Д. 7014-П.

УФСБ по Тверской обл. Д. П-24937.

ОР РГБ. Ф. 214. Опт-447.

Бутовский полигон. М, 2004.

Еротиц В. Корабль спасения. М., 2007.

Журнал Московской Патриархии. 2014, № 4.

Иоанн Кронштадтский, св. прав. Живой колос с духовной нивы. Минск, 2014.

Петрова Т. В. Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2010.

Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. В 12 т. Сергиев Посад, 2013. Т. 9.

Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского // Общ. ред.: проф. А. И. Сидоров. М, 1999.

Иллюстрации: Архивы УФСБ по Санкт-Петербургской и Ленинградской, Ивановской, Калужской обл.

Список сокращений

АОП – Архив Оптиной пустыни

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГАКО – Государственный архив Калужской области

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

МА МДМД – Мемориальный архив Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РПЦ – Русская Православная Церковь

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

ЧОИДР – Чтение в Обществе истории и древностей Российских

УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности

ОСР – Orientalia Christiana Periodica

Оптинский альманах

Выпуск 5

«Добродетель ангелов»

На 1-й полосе обложки:

Макарий Опта. Рисунок худож. С. Афониной

На 2-й полосе обложки:

Дорожка возле Иоанно-Предтеченского скита
Оптиной пустыни. Фотография 2015 года

На 3-й полосе обложки:

Внутренний вид монастыря Оптина пустынь.
Фотография 2015 года

Подписано в печать 20.09.2016.

Формат 60x90/8. Бумага мелованная.

Шрифт «ОставаС». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 383

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной пустыни

249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина пустынь
Тел./факс: (48442) 50-117

Отпечатано в ООО «Гельветика».
125130, г. Москва, ул. Клары Цеткин, 28